
Россия, Русь! Храни себя, храни!

11-12
2019

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь РОМАНОВ. Куда нас ведут политики?	3
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Украинская трагедия: урок XXI века	46
Анатолий КЛИМОВ. Реабилитация истории и народов	101

ПРОЗА

Татьяна ГРИБАНОВА. Серёга Кумов. Повесть	10
Игорь ИЗБОРЦЕВ. Были и небыли Завокзалья. Короткие рассказы	66
Наталья КОРОТКОВА. Письмо в головной офис. Рассказ	125
Артём ПОПОВ. Избачиха. Рассказ	139

ПОЭЗИЯ

Владимир ХОМЯКОВ. О чём ты, Родина, поешь? Стихи ..	38
Александр ЛАЙКОВ. На кручёном яру. Стихи	86
Дмитрий ХАНИН. Ощущенье временности судеб... Стихи ...	94
Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА. Птица Сириин. Стихи	148
Ирина КАТЧЕНКОВА. Эта горькая память... Стихи	151
Стихи поэтов Ульяновска	184

ДОСЬЕ «МГ»

Владимир БОЛЬШАКОВ. Осторожно: ток-шоу	154
Елена СЕМЁНОВА. Неоязычество как проект разрушения русской идентичности	175

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай АНДРЕЕВ. Маркс и Россия	197
Сергей ХОЛОДОВ. Момент истины в августе 39-го	203

СИМВОЛ ВЕРЫ

Сергий ЧЕЧАНИЧЕВ. «Отречение» Государя и наша совесть	209
--	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Алексей ШОРОХОВ. Крестьянская Русь: между иконой и дубиной	225
Сергей КЛЫЧКОВ. Дубенская девка . Глава из романа	232

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Клим БУРОВ. Атеист Невзоров	239
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Василий ПУШКИН. Сибирские пожары	245
Андрей САМАРЕЦ. Мошенничество как система	251

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы . Размышления и воспоминания. Продолжение	255
---	-----

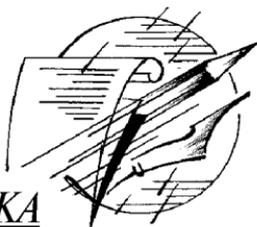
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Наталья ЕГОРОВА. Муза с красными крыльями	265
Содержание журнала за 2019 год	283

КУДА НАС ВЕДУТ ПОЛИТИКИ?

Бурлят и кипят деловые и политические страсти у русских берегов на востоке. Вносят свой вклад в судьбу мира стратеги и геополитики. Делят во сне и наяву богатые земли, поля и пастбища. Делят великие дары океана и дальневосточной тайги. Делят нефть и газ, алмазы и золото, пушнину и лес. Делят шкуру неубитого медведя.

Россия пока еще мощно и твердо стоит на скалистых тихоокеанских берегах. Россия нужна на востоке даже больше, чем на западе. Россия — крепость, которая стоит между Японией и Китаем, между США и Кореей. Россия — крепость, которая не даёт столкнуться лбами великим мировым державам на востоке. Не даёт им вцепиться друг другу в глотки из-за великих богатств берегов тихоокеанских, земли дальневосточной. Своим могучим присутствием на востоке Россия удерживает хрупкий мир на берегах Тихого океана от падения в хаос. Господь поставил сюда Россию сохранять этот мир. Господь привёл Россию на берега Тихого океана, чтобы многочисленные язычники увидели Свет Христов и обрели истинный путь ко спасению. И чтобы жили в мире и согласии на этом пути в Царствие Небесное.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Крепкая Россия на востоке — гарант спокойствия окружающих стран. Не смогут народы Азии спокойно жить, если ослабеет Русь на берегах Тихого океана. И не сможет Русь быть великой державой, не имея надежных выходов в тихоокеанские просторы.

Но почему же наши дальневосточные земли сегодня становятся местом собирания мигрантов из других стран? Почему Россия активно выталкивается с Дальнего Востока политиками, бизнесменами, журналистами, учеными? Выталкивается ради реализации ими своих собственных интересов и деловых планов. Во Владивостоке местный «эксперт» по миграционной политике заявляет в СМИ, что «мы все здесь в Приморье мигранты». Он говорит о том, что когда-то до революции «80% жителей Владивостока составляли китайцы». Какими личностными качествами нужно обладать, чтобы произносить подобные глупые и лживые версии?

Наш народ пришёл на пустынные необжитые земли Амура и Уссури, совершив великий подвиг духовного, культурного и хозяйственного освоения этих просторов, утвердив Россию и Церковь у пределов Азии. Русский народ проживает в Приморье и Приамурье уже шестое, седьмое поколение. Уже в третьем поколении живущий на одной и той же территории человек считается коренным жителем. Коренными жителями русской морской крепости Владивосток, православного города на берегу Тихого океана и всей Дальней России были подданные русского Царя, и значительное большинство из них — православные русские люди.

Сегодняшние космополиты не согласны с историческими фактами. Они предлагают трактовки, которые позволяют им получать большие гранты и премии, ездить на международные встречи и конференции. Это люди, которые не видят духовного призвания России, они ценят лишь её земли и земные богатства и совершают преступление против нашего Отечества. Они взирают на нашу страну с «экономической точки зрения». И «в рамках экономического подхода» они видят не народ, а «рабочие руки». Взгляд на мир, на конкретное государство лишь с экономических позиций — это ошибка. А если такой взгляд заложен в разработке государственной стратегии — это преступление против государства.

В России 13 февраля 2019 года принята Стратегия пространственного развития до 2025 года. Принятая правительством Стратегия представляет собой угрозу национальной безопасности страны и её территориальной целостности. В этой Стратегии практически отсутствуют интересы народа России. Там выделены лишь мировые приоритеты. Россия

поделена на 12 макрорегионов. Акцент делается на развитие городских агломераций. Село в Стратегии практически не предусматривается. Есть лишь «сельские территории». В этих «сельских территориях» должны жить фермеры и функционировать «агропромышленные центры», также там будут создаваться «локальные бренды». Какая уж там деревня! «Поставьте памятник деревне на Красной площади в Москве». Всё пространственное развитие сводится к тому, чтобы собрать население в городские агломерации, на полях оставить лишь тех, кто будет заниматься агропромышленными делами, выращивая пластиковые огурцы и помидоры в промышленных масштабах. А значительная часть территории страны, по всей видимости, отводится под минерально-сырьевые разработки. Все макрорегионы, на которые правительство поделило Россию, должны постоянно что-то производить. У каждого субъекта РФ существует «перспективная экономическая специализация». Какие там национальные интересы? «Перспективная экономическая специализация»: «Бери больше, кидай дальше»; «Работай, негр, работай, солнце еще высоко»; «Копать от забора до обеда. А после обеда — всю оставшуюся жизнь».

Города должны быть «умными» — к этому стремится Стратегия. Понятно, что в «умных» городах эффективнее контроль над рабочей силой и производительностью труда. Чтобы эта рабочая сила не разбежалась по полям и лугам, экологию не портила. Пусть сидят в «умных городах» в соответствии с «производственной необходимостью».

Вся Стратегия представляет собой схему, в рамках которой Россия должна превратиться в расчерченную на клетки территорию, по которой перемещаются «производительные силы», в первую очередь, люди, «человеческий капитал» со своими «рабочими руками» и «рабочими мозгами». Перемещаются от места производства к месту «рекреации» и обратно...

Полное впечатление того, что Стратегию разрабатывали роботы или манекены. И соответствующее отношение к людям — как к манекенам.

В реальности, по этой «стратегической схеме», уже идёт «освоение» Дальнего Востока. Сюда по оргнабору завозятся сотни тысяч «рабочих рук». Пока преимущественно из Средней Азии. Менеджеры, которые устраивают подобную политику, по всей видимости, экономят свой ограниченный интеллектуальный запас, стремясь к эффективности мышления. В результате скудости мысли у менеджеров — осуществляются механические попытки фактической замены населения на Дальнем Востоке, в Приморском крае и т.д.

Город Владивосток, в соответствии с замыслами правительственных стратегов, должен развиваться как «центр международного экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона». Не как главный военно-морской порт и даже образ и символ России на Тихом океане, а как большой бизнес-центр. Очевидно, в этой «парадигме» осуществляется расширение и развитие очага страстей человеческих, порока и разврата — гигантского казино под Владивостоком. И это на фоне того, что уже двадцать лет не могут построить Спасо-Преображенский кафедральный собор во Владивостоке.

Путём усилий по разрушению православия, русской культуры, русского села и русской истории на Дальнем Востоке русский народ активно выталкивается с берегов Тихого океана. На смену приходят иные народы. Точнее, они не приходят, их привозят...

Под выдуманным предлогом о том, что в России и на Дальнем Востоке «дефицит кадров» привозят узбеков, которые должны обслуживать быстро расширяющиеся ТОРы — «территории опережающего развития». Во Владивостоке открыто Генконсульство Узбекистана. Узбеков привозят, но общаться к русской культуре им не дают. Вместо православия, русской культуры и православных храмов им намерены строить мечети.

Во Владивостоке, в районе «Снеговая падь» несколько лет не могут начать строительство православного храма в честь первых русских святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Городские власти создают такие условия, что храма до сих пор нет. Несмотря на старания духовенства и православных мирян и на то, что храм есть в генплане застройки микрорайона, до сих пор официально не согласовывается участок под церковь. В микрорайоне проживают преимущественно военнослужащие, моряки Тихоокеанского флота. И дома здесь строились по заказу Министерства обороны. По сути, это большой военный городок. И в городке уже живут тысячи семей военнослужащих с детьми. А сам микрорайон рассчитан на 51 тысячу жителей — это целый город.

На днях появилась новость, что в администрации Приморского края уже обсуждается проект строительства мечети на территории микрорайона «Снеговая падь». Видимо, кому-то в администрации зов муэдзина над заливом Петра Великого уже кажется милее колокольного звона.

Искусственно созданный «дефицит кадров» устраняется за счет «оргнабора» мигрантов. Приезжают молодые мигранты из Средней Азии, и для них ставится мечеть. Но так ли всё

это естественно, целесообразно и отвечает национальной безопасности России? И где же существует этот «дефицит кадров»? На складах, на рынках, в магазинах, в сфере уборки мусора, в автотранспорте и охране автостоянок? В основном там наблюдается этот «кадровый голод» на дешёвый обслуживающий персонал.

В реальности в России нет дефицита кадров. У нас немалая часть населения живёт своей, отвлеченной от России жизнью, имеет лишь формальную занятость, существует за счёт сдачи квартир в аренду, процентов в банках, подработок в интернете... Полно так называемых «фрилансеров». По сути, многие наши люди болтаются без дела, торгуют в ларьках или на тротуарах. Наши люди просто брошены. Пусть наша государственная власть организует и мобилизует свой народ, даст людям занятость, соответствующую их квалификации. Зачем разрушать другие государства, вытаскивая оттуда их население и превращая это население в мигрантов в чужой стране? Зачем нам такая структура экономики, которая разрушает Россию?

Сейчас на Дальнем Востоке с ещё большим напором воплощается политика, способствующая вытеснению русского народа, православия и русской культуры. Откровенно имитационные предложения с «дальневосточными гектарами» вряд ли могут всерьёз называться государственными усилиями по укреплению России на востоке. Гигантские мосты и ледовые дворцы не стали и не могли стать смыслом проживания простых русских людей на берегах Океана. Люди продолжают уезжать. И причины тому известны давно. Люди просто чувствуют себя брошенными здесь. Они видят, что не для них эти праздники жизни ротенбергов и абрамовичей...

Для нормального русского человека смысл жизни не в торговле, не в оптовых и розничных продажах. Русский человек — это человек великой миссии и великого призвания. Он живёт ради Христа и ради ближнего. Он живёт ради великой идеи. А что может быть величественнее вечно живой идеи православного христианства?

Но на смену нашему народу и его ценностям постепенно насаждают иных людей, иную веру, иную культуру. При этом псевдоэксперты говорят о «культурном многообразии». В Германии уже все хорошо видели это культурное многообразие, которое приводит к подавлению традиционной культуры коренного населения и заменой его иными религиозными и «культурными ценностями».

Сейчас организаторы процесса разрушения России лишь заигрывают с исламом, который они приглашают на Даль-

ний Восток. Они намерены лишь использовать наступательный потенциал ислама, вытеснив православие. А затем они постараются разрушить и уничтожить сам ислам, раздробив его на мелкие и без того стремительно растущие секты. Всевозможные секты — это то, что должно стать духовным наполнением «Новой эры». «Эры» безумия и самоуничтожения. «Эры» рабов и рабовладельцев. «Эры» Антихриста и сил ада. Для этой эры существуют даже свои архитектурные замыслы: строгие геометрические формы, грубые коробки доминирующих над миром «вавилонских башен», втиснутые в пространство среди бетонных черно-белых стен и асфальтовых тротуаров чахлые скверики, испачканные «наркоманским стрит-артом» и «наскальной живописью» панели... «Умные города», поделённые на зоны. В России эти архитектурные фантазии уже воплощаются. Посмотрите «городской дизайн», который предлагает постмодернистское архитектурное сообщество, именующее себя «Стрелка». «Стрелка» — институт, занимающийся программами урбанизации и городского развития для мира. Попечитель и фактически хозяин — миллиардер Мамут. Один из идеологов «Стрелки» — голландский архитектор Рэм Колхас.

То, что представители сообщества «Стрелка» уже воплощают во Владивостоке, обходится, по всей видимости, дорого. Однако архитектурные форматы, например, задуманной набережной в городе, похожи на разработки какого-то сельпо с деревянными скамейками, обструганными пеньками и железными лестницами, по которым жители и гости города должны спускаться к набережной. Подобные архитектурные изыски способен породить, пожалуй, даже выпивший плотник из села Кугуки. Но главное — создать вокруг замысла атмосферу какой-то эксклюзивности, новой философии, «богемности», «элитарности», продвинутости...

Стратегический партнер «Стрелки» — ВЭБ. Банк, как известно, в прошлом году возглавил бывший вице-премьер-собаковод Шувалов. У Шувалова большой интерес к урбанистике в духе мировых трендов. И ВЭБ развивает это направление, в частности, поддерживает «марсианские» фантазии «Стрелки». Уже создан и воплощается в пилотном режиме масштабный проект под названием «Города будущего». Это цифровое геометрическое будущее, по своим смыслам не имеющее отношения к истинной России. Это будущее для каких-то абстрактных мигрантов-трансформеров. Может даже показаться, что такие проекты городов бывший вице-премьер заказывает для своих собак, умных и хорошо дрессированных собак.

Именно Шувалов курировал в правительстве Дальний Восток, подготовку к саммиту АТЭС и превращение Владивостока в «международный центр экономического сотрудничества».

Недавно информационное пространство взорвалось тем, что «Стрелка», поддерживаемая Мамутом и партнёрствующая с Шуваловым, отстроит вместо Сергиева Посада «православный Ватикан». Якобы проект уже утвержден на самых верхних этажах...

И если вы попытаетесь критически осмыслить происходящее, то вас вполне могут обвинить в нетолерантности, а то и в «разжигании ненависти». Только кто же на самом деле нетолерантен? Кто в реальности разжигает ненависть? Не тот ли, кто уничтожает человечество своими глобальными экспериментами? Не тот ли, кто сталкивает народы и религии, кто разрушает Россию?

Говорят, мол, эпоха либералов себя исчерпала. Но у нас в России нет никаких либералов. Есть те, кому не нужны ни Православие, ни наше Отечество. А есть те, кто сердцем живёт в Святой Руси. И, конечно, есть ещё неопределившиеся духовно, спящие и дремлющие... Есть большинство, которое состоит из разобщённо плывущих по волнам без руля и ветрил с сильным ветром в голове.

Но сила Руси и её окраин всегда была в соборности и единении. И для этого единения вовсе не обязательно брать друг друга за руки и водить хороводы. Духовное единство — это единство сердец. И если мы будем едины во Христе, то и Бог нам поможет.

СЕРЁГА КУМОВ

ПОВЕСТЬ

Что есть в сердце, добро или зло, познаётся
через оскорбительное искушение.

Георгий, затворник Задонский

I

Той злосчастной весной Серёге Кумову щёлкнул сороковник. С виду ему никто бы столько и не дал — всё ещё не сутул, широк в плечах, крепок и статен. И только лёгкая изморозь на когда-то тёмно-русых висках выдавала его вошедшие в зрелую пору лета.

Вот уже три года, как он «вахтовал». Поехать на заработки Сергея уболтал его земляк, давний дружан и по школе, и по Афгану, Стёпка Шилов. Мол, чего ждать у моря погоды? Сам, что ли, не видишь, Кум? Колхоз десять лет как накрылся, одним хозяйством не сдюжить, не прокормиться. Сергей маху не дал, сманился. Да другого выхода и не оставалось. Уже почти все ольховские мужики разъехались на заработки.

Обустроились Серёга со Стёпкой в Тюмени: полгода вкальвывают, месяц — дома. И вроде жизнь потихоньку стала устаканиваться, входить в колею.

Хоть семья и не шиковала на его приварок, назначенную по инвалидности ещё после возвращения из Афгана пенсию он не трогал — копил «на своё дело».

ПРОЗА

Да... Тогда в восьмидесятом, в самом начале августа, в районе Кишима, их разведывательный батальон двести первой мотострелковой нарвался на засаду. Страшно вспомнить: сорок пять пацанов легло в тот день... Целый год штопали его по госпиталям... Но он жив... точнее, вот уже двадцать лет после возвращения к жизни выживает, пытается выжить.

Не трогал Сергей и бóльшую часть заработка. И в этот раз, возвращаясь домой на побывку, под стук колёс и смачный храп соседа он обдумывал и обкумекивал, куда бы по нынешнему времени вложиться без промаха. Подсобренных денег, по его подсчётам, хватило бы, если ещё чуток поднатужиться, на небольшую (но уже свою!) мельницу или пилораму. Окончив ещё до армии строительный техникум, он вполне мог бы и сам сладить постройку, наняв на подмогу да хоть того же Стёпку и шатающихся вдоль деревни без дела братьевёв Свиридовых. Закупил бы необходимое оборудование, а там с Божьей помощью, глядишь, и дело бы пошло.

В Ольховниках, в старом родительском дому, остались его подслеповатый, почти не встававший с постели отец, жена Маринка, досматривавшая за ним и за хозяйством, да двое ребятишек: погодки Сашка с Наташкой. Как ни уговаривал Сергей Маринку: мол, куда нам второго, это уж по нашей жизни лишнее, — но та, полная сил и здоровья, на семь лет моложе Сергея, настояла на своём.

— Может, боишься, что снова с Катериной сойдусь? — нашёл, наконец-таки, объяснение её упорству Сергей, — сказал же тебе, баба моя первая — ломоть отрезанный... Пустоцветная, на что ж она мне сдалась?

— Ну вот и ладненько... А своя ноша не утянет! — отшутилась тогда жена.

Молоденьким парнишкой, ещё до армии, привёл было Сергей из соседней деревни девчонку восемнадцати весёлых лет. Влюбился-а-а, аж поглупел от счастья! Прямо какое-то солнечное поветрие с ним приключилось!

Да не заладилось что-то у них. Деток не прижили, мать Сергею прожужжала о внуках все уши, и молодые по причине бездетности в конце концов разбежались. А вскорости Сергея призвали... да напрямиком — в Афганистан. Катерина же, перебравшись к своим, так и осталась после их смерти коротать век бобылкой.

Если по правде, то по сю пору, как встретит Сергей ненароком свою первую, нет-нет да ёкнет у него под сердцем. Всё чудится ему: по-прежнему пахнет от неё смятой травой, васильками... Но что поделаешь? Мало ли кого любишь, о ком вздыхаешь? Семья у него теперь... куда деваться? Ребятишек

поднимать по нашим временам — некогда за ухом чесать. Только успевай поворачивайся.

А Маринку он знал с пелёнок. Всё, бывало, от неё, заманной, ребят из соседней деревни гонял, да и своих тоже, особенно Лёху Бородина, её одноклассника. Настырный такой! Уж и закорогодилось у них с девчонкой, а ухажёр всё одно не отставал. Так ведь и не сошёлся потом ни с девкой какой, ни с бабой, видать, однолюб. Какой-то неведомой силой, каким-то диким нашёптанным мёдом остался приворожён к Маринке. Фермерствует в Ольховниках в одиночку, хваткий... И откуда только силы берутся держаться на плаву?

Дюжину вёрст, бывало, Сергей и за расстояние не считал, особенно по весне, сквозь черёмуховые дымы, но сегодня, намыкавшись при перелёте (так и не привык он к этим чёртовым самолётам), уж так-то ему не хотелось по весенней распутице шлёпать пёхом до Ольховки. А потому, добравшись из города автобусом до райцентра, мужик прямоком отправился на пекарню. Раз в неделю, по средам, за хлебом для всей деревни сюда приезжал на своей бельмастой кобыле Марфутке дед Прохор по прозвищу Кормилец.

Когда Сергей, прикупив поллитру (такая уж у возчика такса), пробрался-таки по разбегженному в сметанную жижу двору к дедовой телеге, Кормилец укладывал на по-хозяйски заботно раскинутый брезент с лотка последнюю партию «кирпичиков». Шныряя с апрельских сквозняков в душную пекарню, Кормилец по-молодечески «расхлябился», фуфайка — нараспах, треух — на затылке.

На пекарне всегда по средам колготня и запарка. Только успевай, не задерживай! Эвон какая очередища подвод! Ну так и понятное дело: кому ж есть не хочется?

— На побывку? До своих? — полюбопытствовал, кивнул, здороваясь с Сергеем, Кормилец и, расщупав глазами в протянутой газетной упаковке «расчет», добавил: — Обустрои-вайся, Сергей Миколаич, гость дорогой, вдвоём весельше будет. Нашшыпи на задках сенца ды ко мне на передок и присаживайся.

Во взгляде довольного деда заиграла искорка. Не сыскать в округе человека, кто бы не знал, что в жизни Кормильца обустроились два излюбленных занятия: дед обожал, грешным делом, с хорошим человеком, а порой и без него, приложиться к стопочке и ещё — стрельнуть замудрёнистым словом, а то и того лучше — поразводить балясы. Тут уже где правда, где брехенька, Кормилец порой и сам путался.

Дед затянул потуже верёвку, обвязав ею возвышавшуюся над лесенками и бережно прикрытую брезентом — не дай Бог

заморосит! — гору хлебов, мол, дорога-то — не приведи Господь, раскиселило-о! Сергей угнездил вещички и приладил-ся бок о бок с Кормильцем. Тот нокнул, выезжая со двора пекарни, обматюганил возчика, неуклюже растарашившего позади его убогой Марфутки свою телегу, с горем пополам выбрался за ворота, и хлебовозка, прокондыляв по длинной улице райцентра, поползла в гору.

А когда доскрипела до её вершины и повернула направо, потащилась, швыряя из-под колёс суглинистые ошмётья, по старому как мир ольховскому просёлку, мимо набрякших от апрельских проливней перелесков, мимо сырых, только-только освободившихся от последних снегов полей.

Кормилец, хоть и чесался у него до невозможности язык, покуда выбирались на прямоезжий путь, помалкивал. И Сергей, соскакивавший несколько раз и поддерживавший телегу у промоин, понимая дедову озабоченность, не заговаривал.

Но вот дорога худо-бедно выровнялась, дед повеселел и приготовился к обычным по такому случаю вопросам. Сергей же не заставил его дожидаться. Ещё бы! Полгода не бывал в родных местах. Мало ли что могло за это времяключиться в Ольховке?

— Ну, дед, докладывай, всё ли ладно в деревне? Как живёте?

— Да как тебе, Сергунь, сказать? Живём... Хоть и не с маслом, а всё ж таки, как вишь, хлеб жуём... Вот нынче знаю, опять бабы в очереди, меня дожидаясь, у магазина гуртуются. Наберут по мешку на неделю чернушки. Ан нет, чтобы перенять ту привычку, как, бывало, их прабабки хозяйствовали: до свету встали б, до ранних петухов, завели бы дёжки да и кормили семьи свойским. Обленилась нынче баба... ну, пушай городским, зачерствелым... Да-а... забываться стало, чем живали деды и отцы.

— Другие, дед, времена. Кого ж заставишь теперь по старинке жить?

— А не мешало б хоть иногда оглядываться... Э-эх! Вот перемрут старики, не знаю, что без нас с Ольховкой станется?.. Ить с того году следом за твоей матушкой на погосте, дай Бог памяти, кажись уже четверо пристроились... Так-то... Кузминична с дальнего урынка, — дед принялся загибать пальцы, — Степанидиха Сазонова, Петро Фанасыч опять жа прибрался, и Галинка Демьянова, баба-то ещё — самый цвет, а туды ж — преставилася, кажут, на хозяйстве надорвалася... Может, и так... Детишек четвёрку обиходь, бакшу уработай: вспаши, посади, прополи, убери... Опять же подворье... Как на деревне без скотины-то?.. А мужик ейный, как подался в Москву на заработки, так, поговаривают, тамотка с городс-

кой и снюхался... И носа, стервец, не кажет. Надоело, мол, сызмальства в навозе ковыряться... Сукин сы-ын! Ему, вишь, не личит, отстал от деревенских дел, а ты, баба, попробуй, сдюжь...

— Ну, а мои-то, мои-то как?

— Что ж твои?.. Заходил на днях к батьке твоему. По множеству примет, тожить хорошего мало, — затонакал Кормилец. — Не знаю, перелетует ли?.. Детвора, Сашка с Наташкой, — в порядке. Что с ими при матери работяшшай поделается-то? — Закашлявшись, Кормилец ни с того ни с сего вдруг осекся, и Сергею почудилось, что дед на него как-то странно, по-свойски жалостливо взглянул из-под побитого молью, надвинутого по самые брови треуха.

— А Маринка, жена-то моя, как?

— Жена-то?.. Жива-здорова твоя Маринка... Работу вот себе, наконец, сыскала...

— Работу?! Это какую ещё работу?.. Или ей дома недостаёт?

— Насколько помнится, у фермера Бородина в доярки пристроилась... Дак сам скоро у неё и поспрашаешь... Вроде, довольная, — и опять на полуслове заткнулся Кормилец.

— Вон оно что... — Сергей хватнул ветра, словно порезался лихо выправленным жалом литовки. — Значит, хозяйина себе нашла? — И вдруг с ясной ясностью, будто вчера это было, выплыли Лёхины ухаживания за Маринкой и его никакими побоями не истребимая настойчивость.

Помолчали. Но деду, видать, и вправду за что-то было нестерпимо жалко Сергея, тот это уже точно чувствовал, и старик решил заболтать своего попутчика хозяйскими разговорами. Мусолил, мусолил об озимых, о семенной картошке, о своей не растелившейся корове, которую, «хоть и жалко до душевного скрипу», а деваться некуда — вынужден был прирезать, потом ещё и ещё — без продыху о всякой мелкой всячине. Сергей слушал и не слышал, отвечал невпопад или вовсе молчал. Наконец и дед перестал встревать в его раздумки.

Ещё во времена колхозов бывший председатель со своей свитой любил, возвращаясь из района после очередной взбучки, завернуть в Крутов лесок, как он говаривал, «снять стресс». А потому, будто с заботой о путниках, на краю этого леска, на полпути до Ольховки, была ещё в ту пору слажена беседка не беседка, навес не навес, короче, укромное местечко, куда любой и каждый, так и привилось, теперь мог зайти, передохнуть на лавочке, перекусить за длинным дубовым столом, на худой конец, хотя бы укрыться от дождя.

И так дед к Сергею, и эдак, и с рассказами, и с вопросами — ни в какую! Окунулся мужик в свои думки, даже с лица

почернел. Что тут поделывать? Сергей и сам не подозревал, что это были первые мгновения конца. Конца его семейной жизни, многому конца...

— А не перекусить ли нам чуток? Дак и поллитра совсем закипела, — предложил Кормилец, поравнявшись с Крутым леском.

— Можно и остаканиться, — очнулся Сергей, — самое время.

— Н-но! — Обрадованный дед круто дёрнул за правую вожжу. — Ходи мне, кособельмая! — И наладившая было ровный ход кобыла, смекнув, повернула к знакомому месту.

Пристроив её у коновязи и подкинув, «чтоб не скучала», хоботья сена, дед пошнырял под своим сундукастым сиденьем, и откуда ни возмись на столе объявился крупно накрамсаннный шматок сальца, сморщенный бочковой огурец, головка лука и два гранёных.

— Ах, что ж это я! — всплеснул Кормилец руками, и снова кинулся к телеге. Вынул из-под брезента ещё не успевшую остыть с хрусткой корочкой буханку, достал из кармана фуфайки поллитру.

— Хорошо, дед, что ты мне упреж встретился!.. Ну, бывай! — Дзынькнув своим о кормильцев стакан, Сергей опрокинул махом щедро накатанное.

Вскороости Кормилец, обретя привычное своё состояние, уже после второй изрядно захмелел, и потерявший всяческий контроль язык его окончательно развязался. Ударило в голову и Сергею — как-никак с утра маковой росинки во рту не было. Да и дальняя дорога давала о себе знать. Но он, в отличие от болтливового Кормильца, только суровел и ещё больше затворялся.

— Ты не падай духом... И, что самое важное, держи ухо востро... Не шибко торопись всё в лоскуты рвать, — советовал дед. — Спервоначалу надобно разобраться, что к чему, да и вообще... Ну а как брехня всё? Может, морочат голову, а ребёнок вовсе и не бородинский?

— Ты что, дед, ополоумел? Лишнего-то не мели! Какой-такой ребёнок?

— Дак разное бают, голуба душа... А ты не верь! Не верь, тебе говорю, тому, что бабы брешут, друг над дружкой глумятся... Голову даю на отсечение: не спозволит без пути Маринка... Твоё это дитя, единокровное.

— Вон оно что-о! — прохрипел, задыхаясь, Сергей, глаза его заблестели неукротимым гневом, и он рванулся к телеге. — А вот мы сейчас разберёмся, чем она там без мужа занималась, какую-такую работёнку себе сыскала!

Дед еле поспевал за ним. Сергей, не приведи Господи попадаться сейчас ему под руку, схватил вожжи и погнал конягу напропалую.

II

Отворив калитку, он увидел у крыльца чумазого Сашку. Тот упорно копался в каком-то мотороллере, тщетно пытаясь его завести.

— Ну, здравствуй, сынок, — Сергей подошёл поближе. — Что, не фурычит?

— Папка! А мы тебя к Пасхе ждали!

— Да вот, подвезло выбраться пораньше. Подналеггли... Домой-то всем хочется... Что за техника?

— А мамка тебе не писала? Ещё как ты уехал, сговорила с Фёдкой Титовым, за полцены продал. С Покрова дня гонял, ничего. А сейчас хотел вот по новине обкатать, да что-то расчихался, не стронуть. Поможешь?

— Та-ак... И на какие шиши?

— Мамка в долг у Бородина взяла. Она ведь у него теперь дояркой пристроилась, отработает.

— И где она сейчас, эта мамка твоя, бывшай ветврач, а теперь доярка?

— Так на ферме же. Вечер на дворе, дойка.

— Значит, говоришь, отработывает? — сжал зубы, раздувая ноздри, Сергей. — Ну, посмотрим, посмотрим, как она там отработывает.

У него загорелась под ногами земля. Кинув вещи на лавку, не заходя в дом, срезая окружную, он рванул напрямки через Сорочиную рощу на другой конец деревни, где на краю вольного выпаса белели в надвигающихся сумерках два фермерских коровника.

То, что он увидел и услышал из зарослей осокорей, прилепившихся по краю тырла, не помещалось ни в его мозгу, ни в сердце. Сергей не поверил своим глазам: Маринка — гора горой, на шестом месяце, не меньше, вышла с подойником из ворот фермы, следом — хозяин, Лёха Бородин.

— Ну, какая тебе дойка, родная? До того ли тебе теперь? Поди, присядь на воздухах. Аппараты подключил, всё сам сделаю.

— Да рази ж со столькими головами одному управиться, Лёшенька? — засопротивлялась было Маринка.

И Сергею почудилось, будто не её это вовсе голос... чужой, какой-то другой, таким она никогда за прожитые вместе годы с ним не разговаривала. Каким-то... умиротворённым, что ли, показался ему голос этой, уже не его, женщины.

— Как только ты мне открылась, что понесла, я и думать не раздумывал — поехал на радостях, закупил технику. Посиди, посиди, сам пригляжу. — И Бородин — в сердце занималась заря — нежно прикоснулся широкой рабочей ладонью к Маринкиному животу.

Глаза Сергея расширились от удивления и горя. Чего бы только он не отдал, чтобы оказаться сейчас на месте Алексея. Ему не хватало воздуха, кажется, ещё мгновение — и Сергей задохнётся от зависти или, выломав в изгороди жердину, обрушится на обидчиков. Но не успел он перевести дух, как Бородин скрылся в воротах фермы. Минуту спустя, держась рукой за поясницу и выпятив живот, не усидела, уточкой заколтыхала вслед за ним и Маринка.

— Мальчиком ходит, — машинально произнёс Сергей, вспомнив не ко времени бабью приметку, — живот-то к носу попёр.

Сказал и испугался звука собственного голоса. Зачем ему теперь возвращаться в свой посрамлённый дом?.. Некого больше любить...

Если спросить у Сергея, где он провёл три последних, слепых и изорванных ложью часа, он, как ни тужься, не ответит. Не помнит он... где шёл, где был, на каком свете? Но надвигался вечер, и ноги сами принесли его к родному крыльцу.

Удвери столкнулся с Наташкой. Та кинулась к отцу, чмокнула в щёку и — только её и видели.

— Видать, к Ленке Мухиной побежала, опять задачка не получается... Может, оно и к лучшему... как при детях разборки устраивать?

Он вошёл в горницу, когда жена накрывала на стол. По всему было видно: о его возвращении Сашка мать уже известил. Принаряженная, на плечах, прикрывая живот, новая вязаная шаль.

«Раньше такую не видел, — мелькнуло у Сергея в голове, — новую связала... рукодельница».

Она повернулась на стук двери от печи и, зардевшись, пронося миску с дымящейся картошкой к столу, суетливо поздоровалась с мужем.

— А я прихожу... а Сашка, мол, отец вернулся... А мы, по правде говоря, дожидались тебя самое раннее к Вербному, а то к Пасхе. — И присев на табуретку, заперебирала было бахромку обнимавшей её шали.

— Дожидались, говоришь, ну и как вы меня тут ждали?.. Какими жданками жили?

— Ай, ты не знаешь, какие заботы по холодам в деревне? Перезимовали вот, Бог дал... Да! Лыска телушку принесла. С

молоком теперь всё полегшей. Сено, правда, в амбаре того гляди подьестся, думала, до новолетья не дотянем... Картохи вчера с погреба на прогрев подняли. Сашка — мужик, да и только, за что ни возьмусь, он тут как тут, работу из рук вырывает... Куда б я без него?... Наташка... видал, как за полгода вытянулась? Зеркал понакупила, куда ни сунься, в каждом кармане... Да всё и не перескажешь, побудешь дома, сам и увидишь.

— Кто тама? Марина, с кем ты балакаешь? — из-за перегородки послышался голос отца.

Что произошло? Как он мог, гоняясь за длинными рублями, проглядеть? И этот вот уже сорок лет родной голос Сергею показался каким-то почти неузнаваемым, ещё не совсем чужим, но уже отрешённым от суетной земной круговерти.

— Здравствуй, батя, — Сергей склонился к отцу.

Тот протянул ему навстречу испытые руки, прижал его голову к своей груди.

— Приехал! Ну, слава Богу — дозволил свидеться... Я уже и надёжу потерял. — Старик нащупал под подушкой стирающую тряпицу, отёр ею свои слепые, слезящиеся глаза.

Сергей присел на край отцовской койки, проговорив со стариком около получаса, вкратце поделился, как ему живётся на заработках, какие строил планы по дороге к дому. Но потом, словно что припомнил, вдруг резко оборвал разговор: мол, отдыхай, вижу, устал от моей болтовни, ещё потолкуем.

Краем глаза он высмотрел через растворённую дверь спальни, как жена, подойдя к трюмо, на мгновение распахнула шаль, дробно-дробно перекрестила живот и снова, закутав его, вернулась в горницу.

Совсем свечерело. Отыскались Сашка с Наташкой. За ужином еда в горло не лезла, Сергей говорил мало, слушал, как дети наперебой рассказывают ему полугодовые новости.

Вспомнив вдруг, как в Москве выстоял несколько очередей, покупая родным подарки, он раскрыл чемодан, выложил перед ребятишками два спортивных костюма: один синий, другой красный. Отцу положил в руки, пощупать, какую привёз ему тёплую да мягкую фланелевую рубашку. С Маринкиным же подарком — шерстяной кофточкой — медлил: судя по её сегодняшним объёмам, кофтёнка маловата на несколько размеров. Но потом всё-таки вынул покупку из чемодана и, не разворачивая, подал жене. Та, зная, что для примерки теперь не лучшее время, поблагодарила и приткнула свёрток, даже не взглянув, в верхний ящик комода.

Зато довольные Сашка с Наташкой тут же отправились на свою половину, нарядились в обновы и каждый занялся

своим делом: девчонка разглядывала у зеркала, идёт ли к её зелёным глазам красный цвет, а парнишка гремел гантелями — так и не оставил мысли стать военным.

Спустя час и они угомонились. Свет горел только в горнице, Маринка находила и находила какие-то неотложные мелкие дела: то мыла-перетирала посуду, то вздумала завести на завтра квас, то загремела эмалированным ведром, доставая его из чулана, — Благовешенье заходит, хоть несдобное, а надо бы тесто поставить.

Сергей посидел неприкаянно, посидел и отправился в дальнюю комнату, в ту самую, куда привёл он когда-то молодую жену свою Маринку, в ту, где рядом с их постелью, когда были маленькие рябятишки, стояла детская кроватка для Сашки и висела Наташкина люлька. Не раздеваясь и не включая света, он так и протомился, пока наконец-таки Маринка уже и придумать не придумала, что бы ей ещё такое помыть-помясить-подраить, чтобы только заспать мужа спящим.

Но до сна ли? Сергею казалось, что он лишился теперь его до конца своих дней. Ну надо же! Жизнь только-только начала налаживаться и, по его расчётам, потерпи Маринка ещё пару лет, залатались бы житейские бреши, куча проблем отступилась бы от их семьи навсегда. А теперь?.. Что она может ему сказать теперь, когда он собственными глазами — и как он только не ослеп? — видел её с Бородиным, слышал её чужой, знакомый только Лёхе, голос.

«Уже и скрыть-то не скроешь... Покатилась дурная слава!.. Гудит говором об нас округа. Аж с души воротит!.. Даже любопытно, как преподнесет, — закипал Сергей, дожидаясь жены. — Неужели вывернется, как косое веретено, неужели осмелится сказать, что мой?..»

III

Время близилось к полуночи.

— Не спишь ещё? — погасив в горнице свет и не включая ночника, Маринка опустилась на стул рядом с постелью. — Устал, небось, с дороги-то? Что ж не ложишься? Ребята, заглянула, уж всю дрыхнут. Отец вот что-то, слышу, всё вздыхает, растревожился твоим приездом.

— А тебе, видать, ни капли не тревожно? Совсем совесть потеряла? Ни передо мной, ни перед людьми не стыдно! — Сергею вдруг вспомнились слова Кормильца, мол, «не спозволит Маринка». Спозволила, ещё как спозволила! — Только не выгораживайся!.. Был я перед вечером на ферме, слышал ваше ровкованье. Что, стерва, скажешь, не Бородин тебе

пузо набил? Зубы-то от сладкой жизни не повыпадали? — Сергей одним рывком сдёрнул с неё шаль.

Полная луна явственно обрисовывавшая до того комнату, нырнула за амбарную крышу, но Сергей в её кратком отсвете успел заметить, что ошибся в сроках: какие там шесть месяцев! Если не нынче-завтра Маринке рожать, то через месяц точно. И у него зародилась крошечная надежда: «Вдруг всё же мой?..» Но в этот момент, отменяя все сомнения, перечёркивая всё будущее, снова вспомнилось ему Маринкино: «Да рази ж со столькими головами одному управиться, Лёшенька?»

«Лёшенька!» И это Лёхино прикосновение к её животу! Сердце вырывалось наружу, всё в Сергее кипело и клокотало, мысли молниями, одна другой страшней, засверкали в воспалённой ревностью голове — какие могут быть, к чёрту, сомнения!

Маринка медлила, видно, правда, не ожидала его приезда, и всё ещё подбирала слова, искала оправдание своему, такому немислимому в глазах её мужа да и всей деревни поступку.

— Ты у меня теперь как на ладони, подстилка бородинская! — с дрожью в голосе Сергей вскочил и со всей яростью двинул ногой по ножке Маринкиного стула.

Старый стул не выдержал удара, подкосился, и жена, цепляясь за свисавшую с комода салфетку, грузно повалилась на пол. Сверху ей на голову посыпались какие-то бабьи пузырьки и склянки, запахло пролитой «Красной Москвой». Маринке почудилось, что грохнуло так, будто небо со звёздами на землю упало, но она даже не обратила на это внимания, только крест-накрест обхватила свой огромный живот и молчала.

И именно это молчание накалило и без того оголённые нервы Сергея. Он знал его, это Маринкино молчание. Она вообще никогда не кидалась в споры и тем более в ссоры. Обычно, если была права, в чём рано или поздно убеждался и муж, она замыкалась, и слова из неё не вытянуть, пока до Сергея не доходило, пока он не разбирался, не раскладывал по полочкам ситуацию. Да, так было раньше... Но сейчас недоставало сил переждать это её упорное, оправдательное молчание.

— Так и будешь, потаскуха, молчать?! — Он нагнулся, схватив жену за косу, сграбастал в охапку, притянул её голову поближе, заглянул в глаза.

Лучше бы он этого не делал! То, что он в них увидел, не поддавалось его рассудку, слишком много было нацелено в этом Маринкином взгляде: и боль, и страх, и оголённая до

предела безысходность, и даже жалость, обычная бабья жалость к уже невозвратному, а, значит, к нему, Сергею. Значит, не новости уже переправы! Стало нестерпимо горше.

«Ещё и насмехается надо мной своей жалостью!» — кольнуло в сердце.

И вдруг, чего Сергей никак не ожидал, изловчившись, Маринка рывком высвободила из его руки свои волосы, кое-как пододвинулась к комоду, ладони снова водрузила на живот и, не подымаясь, прямо с пола, выбрила ему всю правду-матку.

— Чем с брюхатой воевать, лучше бы раскинул мозгами, отчего семья твоя порушилась, с какой такой счастливой жизни жена твоя от другого рожать собирается?

— От другого, говоришь? — у Сергея полезли глаза из орбит. — И ты, шалава, мне, мужу своему законному, прямо так вот в глаза об этом говоришь?

— Законный, значит?... — не смолчала Маринка. — А где ты есть, законный? И при тебе-то не шибко жили, а уж последние годы!.. И если бы не Бородин...

— И что же если? Что если, я тебя спрашиваю? — надвинулся на жену Сергей.

— Что? А я тебе скажу, что: или спилась бы давно — ай не знаешь, сколько баб нашенских пошло от безвыходности под откос? — или, надорвавши поджилки, спровадилась бы, как Галинка Демьянова, от хозяйства на погост.

— Нашла, значит, выход?

— Его и искать-то не надо было, он всегда был рядом... да я, дура, не замечала.

— Может, и Наташка не моя? — зная, что дочка, как две капли, похожа на него, махнул сгоряча Сергей.

— А хоть бы и так! — пыхнула в ответ Маринка, — тебе-то вообще до нас есть дело?

— Ну, ты ж и су-ука! Да за ради кого ж я на хрен знает какой край света вкалывать езжу?

Подскочив к Маринке, ударил наотмашь ладонью по лицу, а на руку он ой как крепок! Потом схватил за плечи, поставил на ноги, потрянул, что было сил, и лепил, лепил, не чуя себя. По голове, по груди... да помнит он разве по чём ещё?... Жена обмякла в его руках, упала, а он всё не мог остановиться.

Поначалу Маринка шёпотом молила: «Дитё... дитё пожалей!» И только когда притихла, он очнулся и отступился. Ошалелыми глазами обвёл комнату, ища выход. Выскочил в горницу. Не оборачиваясь, молча, наподдал так, что грохнуло что-то в сенях, входную дверь и — вон!

— Беда-а! Что ж ты натворил, стервец? — услышал вослед отцовский всхлип.

Ночь, как это нередко бывает в середине апреля, ещё холодная и смурная, навалилась на подворье. Сергей кинулся к бочке, что собирала с крыши дождевую воду, ухнул в неё свою бедовую, пылающую жаром голову, но и это не помогло отрезвиться. Долго сидел он на порожках крыльца, курил и всё никак не мог очахнуть, лишь в зыбком свете предутра, когда забрезжило и зарозовелось с Максимовского урынка, доплёлся до амбара и, рухнув на хоботья соломы, впал в тревожное забытьё.

А спустя пару часов, когда над приречными лозняками закровянилась поздняя полоса зари, охрипнув душой, он вошел в дом, Сашка, выпроводив сестру в школу, хлопотал по хозяйству. Уже натаскал из колодца воды — коромысло и ведёрки снова водрузил в сенцах на ржавый штырь, растопил печь, и, сидя на маленьком табурете, как обычно это делала Маринка, чистил к стряпне картошку. Сын поднял на Сергея глаза, и тот увидел в них, набухших от слёз, не умеющих ещё прятать свои чувства, в открытых детских глазах... нет, не укор, скорее, неопиcуемый гнев и непримиримую отчуждённость.

Из спальни тянуло какими-то лекарствами, там стонала и охала Маринка, вокруг неё хлопотала призванная фельдшеричка.

— И как ты... такой зверь, с нами жить собираешься? Жаль, что мне только двенадцать, — всхлипнув и утёршись рукавом, выпалил Сашка, задохнулся и, не дожидаясь ответа, швырнув в чугунок ножик, выскочил на крыльцо.

Сергей завязал судьбу на узел. И не было в жизни его горше минуты. И дело даже не в Сашке! Собрал вещи, не заглядывая ни в спальню, ни в отцовский закуток, хлопнул дверь, сбежал по порожкам мимо уткнувшегося в крылечный столбец сына и двинулся в сторону околицы.

Через час на просёлке его подобрала попутка, ехавшая в город по какой-то срочной надобности. Вечером того же дня, изрядно заправившись в привокзальном ресторане, он купил плацкартный билет, уронился на своё место и очухался только под утро, и то только потому, что проводник тряс его изо всей мочи, пытаясь втолковать, что пассажиры давно покинули поезд, конечная — Курский вокзал.

Куда той весной исчез Сергей, ни отец его, преставившийся тем же летом, ни Сашка с Наташкой, ни кто-либо из односельчан не ведал. А когда, ненароком, к случаю, вспоминал кто о нём, так и не знали, что думать: может, и в живых вовсе

нет?.. Исчез в небытии... Выпадет же такая судьбина? Простыл след от человека, что тут скажешь?

Маринка же в то утро, когда Сергей с больной головой, едва протрезвевший, покинул поезд Орёл—Москва, разродилась мальчиком. Несмотря на то, что не доносила трёх недель, ребяточек появился на свет крепеньким и здоровым. А вот с матерью его дела оказались куда хуже. О том, что синяков на ней — несчётно, и говорить не стоит. Но то ли что в родах пошло неладно, то ли на Сергеевой душе останется её погибель, а может, из-за обрушившихся на бабу разом потрясений, только через неделю её не стало... Маринку снесли на погост, а младенчик её, Алексея Бородина сын, оказался живучим.

VI

С той весны, когда порушилась семья Сергея Кумова, отпылило ни мало ни много, почти двадцать годочков...

Кагакала перелётными гусями, кострилась по оврагам багряными клёнами срединная октябрьская пора. Над взрытым колеями, вдрызг избитым грунтовым просёлком, тем самым, по которому когда-то Сергей с дедом Кормильцем добирался с заработков на побывку в родную Ольховку, третьи сутки, время от времени переходя в дробный, занудный ситничек, слизывая со стерни дух поспелых хлебов, моросил густой туман.

В направлении Ольховки, не теряя из виду дороги, по более-менее сухой обочине, сминая размякшей, давно просящейся на выкид обувкой худосочный разнобыльник, шёл старик. В потерявшем всяческий колер то ли пальто, то ли плаще (дырявое, подпорченное молю, и сукнецо и подкладка), в засаленной фетровой шляпе, с невеликим — смена белья да про запас несколько пачек папирос — истёртым до потери лику чемоданчиком.

Когда он на повороте поравнялся с «жигулёнком», сползшим по глинистой сметане в канаву, с другой стороны дороги его окликнул парень, нёсший из сосённика лапник.

— Может, подтолкнёшь, хороший человек? Упёрлась вот банка консервная, ни туда, ни сюда. А всего-то чуток подналечь — и на сухом, — сетовал он на свою машину, подкидывая ветки под колёса, — а я тебя потом подброшу, как говорится, долг платежом красен. Небось, к нам, в Ольховку?

— Можно и подтолкнуть, отчего ж не пособить? — Кинув на сиденье «жигуля» чемодан, старик направился было к задку машины.

Но парень, оценив его обувь, заупрямился.

— Нее! Так дело не пойдёт! Куда тебе в твоих ботинках, учухаешься. И так, небось, насквозь? Я вот — по сезону, в кирзачах, мне и в лужу. Давай за руль! Справишься?

Старик спорить не стал: мол, как скажешь, и вскоре, позабыв капризы, прокашлявшись, машина выкарабкалась из колдобины, настырно завиляла сквозь сгустившиеся сумерки по склизкой дороге к скрытой моросью Ольховке.

— Чей же ты будешь, что-то никак не распознаю? — наконец, обогревшись, полюбопытствовал попутчик.

— Я-то? Дак меня каждый соплюган в округе знает — Кешка Бородин.

— Воона как, значитя! — помолчав, протянул старик.

Старик был Сергей. А паренёк — тот самый, прижитый от Бородина женой его Маринкой, мальчонка. Слово за слово, разговорились.

— Вишь ты, как возрос, — отыскивая в парне Маринкины кровинки, заприсматривался Сергей к Кешке. — Так чему удивляться? Столько годков отлетело!

— Коли с наших краёв, не мог ты не знать родителей моих. Царство им небесное! — разговорился парень.

— Припоминаю... знавал, вроде... а матушку твою... кажись, Мариной кликали? И с батей твоим Лексеем приходилось сталкиваться... Значит, говоришь, один остался? И давненько родных-то не стало?

— Да не-е! Не один! Есть сестра Наташка, от неё из района и еду, она там учительствует, а сейчас с двойней дома воюет. По году мальчишкам, в нашем полку прибыло! — широко и нескрываемо радостно засмеялся Кешка. — Есть ещё и брательник старший — Сашка. Мамка-то моя и наглядеться на меня не успела, через неделю после родов преставилась... Да... если б не батя... Не посмотрел ведь, что Сашка с Наташкой не от него! Стрёб ребятишек в охапку, деда ихнего тоже не бросил, заколотил старую избу и перевёз всех к себе на жительство... И всё бы ничего, но мне и десяти годов не было, осиротел я окончательно.

— Это как же так случилось? — не стерпел Сергей.

— Батя-то мой фермерствовал, — посмурнел паренёк, — на ногах стоял крепко. Народ, не мне тебе рассказывать, сам знаешь, занишал в те годы не на шутку. Родитель же мой умудрялся изворачиваться. Вот кого-то, видать, и одолела зависть. Ночью пожгли, Бога не убоялись... Батя, конечно, кинулся спасать хозяйство. Никто в суматохе даже не заметил, как сшибла его ревушая, обезумевшая от огня скотина. Нашли на другой день, разбирая пожарище, среди обгоревших остатков фермы...

Помолчали. И только на въезде в Ольховку старик осмелился полюбопытствовать: мол, а что же с Сашкиным и Наташкиным отцом, куда же он подевался, где обретается?

— Да кто ж его знает? — отмахнулся Кешка. — Пропал и пропал... Ни сестра, ни брат о нём разговоров не заводят. Алексей Бородин, мой кровный отец, стал им и отцом, и матерью, и опорой. Наташке приданое собрал, не обидел... Из его дома она уходила и в институт, и в замужество. Сашка не стал охать да в затылке чесать, не то время нынче, поднял батино порушенное хозяйство, отстроил новые фермы. Меня, хоть и сам ещё был молод, в детдом не отдал, под своим крылом растил. Он у меня строгий, не забалуешь, особо не похнычешь... С лёгкой его руки и моя жизнь как-нито обустраивается... Ну, вот, кажись, и добрались. А ты вообще-то, старик, к кому?

— Я-то? Да теперь, видать, уже не к кому... Разве что на погост, родственникам поклониться.

— Поздно уже погостам-то ходить. Нечего покойников по ночам тревожить. Давай-ка ко мне. Моя Алёнка — бабочка добросольная. Переночуешь, а поутру и могилки своих родичей проведаешь.

— Ну, коли места не пролежу... благодарствую за приглашение, — неуверенно вымолвил Сергей.

V

За время своих скитаний по дальним и ближним чужбинам Сергей Кумов так изменился, что, по правде говоря, от него, прежнего, ничего и не осталось, уж такие с ним произошли перемены, что вряд ли кто в Ольховке смог бы распознать в согбенном, седом, как лунь, старичонке прежнего рослого красавца Серёгу Кума.

Ношенная, с чужого плеча, одежа, не отяжелённый поклажей чемодан давали ясно понять, что и жильё-пристанище у этого повидавшего виды человека навряд ли имеется. В лучшем случае, старик ютится в какой-нибудь богадельне, из которой по недогляду нянек всё же смог вырваться, чтобы напоследок успеть-таки исполнить что-то столь для него важное и незавершённое, за-ради чего он, не убоясь надвигающихся холодов, полураздетый, с грошами в кармане, двинулся в путь.

Не лучшие преобразования, постепенно происходившие с ним, Сергей и сам замечал. Долгое время пытался даже сопротивляться, но судьба его упорно катилась под гору. Так и не смог он сыскать зацепочки, ухватиться хоть за какую-то спасительную соломинку, чтобы обрести себя прежнего.

«А всё она! Маринка! Стерва проклятушая! Не постыдилась ни сына, ни дочери, не говоря уже обо мне — растоптала семью, обрекла скитаться по миру! Все задумки мои порушила! Какое может быть ей за это прощение?» — не раз, кляня в сердцах свою бывшую, кипятился Сергей.

Тем злосчастным утром, двадцать лет назад, покинув Курский вокзал, с гудевшей, чугунной головой он, недолго думая, зашёл в первую попавшуюся пивнушку. Потом в другу, потом ещё в одну. И понеслось!..

Через неделю пребывания в Москве Сергей почувал, что полугодовалый заработок его источился до мизера. Иначе и быть не могло, судя по тому, сколько собутыльников примкнуло на халяву к его беспросыпному загулу. Где жил-ночевал, где обретался ещё две недели, Кум и сам не понимал.

Но когда очухался, вспомнил, что пора бы снова заступать на вахту. Рванул в Тюмень. Стёпка Шилов, сманивший его когда-то на заработки, почему-то с побывки на родину в тот раз не вернулся. И единственная ниточка, хоть как-то связывавшая Сергея с Ольховкой, окончательно оборвалась.

Сергей так и не узнал, что «корешок» его, Шило, смекнул, в отличие от него, что «бабок нарубить» можно куда легче. И по-тихому, молчком, вместо Тюмени подался в Москву, мол, на самое золотое дно.

Погулял пару лет мелкой сошкой в одной из бандитских группировок Лиходея, а потом в банде, сколоченной однополчанином-афганцем. Кстати, в ней он был уже не последней спицей в колеснице, не ломом да отмычками деньги добывал, в таких бойнях участвовал, почише Афгана. Серёге таковские переделки отродясь не снились, отъелся, бык быком стал.

Одним словом, съякшался Сергей с самыми отпетыми уголовниками. Всё жарче разгорались страсти. Но, недаром же говорится, сколько верёвочке ни вейся, особенно когда ходишь за добром через забор, конец сыщется — сгиб Стёпка Шилов в какой-то разборке со своими же. Даже мать не узнала правды о его смерти.

Сергея же Бог миловал. Всякие-разные слухи ходили о его боевых друзьях — кто чем выживал-промышлял. Хоть душа и обожжена, сам он с огнём не играл. Он шёл своим путём.

Отработав в Тюмени без выходных-проходных, без отпусков ещё три года, Кум взял расчёт и попытался осесть в срединной России. Сложив всё поднакопившееся, набрал в банках немалые кредиты и, наконец-таки, воплотил свою мечту — купил на Рязанщине какие-то то ли заброшенные складские помещения, то ли фермы, из них и оборудовал лесопилку.

По началу-то дело шло справно. Только что уж там подкачало, одному ему известно, но что-то не заладилось. И оглянуться не успел, как через три года razorился он в razor, «прогорел» до последнего рублика. Даже напиться с горя оказалось не на что. Да что толковать? Может, сам Господь его покарал?.. Может, это и было то самое «возмездие»?..

А тут ещё навалились кредиторы. Платить, конечно, нечем, и Кум кинулся в бега. Всё, что случалось «сшибить», не имея возможности устроиться на хоть какую, мало-мальски серьёзно оплачиваемую работу, Сергей пропивал.

Однажды, правда, было, подвалило: приняли в свою бригаду строители-шабашники — руки-то у Кума золотые. Но после первой же полочки, после недельного загула, вытурили и они его взашей.

Пробовал Серёга сколотить и свою бригаду. Приходили такие же, потерянные, неустроенные. Работали спустя рукава, потом скандалили с заказчиками, а выбив, наконец, хоть что-то из причитавшегося, гуляли вскладчину донельзя, до опустошения карманов. Словом, если не везёт, так не везёт — как бредень ни закидывай, ничегохоньки не ловиться.

Росла тревога. Кум и сам уже чувствовал, что зашибся хмелем, окончательно спивается.

«Единственное спасение, — уговаривал он себя в душевном порыве на трезвую голову, — вернуться в Ольховку, на кровную землю».

Но такое состояние случалось с ним в редкую стёжку. По большей же части воспоминания о доме и Маринке вызывали у него взрыв безграничной злобы, и он снова напивался до бесчувствия.

«Я и видеть-то ни её, распутницу, ни ребятёнка этого, пригулянного, не смогу, а не то чтобы жить с ними! — бурчал он каждый раз, наклюкавшись до чёртиков, и, когда совсем уж становилось невтерпёж, принимался по-бабьи причитать: — Господи! Будет ли когда конец этим мукам? Э-эх, Маринка, Маринка!.. Что ж ты, дура, натворила!»

Потом пускался винить свою бывшую во всех бедах-разнесчастьях: в том, что теперь его даже грузчиком в магазин не принимали, даже в дворники не мог он устроиться. А уж как он крестил-боговал Лёху, того, кто по его надумкам, «подстрекал» Маринку к греху, и не передать словами! Поочухавшись, ещё лише закисал.

Всё круче скатывался Сергей на самое донное доньшко судьбы своей неладной. И чем ниже погружался, тем непримиримей становился даже к малейшим нечаянным воспоминаниям о когда-то безумно любимой жене.

В конце концов, к чему всё и велось, Сергей окончательно потерял вкус к жизни и забомжевал. Да так, что до поножовщины кидался в драку с другими бездомными, чтобы отвоевать право первым порыться, извлечь хоть что-нибудь съестное из мусорных контейнеров.

Но и этого мало. Всё чаще Кум, хоть и сам себе становился в эти минуты гадок и ненавистен, усаживался прямо на тротуар на краю базара, подгибал под себя ногу, и нытьельно-протяжным голосом принимался гнусавить, выклянчивая подаяние. От такого «хавчика», ясное дело, — кожа да кости.

Уже давно прикормившиеся на этом рынке попрошайки гнали его прочь, скопом нещадно били, но Сергей от безысходности возвращался к этому лакомому для него месту снова и снова.

Прошлой зимой он так сильно простудился, что, не мечтая уже выкарабкаться, очнувшись в больнице, принял палату за рай Божий, а совершавших обход доктора и медсестёр — за небожителей.

Если бы не старушка, выгуливавшая в сквере по обычности в сутемень собачонку, так и напрочь припорошило бы тогда Сергея, окоченевавшего на лавочке. «Скорая», уступив, наконец, безотвязной старушке, нескоро и неохотно, но всё же приехала.

Прошёл срок. Сергей чуток оправился от своей уличной жизни, чуток подлечился, одним словом, хоть мало-мальски стал походить на человека. Пора было покидать и без него переполненную больничку.

Вытолкнуть его снова в никуда доктора не решились — и из милосердия, действительно, приткнули было в заведение с громким названием «Образцовый дом престарелых», а на самом же деле — в самую что ни на есть затрапезную богадельню.

Пускай богадельня, пускай изворовался её завхоз, пускай у главврача кроме клизмы и зелёнки разве что градусник. Но всё же, какая-никакая, а крыша над головой, пусть и сырые, застиранные, а всё ж таки — простыни. И самое главное — по утрам не бежать, сломя голову, упаси Бог, чтобы кто опередил, к мусорке зажиточного дома. Хоть изо дня в день, из месяца в месяц одно и то же — жиденькая овсянка да промасленный маргарином кусок хлеба, но после всех своих злоключений Сергей был и этому несказанно рад.

Высвобожденное от поисков выпивки и хоть чего-нибудь съестного время позволило раскинуть постепенно высветляющейся головой. Сергея невыносимо потянуло в Ольховку. Ну, хоть издали, хоть одним взглядом взглянуть на неё с По-

повки, хоть увидеть, почуять напоследок стелящиеся над ра-
китками сладковатые дымки протопленных краснотальни-
ком ольховских печек.

Никому не сказавшись, однажды после завтрака он по-
просту ушёл. Но теперь уже не в никуда. Сергей точно знал:
чего бы ему ни стоило, он должен добраться до родной дере-
вушки.

В кармане негусто — шиш да ещё два шиша. Пешком с
Рязанщины в его годы дойти не вот-то. С горем пополам при-
строился он в сторожа к одному фермеру. Правда, тот, душа
добрая, смикитил, что к чему, и, стало быть, взял его, можно
сказать, из жалости — какой теперь из Сергея охранник?

Но как бы там ни было, а за год Кум поднакопил на дорогу
и к Покрову следующего года добрался-таки до Орловщины,
до своего родного райцентра. «Оттуда, — решил Сергей, — уж
и пёхом до Ольховки рукой подать, оттуда можно, на худой
конец, и ползком».

Ползти нисколько не случилось, повезло подъехать —
чудны дела твои, Господи! — с тем самым мальчонкой, теперь
уже молодым, женатым мужиком, из-за которого он когда-
то опрометью сбежал из родной семьи.

VI

Так и этого мало! Не расспрашивая о том, кто будет старик
этот пришлый, и по каким таким важным делам припожало-
вал он в Ольховку, по доброте своей душевной, вот так запросто
случайного встречного Маринкин сын позвал к себе на
ночлег.

«Маринкина, видать, натура, — подумалось Сергею, —
жалостливая».

Он ошмурыгал гóликом на прикрылечном камне с обувки
грязь и вступил в Кешкин дом. А точнее — дом, который ког-
да-то, лет тридцать назад, построил только-только начинав-
ший фермерствовать отец его Алексей Бородин.

Хоть и жил Сергей с Бородиным в одной деревне, а из-за
Маринки, скорее всего, не случалось ему бывать в этом доме.

— Сашка у старой, дедовской, усадьбы отстроился. Прав-
да, ещё не совсем, — заметил Кешка. — А я вот в батиной
хате решил остаться. Куда нам с Алёнкой ещё, мы же на за-
очном в сельхозинституте? Только домой, в Ольховку.

— Учись, значит, вместе? — решил поддержать разговор
Сергей.

— Да мы со школы друг за дружкой, — широкозубо улыб-
нулся Кешка. — Теперь вот я — по технической части, она —
ветеринарствует.

Из кухни выступила, сначала животом, потом и вся сама, Кешкина Алёнка. Улыбнулась Сергею так же светло и приветливо, как улыбался муж её, позвала вечерить.

«Чем-то очень на Маринку похожа... Оттого, видать, Кешка невольно к ней и прикипел, — подумалось при взгляде на белобрысую Алёнку Сергею. — И тоже вот... на седьмом-восьмом месяце... И, опять же, — ветврач... Да, жизнь идёт своим чередом... Кому-то уходить, а кому-то нарождаться, жить да жить...»

— А я думаю, куда ты запропастился? Ещё к обеду обещался вернуться, — мягко пожурила Алёнка Кешку, — уж и ночь на дворе, а тебя всё нет и нет.

— Ты же Наташку знаешь, пока вусмерть не закормит, из гостей не выпустит. А потом выехал, навалилась такая морось — дорога вдрызг. Да вот, кабы не подсобил добрый человек, куковать бы мне до утра в канаве. Не стесняйся, отец, будь как дома. И Алёнку не смущайся, она только с виду строгая, а на самом деле — пластилин пластилином.

После ужина пили чай, толковали о скорых заморозках, о новой Сашкиной задумке — объединиться с фермером из соседней деревни, одному можно и не сдюжить: и за поголовьем следи, и за строительством новых ферм, и корма успевай заготавливать. А сообща всё сподручнее.

Кешка вышел то ли собаку покормить, то ли ворота запереть. Алёнка прибиралась с посудой.

— Ласковая ты, Алёнка, добрая, спасибо тебе, по гроб жизни не забуду вашей с Иннокентием милости, — вставая со стола и попросясь на печь, поблагодарил хозяйку за приют, за хлеб-соль старик и, чуть помедлив, раздумчиво добавил: — И мужа своего, сразу видно, любишь... жалеешь.

— Иннокентий у меня хороший... Правда. Да и язык не поднимется его обидеть... Малябочкой ведь осиротел. Сначала мамки не стало... А потом и батя сгиб... Как же ж не жалеть? Разишь можно забижать?

— Сиротой, говоришь, возрастал? — завывал Сергей теперь у Алёнки. — А что ж такое с мамкой его приключилось?

— Не хочется о том вспоминать. Да ты человек пришлый, ушёл — забыл, тебе сказать можно. Вроде, муж её, Сергей Кумов, Сашкин и Наташкин отец, подался тогда на заработки. Уж как она, Марина-то с ребятишками да со слепым дедом на руках без него тут бедовала, одной ей было известно. Рази ж можно настоко бабу в одиночку на хозяйстве оставлять?... Да и вообще... хоть бы и не на хозяйстве. Вот и вышел грех... Вот и слюбилась она с Бородиным... Дело-то нехитрое.

А, к слову сказать, Лексей Иванович был душа человек. На речи не охочий, но дело своё зна-ал!

— И что же Сергей тот?

— Дак что, что? Знамо дело что! Мужик, сказывают, был горячий, строгий-настрогий... не заартачишься, у такого суп-противничать не моги! Ну и вот, значит... Маринке-то уж срок подходил. А тут и муж на побывку нагрянул. От его ли побоев, по какой ли бабьей причине, только спустя неделю после родов Кешкина матушка обвенчалась с могилкой... Вот и весь сказ.

— А что же с Сергеем случилось? — попытал старик.

— Кто его ведаёт? Сбежал со двора... Небось, к бабе какой пристал. Он, говорят, мужик видный был, какая от такового откажется... Ну да Бог ему судья... Небось, и не икается разбойнику о том, что семью свою не сберёт! — в сердцах выдала Алёнка.

— Как сказать, — произнёс задумчиво Сергей, — как сказать... Всё-таки не железный же и он... И у него, поди, душа есть? Может, и ему покою всю жистюшку не было... оттого, что ушёл так заполошно из Ольховки, оттого, что не ведал, что случилось с его женою и детьми.

— Да ну-у! — замахала руками, скривила в усмешке губы Алёнка, — не гневите Бога! Земля слухом полнится — как нито, а захотел бы, гусь лапчатый, всю подноготную прознал. Скорее всего струхнул — вдруг к ответу призовут да ввялят по самую не балуй.

Сергей так до свету и не сомкнул глаз. Не приведи Господь кому ещё пережить такую ночь. Врагу — и тому не пожелаешь таких думок, как те, что безжалостно навалились на уткнувшегося в подушку старика. Упаси Бог, кто услышит его рыдания!

VII

Алёнка с подойником возвращалась из сарая, когда Сергей, облачась в просушенную одежду, прихватив свой чемоданчик, вышел на крыльцо.

— А я оладьев напекла, греча отхлопчела, кучерявая, — засветилась молодка навстречу старику. — Кеша поутречал, убежал по делам. Вас просил не будить, а самое главное — без завтрака не отпускать.

— Что ты, что ты, милая, — заотнекивался, было, старик, — не привык я так рано... Завтрак, как говорится, заработать надобно. А у меня какая ж работа была? На печи до зари провалялся.

— Нет и нет! Сами знаете, уж как оно ни на есть, а слушать не стану. — Не стала миндальничать Алёнка, развернула Сер-

гея с порога. — Да и Кеша узнает — заругается. Ай мы нехристи какие, чтобы человека голодным из дома выводить?

Усадила за стол, подала с всё ещё отдающей теплом и берёзовым духом заготовки поднебесную, промасленную, щедро присахаренную стопку блинов, накатила кружку парного и только после того, как старик принялся за угощение, успокоилась, присев напротив, передохнуть.

— Дни теперь короткие — кот заплакал. Коли не случится уехать, — не забыла напомнить у калитки Алёнка, — у нас места на всех хватит, будем ждать.

— Спасибо тебе, милая, за приют... за сердце твоё мягкое. Если не подвернётся попутка, до станции пёхом по такой жиже мне уж не доползти. Какой теперь из меня ходок? Тогда уже к вам... К кому ж ещё-то?

Вчерашняя морось, не позволяя разгуляться утру, так и висела над Ольховкой. Не разобрать, какое время суток: сыро, туманисто, руку протяни — пальцев не разглядишь.

Не было дня, чтобы не вспомнил Сергей на чужбине о своей деревне... С завязанными глазами, самой чёрной из ночей мог он, не спотыкаясь, пройти вдоль Ольховки, даже беспрепятственно свернуть на любой из трёх урынков, разбегающихся в стороны от главной, выводящей на большак улицы.

Конечно, много всякого-разного за четверть века произошло: Ольховки, что знал Сергей, по сути дела, не стало. Старики, те, что его ещё могли вспомнить, поумирали, когда-то разбежались по городам его ровесники, заветшали хаты.

Но то где-то совсем рядом, то вдалеке, за огородами, слышались молодые голоса, рокот моторов — отстраивались новые, теперь уже кирпичные, дома. А значит, Божьим провидением, живо дедами насиженное место, цела Ольховка, обустроивается!

По пути к погосту, хоть и узнал Сергей от Кешки, что хата кумовская засиротела с той, последней его побывки, но свернул на свой урынок. Спустя столько лет добираться до родной деревни и не побывать на своей усадьбе — кто ж стерпит?

Если бы он не знал наверняка, что это — то самое место, то мог бы и усомниться: так заросло оно ракушечником, так задицало, что от хаты не осталось ни одного, даже самого нижнего венца. Правда, обнаружив прикрылечный, древний-надревный, вдоль и поперёк щелястый камень, исползав бывшее подворье метр за метром, Сергей смог всё же отыскать и остатки когда-то на совесть сложенного фундамента. Только и всего!

Какие-то неулётные птицы плавали в тумане. Он кинулся, продираясь сквозь колючую поросль сливняка, кружить по бывшему саду. Гнилые колоды остались от сада...

— Запропало родимое место, — сокрушался старик.

И как же обрадовался он, отыскав в самом дальнем углу посаженную им когда-то перед очередным отъездом антоновку. Огромное, старое, изломанное ветрами дерево. Порывшись в палой листве, Сергей нашёл-таки единственно уцелевшее яблочко.

Вернувшись к порогу исчезнувшей хаты, он приткнулся на камень, надкусил яблоко. С каким же наслаждением, словно за всю свою жизнь не пробовал ничего слаще, ел Сергей эту прокисшую, горькую дичку. Ел и захлёбывался — не хватало мочи сдерживать такие же горькие слёзы...

Сергей потерялся во времени, сколько просидел у родительского порога. Уж так наблудился он по чужим краям, что не доставало ни сил, ни желания от него оторваться.

Но вот, наконец-таки, мало-мальски развиднело. И прямо за кумовским задичалым садом, там, где когда-то за лопушистыми задворками была у них с Маринкой бахча, неожиданно-негаданно проглянул добротный, с резными створками дом. Совсем новый, ещё не обнесённый забором, но уже жилой — из трубы по ветру клонились дымки. В огнях рябинка под окном.

«Свито новое гнездовье», — невольно подумалось старику.

Ноги сами собой повели Сергея к этому дому. У крыльца рослый, лет под сорок, мужик с парнишкой-подростком, по всему виду, сыном, ковырялись в двигателе «зилка». В сарае цыркало о подойник, в сторонке, подбирая насыпанный прямо наземь овёс, перекагакивались гуси. Жизнь шла привычным чередом, чувствовался в доме достаток.

Ещё на подходе Сергей узнал сына. И хотя в воспоминаниях старика и Маринка, и дети оставались на протяжении всех этих долгих лет молодыми, сыну ведь той проклятушей весной было всего ничего — тринадцатый на Масленице пошёл, ошибиться старик не мог: плоть от плоти его. Возмужав, Сашка со своими могучими плечами стал кровинка в кровинку вылитый Серёга Кум в те годы, когда он вахтовал в Тюмени.

Сергей подошёл и в нерешительности остановился поодаль.

— Чего тебе, старик? — поинтересовался Сашка, отвлёкшись на секунду от дела.

— Огоньку не найдётся? Спички вот напрочь отсырели, — весь, было, ожил при виде сына, зашарил в кармане Сергей, достал курево, протянул Сашке, — угощайся.

Сын пристально посмотрел на Сергея.

— Не балуюсь, — не прикоснувшись к папиросам, кинул старику. — Слетай-ка, Митька, домой, принеси коробок, — кивнул парнишке.

Потом резко отвернулся и, как ни в чём не бывало, словно старика и не было вовсе, продолжил ковыряться в движке, не до тебя, мол, не обессудь, работы по горло, дождись Митьки и ступай себе, куда шёл.

Сергей сердцем почувал, что сын узнал его. Почувал и то, что разговора с ним, видать, уже никогда, даже на смертном одре, не получится. Все слова теперь напрасны, нечего зазря ими сорить — ни за что на свете не простится ему тот, сломавший их судьбы, день. Напрасно даже пытаться что-либо объяснить... Всё теперь напрасно... И возвращение его в Ольховку через столько лет тоже было никому не нужно.

Митька принёс спички. Сергей вытряхнул «беломорину», прикинул, протянул обратно коробок.

— Оставьте, пригодится, — отмахнулся парнишка и присоединился к отцу.

— Потолковать бы, — запереминался, дрогнув голосом, Сергей, но всё же собрался духом, лицо его пошло пятнами, всё существо напряглось, как натянутая тетива. Казалось, он и дышать перестал.

— Некогда, некогда мне балясы разводить! — устало, сквозь зубы, выдавил Сашка, — Да и об чём нам с тобой говорить? — Ничем не обнаружил он своих догадок.

— Ну, тогда бывай!.. Уж не поминай лихом, — попрощался старик.

Потоптался, досадливо поморщился. Неловкий, как побитый щенок, и, не услышав ни слова в ответ, двинулся по просёлку за Ольховку.

— Вот всё и кончено, — шептал он себе в усы, вот и песенка спета...

Сосушая внутри пустота стала ещё нестерпимей, он побелел вдруг, ровно приготовился к смерти.

До самого полудня Сашка не мог прийти в себя. Кругом шла голова. Сколько раз он представлял себе эту встречу. Так хотелось после материной смерти посмотреть отцу в глаза... Поначалу-то даже заколебался, подумалось: привиделся ему отец. Но когда старик заговорил, все сомнения тут же рассеялись. Что-что, а уж голос отцовский он не спутает ни с чьим!

«Как же потрепала его жизнь! А ведь бате не так уж и много... Да... старик стариком», — всё ещё не верил он в случившееся.

Сашка и без того заядлый курильщик, а уж сегодня и вовсе сорвался — таскал из пачки одну за одной. За обедом, с

пепельным лицом, на удивление жены, видать, окончательно себя разбередил, откупорил поллитру.

VIII

Что поделывать? Пришлось проторчать на дворе дотемна, устал, как собака, но не напрасно — «зилок» всё же зафурычил. А тут, к самому ужину, — «вечер добрый вам в хату», — забежал Кешка. Отчитался брату, мол, кирпич довели, можно завершать телятник, к отёлу, глядишь, управятся.

— Как там Наталья-то, — пододвигая к брату стопку, поинтересовался Сашка, — гостинцы передал? С ребятишками справляется?

— Сеструха наша, сам знаешь, неизбалованная... Мальцы, конечно, шустрые, докучают. Но, как говорится, своя ноша не тянет. Да и Валентинка подросла, есть кому приглядеть, помогает матери с братишками нянькаться. Витька-то днями на работе пропадает. Ну так, ясный перец, своё дело, за ним глаз да глаз.

— Витёк — мужик что надо, — похвалил Сашка зятя, — повезло нашей Наташке.

— Да, тут вот ещё, — вспомнил вдруг Кешка, — припозднил я вчера, у Закамней засел в промоину — ну ни взад, ни вперёд, хоть тресни. Кабы не мужик проходящий, так и ночевать бы мне в поле... Неразговорчивый такой... мужик этот, душа на все пуговики застёгнута, будто печать какая-то на ней роковая. Короче, побило его, помотало! Вроде и не совсем старый, а на вид все семьдесят дашь. Так и не открылся, по какой такой великой надобности в распутицу шёл со станции в Ольховку.

— И куда ж он потом делся, старик тот? — напрягся Сашка.

— Часам к десяти только добрались. На улице — морок, собака и та в такую пору к теплу жмётся. Жалко мне его стало, хоть и чужак, а всё одно — живая душа, не выпроводишь ведь со двора, на ночь глядя. Что ты будешь делать? Позвал, конечно, к себе. Чай не объест, кусок хлеба и миска борща у Алёнки всегда найдётся. Да и кирпичи на печке, небось, не пролежит. А уж куда он нынче спровадился, не знаю. Сказывал, вроде, надо у родичей на погосте побывать.

— На погосте, говоришь? — Сашке вспомнилось, что отец двинулся от него к околице, в сторону погоста, а ещё и то, что сегодня после обеда ни одна машина не выходила из Ольховки.

«Значит, — прикинул он про себя, — как пить дать, старику пришлось добираться на станцию своим ходом».

Беспокойная ночь не сулила доброго завтра. Дьявольски ветреная и хлёткая, она тревожила и бередила, вышибала слезу, студила кровь. Хоть и журил себя Сашка: мол, что тебе не спится, успокойся, не трепи зазря нервы... Ушёл и ушёл... Его, считай, вообще в твоей жизни не было. Но какой уж тут покой! Одно дело — думать, что где-то на белом свете живёт твой батя припеваючи: наверняка обзавёлся новой семьёй, растит детей, и всё у него благополучно. И совсем другое — увидеть его разбитым и немощным стариком... Без расспросов, как на ладони, видна его нескладная жизнь.

«Святой Боже! Куда он побрёл? — сокрушалась Сашкина душа, и корябало её, корябало до сквозной раны каким-то неотвратимым горевестом. — Кому он такой, сирота казанская, нужен? Ведь скоро совсем догорит... И года не протянет. В лучшем случае — пару».

Ещё и рассветит-то как следует не рассвело, а Сашка уже шастал по двору.

— Куда это ты в такую рань навострился? — выглянула с крыльца жена.

— Кирпич вчера завезли. Кузьмич — не своё ведь — небось, дрыхнет горе-сторож. Расташут без присмотра, как в прошлый раз, когда наклюкался он на Никиту-гусятника. Смотаюсь, взгляну. Я быстренько! — и Сашка рванул на просёлочек.

Осветлилось. Выскочив за околицу и взяв подъём, «зилоч» не повернул у церкви к стройке, а покатил мимо сложенных по венцу горы крутых копён, мимо тянувшегося версты на полторы Сизого ложка, напрямик в сторону райцентра. Подъехав к погосту, Сашка, не давая себе отчёта, резко затормозил. Из-за густых зарослей сирени, заполонивших кладбищенский вал, ни креста, ни материной могилы, хоть и была она в первом ряду, — не разглядеть.

Меж тем, чем ближе он подходил к родной могиле, тем швыдче становился его шаг. Последние метры он уже бежал. Сердце его не обмануло! И сомневаться нечего! За оградкой, на лавочке, откинувшись к кусту разросшегося можжевела, сидел отец. Сашка сразу почуял неладное: ни малейшего движения в руках, голова, удерживаемая ветками, неестественно закинута назад, глаза полузакрыты. Но лицо! На нём, заяснившемся, повиделось Сашке безмерное облегчение, словно старика только что сняли с креста, словно сегодня настал долгожданный прощённый день, и ему отпустили все его долги.

Сашка подхватил отца на руки, тот еле слышно простонал. Обрадованный, он не помнил, как добрался до машины,

как домчал до райбольнички. А когда передал отца с рук на руки старому, мудрому Петру Максимычу, на счастье дежурившему в тот день, почему-то вдруг ему вспомнились из детства материны слова: «Господь никогда не проморгает».

Через две недели в палату к Сергею вошла медсестра.

— Собирайся, Сергей Николаич!

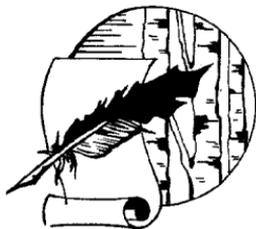
— Помилуй мя!.. Куда?.. — встрепенулся и тут же оторопел от прежней, пронзавшей сердце безысходности старик. Душа его, всё ещё не потерянная для Света, зашлась от неминуемого, и заросшие серой щетиной скулы ожглись слезами.

— Домой! В Ольховку! Куда же ещё? — Из-за спины медсестрички выступил сын.

«Видать, ангел-хранитель, отлучившийся по какой-то важной надобности на половину моей жисти... — промелькнуло в стариковской голове. — А может, лишивший меня за грехи мои тяжкие небесной защиты, наконец-таки, возвратился... Не дай никому, что выпало мне... Такое дело...» — Сергей даже оглянулся, поискал глазами за правым плечом — никого.

Лишь молодое морозное солнце искрилось в осыпанных инеем верхушках больничного парка.

г. Орёл

Владимир ХОМЯКОВ

О ЧЁМ ТЫ, РОДИНА, ПОЁШЬ?

ПОЛНОЧЬ

Вот он, мой год восходящий!
Жду его,

сердцем моля.
Вновь над землёю звенящей
полночь мерцает моя.

Всюду видение это —
встань перед ним и замри!
Длится веление света
враз —

от небес и земли.

В душу мне —
строго и прямо —
смотрит родительский дом.
Жили отец здесь и мама,
не забываю о том.

В вечном молчанье глубоком
мне улыбается брат.
Словно застыл я
пред Богом,
млечным мерцаньем объят.

* * *

Пусть край мой в метельных седилах,
и пруд перемерзший ослеп —
в рассветных снегах лебединых
я тихо оставлю свой след.

Не ведай, душа, укоризны,
забудь и отвергни беду.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ане

Темь колыхается —
мир убывает.
Веет холодом с дальних низин.
Это сиверко грусть затевает,
где-то вторит ему баргузин.

Цепенеют и чувства, и мысли,
замирает вода в родниках.
Вот и тучи густые нависли
и не сдвинутся с места никак.

Нипочём им протяжные ветры,
нипочём горевые ветра.
Меркнет мир в ожидании веры
в то, что снегом Россия светла.

Он придёт, а душа не услышит:
воздух стих, и не тронут покров.
И метельным предчувствием дышит
синеокая роза ветров.

СИРИЯ

Снова блещет дамасская сталь,
в поднебесье сверкает,
во взорах.
И кричит опалённая даль,
и надежды сгорают,
как порох.

В сердце бьётся взрывная волна.
Сатанинскую чуем работу.
И гремит мировая война,
неизвестно
какая по счёту.

* * *

Поэты — смертники России,
её нещадной синевы,
успокоения просили
и не сносили головы.

Их убивали искупленьем
хмельного дерзкого греха.
И словно было преступленьем
перворождение стиха.

Их наказали, наказали
ожесточением в душе.
И что они не досказали —
то не доскажется уже.

Уходит Божие веленье.
И поглощает синева
невозвратимое волненье,
невозродимые слова...

Поэты — смертники России...
Сразили их — и не сразили:
стоят они, светлы до слёз,
под ледяным покровом сини,
у белокаменных берёз...

22 ИЮНЯ

Этот день не громыхает медью,
с праздничных плакатов не глядит.
Он идёт,
как обожжённый смертью,
весь в суровых шрамах —
инвалид.

Он идёт
по городам и весям,
этот день тревоги,
день беды.
Он идёт
без величальных песен —
и виски от памяти белы.

Он идёт
сквозь роковые даты,
этот день смертельного свинца.
И встают погибшие солдаты.
И живых склоняются сердца.

ВЕРНУЛСЯ СОЛДАТ

Вернулся солдат, а ему полсела,
пока он шагал, рассказало,
что сына от немца жена прижила —
ни много ни мало.

Что делать? В избу, отдышавшись, вошёл,
качнулся, как будто от пьянки.
Мешок вещевого громынулся о стол:
тушёные банки.

Что делать? Жена, ни мертва, ни жива,
пред мужем поставила квасу.
Солдат промолчал. Ну, какие слова?
И так нету спасу.

Донельзя изранен, повисла рука,
грудь вбитая дышит неровно.
Из фляжки трофейной три долгих глотка:
дитё невиновно.

Пусть вражьего племени-роду оно,
пусть свежи кровавые были,
но ангельски смотрят на мир, не грешно,
глаза голубые.

Хозяин молчит, вновь махорку крутя.
Жена, поспешая, хлопочет.
Чужое дитя, не родное дитя
по-русски лопочет.

ВЛАДИМИР-ДА-ОЛЬГА

Последние листья сгорают у ног,
последние листья у сердца...

И только
не гаснет цветок, потаённый цветок,
цветок одинокий —

Владимир-да-Ольга.

Живёт он на окском родном берегу,
под солнцем задремлет, под вечер очнётся.
И верится,

время замрёт на бегу,
и двинется вспять,
и обратно вернётся.

Он ярк и хладен,
тот княжеский цвет,
приметишь его —
позабудешь не скоро.
И даже названья научного нет
у этого тёмного, чистого взора.

Но редкого цвета любой лепесток,
как будто бы счастья забытого долька...
Немолкнушей встречи неожиданный исток,
цветок незакатный —

Владимир-да-Ольга.

* * *

И мечта моя, и разлука,
ты опять предо мной в ночи.
И ни звука опять, ни звука:
что бы ни было, но — молчи.

И любовь моя, и тревога,
и весна моя, и метель,
сердцем тянешься ты до Бога,
чтоб спасти меня от потерь.

Ты стоишь средь ночного сада.
Я целую твои глаза.
И печаль моя, и отрада,
незакатные образа...

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Когда прохладой всё объято,
когда шумит неожиданный дождь,
в часы осеннего заката
о чём ты, родина, поёшь?

Откуда только в песне русской
такая сила над людьми,
и столько искренности грустной,
и столько буйства и любви?

Кружило песню и качало
на быстрых разинских челнах.
Она брала своё начало
не в звонком злате и чинах.

Истоки песни — в вольной воле,
в крошечном каторжном труде.
Истоки песни — в чистом поле,
в недосыгаемой звезде.

И пели песню эскадроны,
и пели песню бурлаки,
и пели песню волны Дона
и Волги матушки-реки.

Когда прохладой всё объято,
когда шумит неожиданный дождь,
в часы осеннего заката
о чём ты, родина, поёшь?

ТУРГЕНЕВ В САСОВЕ

Взял ружьё и по розовой рани
в лес пошёл —
расписная пора!
До земли поклонились крестьяне:
«Что ж, ни пуха тебе, ни пера!»

Мимо речки с названием Пугас,
мимо медленной выцветшей Цны
он прошёл по осеннему лугу:
вот и лес — колыбель тишины.

Осторожно сквозят полутени,
обрывает листву ветерок —
и задумчиво бродит Тургенев
в стороне от разъезжих дорог.

Встрепенулись, встревожились гуси
на заросшем лесном озерке.
Он взглянул с удивлённою грустью —
и забыла рука о курке.

Что за важное дело такое
ни с того ни с сего занесло

от столицы, балов, непокая
в неприметное это село?

Просто был тут проездом всего лишь,
думал несколько дней погостить.
Только как ты себя приневолитишь
от такой стороны отпустить?

Разве в чинных салонах услышишь
эту ровную, складную речь?
Разве в чинных салонах запишешь
столько песен, рассказов и встреч?

Потому и заходит к крестьянам —
и везде интересно ему.
А не то — бродит здесь, по полянам.
А ружьё?
А ружьё ни к чему.

Вечереет.
Пора бы до дому!
И устал от ходьбы, и промок.
И Тургенев идёт на знакомый
тёмных изб скудноватый дымок.

И с тревогою думает снова:
«Нет крестьянам обещанных прав,
только право одно — крепостное —
давит их, всё святое поправ».

...В барской комнате тихо и сухо.
За окошком — луны серебро.
Не добыл он гусяного пуха —
но всегда под рукою перо.

г. Сасово Рязанской обл.

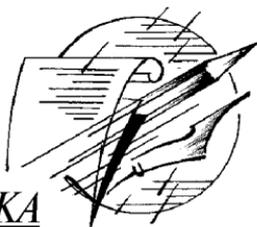
Виталий ДАРЕНСКИЙ,
доктор философских наук

УКРАИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ: УРОК XXI ВЕКА

Среди стран, возникших на месте СССР, едва ли не самой главной особенностью Украины является то, она представляет собой классический пример «идеологического государства», само существование которого обусловлено в наибольшей степени именно определенной идеологией, а вовсе не какими-то рациональными основаниями. Население Украины уже многие годы подвергается воздействию мощного психотропного оружия — бешеной «промывке мозгов» неонацистской русофобской пропагандой с помощью СМИ. Ее цель — оторвать, хотя бы временно, Украину от Русского мира и сделать ее разоренной окраиной Европы. Эта пропаганда временно имела значительный успех, однако уже начинает иметь обратный эффект.

Итог «независимости» Украины от самой себя

Главный итог всего периода «назависимости» Украины — это превращение этой территории в отсталую часть «третьего мира» с разрушенной экономикой, марионеточным правительством, раз-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бегающим и вымирающим населением и тоталитарной неофашистской идеологией. В этом нет ничего удивительного — именно такой путь деградации и был запланирован Украине ее американскими кураторами с самого начала, еще в момент распада СССР. И только очень наивные люди могут этого не понимать. Запад во главе с США применяет по всему миру одну и ту же технологию неокOLONиализма: суть ее состоит в том, что государства ставятся в полную экономическую, политическую и идеологическую зависимость от Запада. В экономике это делается через уничтожение местной промышленности, захват рынка импортом, захват аграрного сектора иностранными компаниями и высасывание через иностранную банковскую систему всей прибыли, которая еще получается в стране. В политической сфере к власти приводятся представители местной олигархии, контролируемые через их финансовые активы, которые хранятся в западных банках. Эти люди — единственные, кто имеет деньги на проведение предвыборных кампаний, а все остальные в политику вообще не попадают. Через систему образования и СМИ навязывается прозападная идеология, а также местный национализм, направленный на искусственное разжигание вражды как внутри государства, так и с соседними странами. Такую стратегию Запад во главе с США использует по всему миру, и для Украины он не придумывал ничего нового.

Искусственное разделение Руси, которое произошло в 1991 году, — это проблема в первую очередь для русского народа, который оказался разделенным на части, причем некоторым его частям удалось внушить антирусскую идеологию и создать из них идейных «украинцев» и «белорусов». Российская Федерация как государство долгое время была занята своими внутренними проблемами, и ей было не до проблемы русских как разделенного народа. Впервые эта тема в полной мере прозвучала в связи с событиями 2014 года. В настоящее время возрождающаяся Россия поставила вопрос о праве русского народа на воссоединение и защиту своих прав во всем мире, в какой бы стране он ни проживал. Южнорусские земли, оккупированные Украиной вследствие «национальной политики» большевиков еще в 1922 году при создании СССР, — это, естественно, первоочередная проблема. Новороссия — то есть земли от Харькова до Одессы — на которых проживает до 20 миллионов русских людей, на Украине подвергаются наибольшей денационализации — навязыванию «украинской» идентичности. При том, что это чисто русские территории, освоенные только в XIX веке. Возвращение этих и других земель в состав единой России — безусловно, будет

неизбежным процессом первой половины XXI века. Основой этого возвращения будут не военные действия, а объективный процесс спасения этих территорий от полной деградации и вымирания. Сделать это сможет только Россия — после того, как украинская государственность деградирует и распадется окончательно. Этот процесс займет несколько десятилетий. На Западе также предполагают этот сценарий, и даже иногда проговариваются об этом. Например, в одном из интервью Дж. Сороса он объяснил, зачем Запад экономически уничтожает Украину: потому, сказал он, что это тоже Россия, но прежде чем эти земли вернутся в Россию, мы должны сделать из них пустыню. Вот таков на самом деле план Запада, который легко просматривается и без этого интервью, а только по его реальным действиям.

В плену очередного «единственно верного учения»

Официальная украинская идеология, имеющая тоталитарные претензии нового «единственно верного учения», основана на догмате о якобы безальтернативности «европейского выбора» и его противопоставлении факту цивилизационного единства с Россией по принципу «или-или». Этот «догмат» не выдерживает серьезной критики уже в свете самых элементарных фактов. Во-первых, так называемое «вхождение в Европу» в смысле формального присоединения к институтам Евросоюза, если таковое вообще когда-нибудь произойдет, что весьма сомнительно, для Украины вовсе не будет означать достижения уровня материального благосостояния «старой Европы»: «золотой миллиард» ради нас расширяться не будет, более того, он уже начинает сужаться вследствие внутреннего кризиса, который становится всё острее. Так что о столь чаемом «месте у корыта» украинским евро мечтателям следует забыть раз и навсегда. Если присоединение Украины к институтам Евросоюза все-таки произойдет, то исключительно ради выгоды самой Европы, получающей возможность жесткого контроля над ресурсами и экономической интегрируемой страны, причем уровень жизни в последней при этом серьезно не изменится или даже еще понизится, что мы видим на примере Прибалтики, сопровождаясь бегством населения.

Во-вторых, цивилизационное единство Украины с Россией не только является «упрямым» естественно-историческим фактом, но и более того, остается единственной предпосылкой самостоятельного развития Украины как в экономическом, так и в социокультурном отношениях. В общеевропейс-

кой социально-экономической системе Украина может быть лишь никому не нужным конкурентом — и поэтому ее туда никогда не пустят. Зато в евразийском пространстве у Украины огромные перспективы развития — ее экономика, социальные и культурные ресурсы здесь востребованы и эффективны. Это неудивительно, поскольку так было всегда и именно такое положение дел определяло нашу историческую судьбу в течение многих веков. Исторически сам феномен Украины как этно-территориальной общности есть продукт почти тысячелетнего развития Русского мира, органической частью которого она является.

Вплоть до большевистской «украинизации» 1920—1930-х годов классическое понимание русской нации четко соответствовало самому народному самосознанию, что, в первую очередь, и обусловило полный провал сепаратистского движения в ходе Гражданской войны 1918—1920 годов. Характерно в этом отношении свидетельство М. Могилянского в его воспоминаниях о событиях 1917—1920 гг. «Трагедия Украины», в которых читаем следующее: «Пользуются ли национально настроенные украинцы доверием широких масс населения, во имя которых они действуют и именем которых так часто злоупотребляют? Пользуется ли «украинизация» симпатиями широких масс населения Украины? Нужно раз хотя бы высказать ту истину, что в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации. Украинцы слишком много лгали на эту тему (т.е. ссылаясь на якобы массовую народную поддержку идеи «независимости». — В.Д.)... Если еще нужно беспристрастное свидетельство полного провала идеи «украинизации» и «сепаратизма», — продолжает М.М. Могилянский, — то следует обратиться к вполне надежному и беспристрастному свидетельству немцев, которые были заинтересованы углублением «украинизации» для успеха расчленения России. Через два месяца пребывания в Киеве немцы и австрийцы, занимавшие Одессу, посылали обстоятельный доклад в Берлин и Вену в совершенно тождественной редакции... Доклад красноречиво доказывал, что существующее правительство не в состоянии водворить в стране необходимый порядок, что из украинизации ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе, и всякий украинец, поступающий на службу, хотя бы сторожем на железную дорогу, стремится и говорить, и читать по-русски, а не по-украински. Общий же вывод был тот, что желательно объявить открыто и легально оккупацию края немецкой военной силой».

Все эти явления объясняются, естественно, не «низким уровнем национального самосознания» в тот период, как привыкла бессовестно лгать официальная украинская историография, но как раз наоборот — его самым высоким и устойчивым развитием, опирающимся на тысячелетнюю традицию единства Руси. Об этом свидетельствует, например, факт широчайшей распространенности накануне революции среди украинского крестьянства и мещанства принадлежности к общерусским православно-патриотическим организациям. Например, в 1909 году на встрече с Николаем II делегация от Волыни во главе с архиепископом Антонием (Храповицким) и архимандритом Почаевской Лавры Виталием преподнесла Царю книги со списками членов «Союза Русского народа», в которые было внесено более миллиона (!) человек, то есть всё взрослое мужское население Волыни. Известный публицист и политический деятель В.В. Шульгин, также входивший в состав делегации, свидетельствовал, что запись в эти организации имела характер стихийного народного движения протеста против революции, и добавлял: «Миллион волынцев сказали в тот день Царю, что они не «украинцы», а русские, ибо зачислились в «Союз русского народа» (Шульгин В.В. Дни. 1920: Записи. — М.: Современник, 1989. с. 245). Характерно, что из общего числа членов православно-патриотических организаций русского народа, большая часть (около 2 миллионов) приходилась именно на территории современной Украины, а не Великороссии! А современные украинские идеологи продолжают в чисто большевистском духе и даже в тех же самых выражениях всячески издеваться над «шовинистической черной сотней» — народными дружинами, остановившими революционный бандализм 1905 года, совсем не подозревая по своему невежеству, что это в первую очередь их же собственные предки.

Сам принцип национального самосознания как раз в том и состоит, что оно преодолевает этническую ограниченность ради причастности к единству великой цивилизационной традиции. В здоровой нации наличие внутренних этнических различий не ослабляет, а наоборот, усиливает сознание единства, поскольку сами эти различия заставляют яснее осознавать ту общую традицию и те общие ценности, ради которых стоит жить. Пока такие ценности существуют, любой этносепаратизм бесперспективен и естественным образом вызывает отторжение и гнев в широких массах. Южно-русы согласились считать себя отдельным народом и называться никогда ранее не слыханным словом «украинцы» только после того, как это тысячелетнее сознание было уничто-

жено эмпирически (уничтожением Российской империи) и идеологически (внедрением «самого передового учения»). Как справедливо отмечает известный киевский националист Г. Касьянов, «Термин «национальное возрождение», очевидно, нужно брать в кавычки... поскольку и по содержанию, и по форме украинское «национальное возрождение» было именно созданием нации, и субъективный фактор имел решающее значение для «инициирования» этого процесса. В данном контексте новое значение приобретает предложенный Р. Шпорлюком термин «украинский проект»... Нация сначала должна была возникнуть в воображении деятелей «национального возрождения» как умозрительная конструкция, и только со временем эта действительно «воображаемая» общность, этот проект были связаны в единое целое, согласованы с «объективными» социально-политическими, культурными, геополитическими и другими реалиями». Другой автор, Николай Рябчук, отличаясь явной русофобией, тем не менее пишет практически то же самое: его монография называется «От Малороссии к Украине: Парадоксы запоздалого нациотворения», и в ней он прямо говорит об искусственности и «запоздалости» создания украинской нации, которая, по его мнению, так и не возникла и существует лишь в смелых проектах. (Уникальный неологизм «нациотворение», кстати говоря, не имеет аналогов ни в одном из европейских языков.)

Этот фундаментальный слом в массовом историческом сознании и национальном самосознании был смягчен и опосредован идеологией «единого советского народа», имевшей под собой вполне реальную почву и удовлетворившей привычку к сознанию сверхэтнического единства. Когда же к концу XX века тысячелетняя общерусская идентичность, основанная на Православной вере, была почти совсем забыта, а «советский народ» перестал существовать, «украинская» идентичность южнорусов стала практически безальтернативной. Русскими отныне официально называются только великороссы, а все попытки возродить тысячелетнее самосознание яростно клеймятся «украинскими патриотами» как «предательство».

На протяжении советского периода своей истории Юго-Западная Русь постоянно жила в режиме «украинизации», имевшем в 40-х — начале 80-х годов пассивно-сдерживающий, а в 1920—1930-е годы и с конца 80-х годов агрессивно-наступательный характер, перерастая в период после 1991 года в формы лингво-культурного геноцида русскоязычного большинства граждан «независимой» Украины. А социоло-

гические опросы упорно показывают, что носителями русского языка как основного на Украине являются почти 2/3 населения, т.е. большинство, — даже сейчас, после потери ею Крыма и части Донбасса. Тем самым, официальная трактовка русскоязычных как якобы «языкового меньшинства» является не только фактической ложью, но и сознательным унижением и оскорблением миллионов людей со стороны государства, *de facto* объявляющего их людьми второго сорта. Современная ситуация на Украине, при которой большинство населения страны не имеет своего языка в качестве государственного, в современном мире является совершенно уникальной и беспрецедентной — кроме Украины, таких стран в настоящее время уже вообще нет. Поэтому о какой-либо «демократии» и «европейских принципах» здесь говорить вообще смешно — поскольку на Украине имеет место лингвототалитаризм в чистом виде.

Однако, несмотря на это, на протяжении всего XX века продолжался процесс стихийной реинтеграции русской нации в единое культурно-языковое пространство. В том числе и нынешний режим лингво-культурного геноцида не может противодействовать этому процессу, хотя и возымел существенное влияние на определенную прослойку общества, точнее, на определенный тип людей, принявших украинскую националистическую идеологию как своего рода «моральную компенсацию» своей материальной нищеты, социального унижения, исторического пессимизма и общего комплекса неполноценности, — или же, наоборот, для достижения корыстных карьерных устремлений (так называемое «янычарство», которое они самым лицемерным образом приписывают своим оппонентам). Этот психологический тип в свое время был описан великим русским ученым, создателем фонологии, Н.С. Трубецким. По наблюдениям этого автора, которые лишь подтверждаются множеством новейших примеров, людям этого типа в первую очередь свойственны «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности... дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией» (Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Наука, 1995. с. 373).

Ввиду всего вышесказанного не удивительно, что основой для официальной украинской идеологии стало не традиционное народное самосознание основной части населения страны, которое как раз усиленно искореняется, но идеология этномаргиналов — населения Западной Украины.

Большой иллюзией является представление, будто бы население этих территорий, выпав из руслу общей истории Русского мира на многие века, стало европейцами и якобы несет в себе европейский исторический опыт. В действительности, это выпадение было выпадением из Истории как таковой — став колонией европейских стран, русины вплоть до начала XX века пребывали в состоянии Grundvolk (термин В. Зомбарта) — т.е. населения, остающегося на доисторической стадии развития, живущего на уровне натурального хозяйства (с элементами феодализма). Поэтому их выпадение из Русского мира — не только и не столько в том, что их язык в наибольшей степени изуродован иностранным влиянием и диалектизацией, но в первую очередь, именно в утрате способности к историческому бытию как главной черте менталитета. На происходящие вокруг исторические события это население в течение многих веков привыкло смотреть как на непонятное стихийное бедствие, от которого нужно всячески уклоняться. Культура исторического бытия, присущая основной части южнорусов, в течение веков создававших единое государство Российское, распознается по способности делать выбор в пользу одной из борющихся исторических сил, даже если это требует жертв и самоотречения.

В период до 1917 года Россия как государство: 1) спасла южнорусский этнос от геноцида и, вероятнее всего, полного исчезновения; 2) предоставила ему уникальную возможность расселиться на огромных территориях и увеличиться в численности более чем в десять раз — ничто подобное было бы принципиально невозможно за пределами Русского мира, там оставалась лишь роль самого отсталого захолустья, каковой была, например, Галиция до середины XX века; 3) обеспечила более благоприятные условия социального и культурного развития, чем у любого другого центрально-европейского этноса (это касается даже и «крепостного права» — Екатерина II ввела его в цивилизованные рамки вопреки беспределу местных панов, а отнюдь не «закрепостила Украину», как привыкла лгать официальная историография). Соответственно, и советский период не может рассматриваться как что-то внешнее и «навязанное» Россией. Во-первых, исход Гражданской войны в конечном счете решился именно на Украине, благодаря поддержке большевиков местным населением (в 1920 году Красная Армия на треть состояла из украинцев, в том числе, и в высшем командном составе). Тем самым советская власть на Украине никоим образом не может считаться привнесенной извне, но является столь же «автохтонной», как и в Великодержавии. Поэтому всё, что эта

власть здесь потом делала, не может рассматриваться как внешнее насилие, но только как расплата народа за собственный выбор.

Украина изначально была не колонией, а одной из основ Российской, а затем и советской империи, ее «хартлендом» — поэтому и все злодеяния большевистского режима лежат на совести и ее народа нисколько не в меньшей степени, чем на других. Например, страшный голод 1932—1934 годов имел своей главной причиной холуйство и желание выслужиться местной компартийной номенклатуры всех уровней — в подавляющем большинстве «украинской» по национальному составу. Они обещали завышенные объемы хлебозаготовок в созданных колхозах, которые потом не могли выполнить, даже отняв у крестьян всё зерно подчистую и обрекая их на голодную смерть. Из общего числа погибших от голода в те годы население Украины составляет лишь около трети, а остальные две трети — это население Российской Федерации и Казахстана. Однако само желание переложить всю ответственность за грехи своего прошлого на кого-то, лишь бы избежать нравственной рефлексии и покаяния — очень характерная черта «украинского» исторического сознания, свидетельствующая о его полном отрыве от народной, христианской почвы. Непонимание этого принципиального обстоятельства свидетельствует лишь о крайне низкой интеллектуальной и нравственной культуре людей, ныне претендующих на роль идеологов и «интеллектуальной элиты» Украины.

Суть «украинской идеи», выработанной этномаргиналами именно на основе отсутствия культуры исторической жизни, и состоит именно в уходе из истории — в построении маленького государства по принципу «моя хата с краю», озабоченного исключительно жлобским «добробутом» и готового для этого холуйствовать перед кем угодно. В метафизическом смысле — это желание «перепрыгнуть» из до-исторического состояния сразу в пост-историческое, легко объяснимое вышеназванным отсутствием культуры исторической жизни, — бессмысленное, но комфортное существование «экономического животного».

Столь примитивные устремления также легко объяснимы исторически. Ведь по своей сути этномаргиналы, составляющие население Западной Украины, — это «этническая химера, возникшая в результате духовно-психологической и культурной мутации некоторой части русского народа под длительным воздействием военно-культурной экспансии католического Запада» (С. Родин). Становление этнической

химеры обусловлено процессом этнической мутации, комплекса искусственных изменений в менталитете. Естественно, что на остальных территориях страны «украинская идея», основанная на менталитете этномаргиналов, выполняет функцию, пользуясь термином А.И. Солженицына, «отрицательного отбора», втягивая в число своих приверженцев, в первую очередь, людей эгоистически озлобленных, обремененных комплексом неполноценности и поэтому стремящихся к самоутверждению за счет принижения инакомыслящих, а также откровенных приспособленцев. Украинская националистическая литература основана на таких технологиях «промывки мозгов», которые иногда доводят людей даже до психического расстройства. Я неоднократно был свидетелем того, как люди после прочтения пропагандистской газеты «Українське слово» (это орган ОУН — Организации украинских националистов) впадали в состояние беснования, захлебываясь от ненависти к «москалям». Здесь явно действуют технологии психотронного оружия, которое делает людей невменяемыми — они становятся абсолютно не способны воспринимать какие-либо аргументы, делают абсурдные высказывания. **Искусственное разжигание ненависти — это главный инструмент насаждения украинской идеологии.** Фактически эта идеология является своего рода «религией ненависти» и культом невежества.

Решающее значение для формирования идеологических предпосылок становления Украины как национально-государственной единицы и для возникновения национальной идентичности «украинец» имела деятельность русофобствующей интеллигенции, начиная со второй половины XIX века. Деятельность этих поначалу мелких и маргинальных групп была направлена на дискредитацию высших народных святынь — единства Руси, Православия и Самодержавия — за счет всяческого любования бытовыми особенностями жизни южнорусской народности. Поэтому при всем своем внешнем «народолюбстве» деятельность этих людей по своей глубинной сущности была радикально антинародной. В дальнейшем на «раскрутку» идеологии украинизма среди народных масс Галиции были отпущены большие деньги австрийским правительством, строившим накануне Первой мировой войны экспансионистские планы расчленения России. Наконец, большевики в 20—30-е годы провели кампанию по насаждению «украинского литературного языка» и украинской национальной идентичности, не брезгуя для этого даже услугами своих недавних заклятых врагов типа Грушевского и К^о.

Само возникновение и дальнейшее существование независимой Украины является частью глобального проекта стабилизации однополярного мира во главе с США и диктатурой стран «золотого миллиарда» в сфере мировой экономики. Проект глобального однополярного мира предполагает недопустимость воссоздания самостоятельного единого цивилизационного пространства Евразии, которое чем-либо выделялось бы из общего болота «третьего мира». В соответствии с этим проектом, «народы Евразии теряют единое большое пространство и погружаются в малые и затхлые пространства, где царят вражда, ревность и провинциальная зашоренность. Они теряют навыки эффективной экономической кооперации, социального и политического сотрудничества, превращаясь в разрозненных маргиналов нового глобального мира. Они теряют язык большой культуры и великую письменную (надэтническую) традицию, возвращаясь к этническим диалектам или даже придумывая их в случае реальной ненаходимости в прошлом» (Панарин А.С. Россия в социокультурном пространстве Евразии // Москва. 2004. № 4. с. 185). Современная Украина является характернейшим примером реализации всего перечисленного.

Украинский неонацизм

В июле 2017 года в селе Червоне Бродовского района Львовской области в торжественной обстановке перезахоронили останки 23 карателей украинской дивизии СС «Галичина». Напомним, что «херои» этой дивизии были наголову разбиты Красной армией за полдня в первом же бою в июле 1944 года под Бродами и позорно разбежались, после чего собранные ее остатки занимались «хероическим» подавлением партизан-антифашистов в Словакии и Югославии. Однако, что характерно: впервые, никого не стыдясь, нынешние последыши гитлеровских холуев на этом «торжестве» надели эсэсовскую форму своих учителей, чьи кости лежали в гробах, накрытых желто-синим флагом — флагом гитлеровских коллаборационистов, который в 1991 году стал государственным флагом Украины (поэтому еще тогда умным людям сразу стало понятно, чем эта «Украина» в конце концов закончится).

Идеология украинского нацизма, фактически ставшая государственной и «единственно верной» после «майдана» и государственного переворота в Киеве 2014 г., является не только инструментом Запада, направленным на разжигание ненависти к России. Кроме этой политической цели, она явно

имеет и еще одну, скрытую цель — поставить эксперимент над человеком, посмотреть, насколько он поддается манипуляции в современных условиях. К сожалению, опыт показывает, что человек нисколько не изменился, и в XXI веке люди столь же легко превращаются пропагандой в агрессивную и бессмысленную массу, как это было и в страшных событиях прошлого века.

Внутренние психологические мотивы обращения людей к идеологии украинского неонацизма как особому «состоянию души» более всего похожи на состояние души человека, вовлеченного в тоталитарную секту. И это не просто аналогия. По сути дела, «сознательные украинцы» всегда отличались и ныне отличаются сектантской психологией, с дикой ненавистью, делящей людей на своих («избранных») и «врагов», для которых придумано множество оскорбительных наименований. Украинский неонацизм является мощной психологической компенсацией реального процесса материальной, моральной и культурной деградации общества. Украинский неонацизм стал удобным заполнением культурной пустоты массового сознания, создающим образ иллюзорного «величия» в деградирующей стране. Кроме того, он стал также и важной психологической компенсацией подсознательного чувства исторической вины — предательства людьми своей подлинной общерусской и советской идентичности, отказа от подлинной исторической памяти и большой культурной традиции ради агрессивного провинциализма.

Но почему массовое сознание современного человека способно опускаться до откровенного неонацизма? В классическом исследовании В. Райха «Психология масс и фашизм» возникновение германского нацизма объясняется его функцией компенсатора болезненных комплексов массового сознания. В. Райх писал: *«...ясно, что фашизм — это не дело рук какого-нибудь Гитлера или Муссолини, а выражение иррациональной структуры массового человека... Склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т.е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с «величием нации». Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он ощущает себя защитником «национального наследия» и «нации». Это ощущение позволяет ему презирать «массы» и противопоставлять себя им в качестве индивидуума».*

Очевидно, что все эти психологические черты очень четко прослеживаются в современном украинском национализме, особенно в его идеологических манифестациях. Современ-

ный украинский неонацизм не только сознательно декларирует свою преемственность по отношению к украинским нацистам 1930—1940-х годов, участвовавшим в войне с СССР на стороне гитлеровской Германии, но и полностью заимствовал идеологию гитлеровского нацизма.

Так, наиболее авторитетный среди украинских неонацистов идеолог, создатель «интегрального национализма» Д. Донцов, нисколько не стесняясь, требовал от «идейных украинцев» двух главных качеств — фанатизма и аморальности. Он подчеркивал, что «национальная идея должна была быть аморальной», а реализовать ее должен фанатик, который «считает свою правду единственной, общей, обязательной для других. Отсюда его агрессивность и нетерпимость к иным взглядам». «Аморализм предполагает, — писал Д. Донцов, — что носители национальной идеи должны подняться над мешанской, обыденной моралью, к ним нужно подходить с иными моральными мерками. Их мораль предполагает ненависть к врагу, даже если он не сделал им ничего плохого, ненависть к «добрым людям», которые «добры», т.к. недостаточно сильны, чтобы стать злыми».

Особая аморальность этой идеологии состоит также и в том, что она построена на тотальной лжи, подменяя подлинную историю абсурдными мифами, цель которых — внушение ненависти к единокровным «врагам». Но аморальность украинского неонацизма разрушает не только знание истории как совокупности фактов — она разрушает и само историческое сознание.

Историческое сознание как таковое состоит в первую очередь в способности к жертвованию частным ради общего, и поэтому оно может быть присуще только тем людям, которые сознательно идентифицируют себя с Русским миром, независимо от того, кем были их этнические предки. Любой сепаратизм на территории «бывшего СССР» — это именно этнический сепаратизм, направленный против Русского мира, и он является очень четким выражением до-исторического и до-цивилизационного мышления. И так называемое «стремление в Европу», присущее всем этническим сепаратистам Русского мира, их желание там «обрести» себе цивилизацию как раз и свидетельствуют о том, что они сознательно отказались от своей подлинной цивилизации и своей подлинной истории. Первую они променяли на состояние нищей евроколонии, а вторую — на нацистскую мифологию.

Этнические сепаратисты для привлечения своих сторонников всегда используют имитацию исторического сознания, выдавая свой частный корыстно-этнический интерес

за интерес якобы «общий», ради которого требуется принести жертвы. Именно этот обман называется у этнических сепаратистов «патриотизмом», но именно он и наиболее уязвим, поскольку рано или поздно сталкивается с неумолимой реальностью. Эта реальность всегда состояла и будет состоять в том, что единственный общий интерес, ради которого стоит жертвовать интересом частно-этническим, — это единство Русского мира, только благодаря которому живущие здесь народы стали причастными большой Истории и мировой цивилизации. В то время как противоположный путь — путь этнического сепаратизма «украин» и прочих регионов всегда приводил к самым плачевным результатам, делая эти регионы бесправными и бесконечно деградирующими сырьевыми колониями Запада, контролируемые им по принципу «разделяй и властвуй».

Повстанцы Новороссии — это не «сепаратисты», как привычно лжет украинский Геббельс, но как раз прямая противоположность украинскому сепаратизму — это радикальные интегралы, которые не желают утрачивать свою цивилизацию, созданную их предками и политую их кровью в войнах с европейскими агрессорами. И уже само лицемерное использование термина «сепаратисты» по отношению к русским интегралам Донбасса и всей Новороссии является не просто обычной ложью, на которой всегда строилась украинская пропаганда, но сознательно рассчитанной ментальной стратегией, цель которой — создание «перевернутой» реальности.

До-историческое мышление украинских и прочих русофобских этнических сепаратистов, ставших наемниками Запада в борьбе с Русским миром и в результате этого выпавших в бессмысленное до-цивилизационное состояние, — это мышление «гетто», деградировавшее до такого полудикого состояния, с которым нормальный диалог уже в принципе невозможен. Единственный путь выхода из него (кроме пути в полную деграцию и историческое небытие) — это своего рода «шоковая терапия»: терапия если не войной, как это происходило в Грузии и на Украине, то в любом случае терапия шоком от катастрофического несоответствия русофобского мифа, всаженного в голову толпы прозападными СМИ, и той подлинной реальностью, с которой на самом деле сталкиваются эти люди в те моменты, когда они перестают быть толпой и пытаются мыслить самостоятельно.

Убийственный для этнических сепаратистов парадокс войн, которые они начинают против Русского мира с целью создания своей псевдонации, состоит в том, что эти войны

всегда неизбежно заканчиваются для них прямо противоположным результатом. Русский мир еще больше консолидируется на основе жизненного осознания своих ценностей и своей исторической традиции. Этнический же сепаратизм вместо создания и «консолидации» своей псевдонации получает еще более глубокий внутренний раскол этноса, большая часть которого просто силою жизненных обстоятельств убеждается в лживости русофобской пропаганды. Так многократно было в истории, и то же самое снова происходит на наших глазах. Украина же является классическим и самым трагическим примером такой логики развития событий и саморазрушения антирусского сепаратизма.

Символом и «парадигмой» (моделью) украинской истории как такой является Руина. Причем не только конкретный исторический период второй половины XVII века, который получил в науке такое название, но и в более широком и содержательном смысле. Дело в том, что именно к специфическим «украинской истории» на этих территориях как раз и можно отнести только периоды «руин», то есть гражданских войн, ужасов и разрушений, поскольку все без исключения благополучные периоды здесь проходили только в составе России — сначала Российской империи, а потом СССР. Неумолимый закон истории всегда однозначен: как только на землях Юго-Западной Руси начинается очередная «независимость», ждите очередную Руину.

Нынешняя новая Руина, начавшаяся в 1991 году, по своим масштабам уже давно приближается к той, главной Руине XVII века. Напомним, что «самостийники» того времени — гетманы, предававшие присягу, данную на Евангелии Московскому царю и переходившие на сторону врагов России и собственного народа, довели земли Юго-Западной Руси до полного запустения. Выжили лишь те, кто бежал под защиту русских войск, — и заселили нынешнюю Слобожанщину. Только после присоединения Крыма к России — только через сто лет после самого разгара Руины — земли степной Украины обрели мир и стали вновь заселяться. Если бы они не вошли в состав Российской империи, то никакой Украины — ни как народа, ни тем более как государства — сейчас бы не существовало и в помине.

Сейчас ситуация полностью повторяется, хотя и в иных исторических декорациях. Но итог ее будет тот же самый. Уже сейчас Украина во многом выживает за счет новой Слобожанщины — пяти миллионов заробитчан, работающих в России. И в будущем народ Украины избежит вымирания и дальнейшей эмиграции только в том случае, если экономика

Украины начнет восстанавливаться в рамках Русского мира, а не деградировать в качестве сырьевого придатка Европы. И сам народ сохранится только в том случае, если он вспомнит свои русские корни и русское единство и перестанет верить в сказки нацистской бандеро-американской пропаганды.

Стоит отметить, что удару психотронного оружия в виде идеологии украинского неонацизма поддались далеко не все, но на одних людей оно подействовало, а на других — нет. Почему? Психологи объясняют: подействовало на тех, у кого лабильная психика, легкая внушаемость и манипулируемость. Это правильно, однако указывает лишь на внешние факторы, а не на саму склонность к такой идеологии. Суть дела в том, что такое варварское психотронное оружие действует только на тех, кто к этому заранее предрасположен. В частности, украинский неонацизм основан на разжигании самых низменных человеческих страстей — жадности, эгоизма, карьеризма, мстительности, лживости и агрессии. На тех людей, которые умеют подавлять в себе эти низменные чувства, эта пропаганда и не действует. Действует лишь на тех, кто не умеет, поскольку эти страсти составляют всё внутреннее содержание примитивной психики таких людей. Поэтому на них именно такое оружие действует безотказно.

Главная привлекательность украинского неонацизма для людей с примитивной психикой и разрушенной моралью состоит в том, что именно эта идеология позволяет эту примитивность и аморальность превратить в «достоинство» и предмет гордости. Благодаря этой идеологии человек начинает ощущать свое мнимое «величие» не за какие-то реальные заслуги, но лишь за счет своей дикой ненависти и хамства по отношению к другим.

Когда в период Великой Отечественной войны украинские нацисты-бандеровцы воевали вместе с гитлеровцами против СССР, то это отнюдь не был лишь «временный союз» — это было именно кровное идеологическое единство двух разновидностей нацизма. В украинском бандеровском нацизме есть все те же самые элементы, которые содержатся и в «Майн кампф». Во-первых, это миф о «расовом» превосходстве одной нации над другими и вывод о необходимости господства над ними (в том числе и занятия соответствующего «жизненного пространства»).

Миф, который с 1991 года усиленно пропагандируется в СМИ, в школах и вузах, состоит в том, что в отличие от украинцев как европейцев и древнейших из славян, россияне — это, якобы, азиаты, наделенные «рабской психологией», и не славяне, а «смесь финно-угров и татар». (В реальности же,

как раз наоборот, именно у украинцев осталось меньше всего «славянской крови» — они в основном являются славянизированными потомками половцев и других азиатских народов степи. Это очень хорошо заметно и по антропологическому типу — среди «идейных украинцев» людей со славянской внешностью практически не бывает.)

Выводом из этого мифа является тезис о необходимости «украинизации» всего того населения Украины, которое является носителем русского языка и российских культурно-исторических традиций. Это население маркируется сознательно унижительной кличкой «ватника» и de facto рассматривается как неполноценное, подлежащее перевоспитанию. Иногда по отношению к ним и прямо используется классическое нацистское выражение «недочеловеки» — в том числе публичными политиками. Например, это выражение употребил в 2014 году по отношению к противникам «евромайдана» тогдашний премьер А. Яценюк в своем выступлении в США. Оно подразумевает не только тотальное господство украинской идеологии, но и физическое уничтожение оппонентов. Причем речь идет не только о боевых действиях на Донбассе, но и о «пропаже без вести» нескольких тысяч людей, имевших «пророссийские взгляды». Сущностный признак неонацизма — стремление к полному господству одной нации над другими, вплоть до физического уничтожения несогласных — уже присутствует в современной Украине.

Во-вторых, это психология завоевателей и угнетателей. Подобно тому, как Гитлер намеревался заселить европейскую часть СССР «полноценными арийцами», так и идейные украинцы мечтают о так называемой «украинской Украине» — то есть о том, чтобы все население без исключения заговорило на официальном, искусственно сконструированном украинском языке и свято уверовало в ту нацистскую идеологию, о которой идет речь. Все остальные уже официально объявляются «врагами украинского народа» и «пятой колонной Москвы».

При этом создается лицемерный миф о якобы «вековом угнетении» со стороны России — но именно для того, чтобы замаскировать собственное стремление к угнетению и насильственной «украинизации». А если учесть, что русскоязычные составляют как минимум половину населения Украины, то ситуация становится совершенно скандальной и абсурдной — ведь «неправильной» и подлежащей «перевоспитанию» оказывается половина (!) граждан страны. И эти колонизаторские планы активно воплощаются в жизнь, начиная уже с 1991 года, — в виде навязывания этой идеологии

через систему образования и СМИ, а также абсолютно скандального факта: Украина ныне является единственной страной в мире, где язык половины населения не является государственным или хотя бы официальным! Таких стран, кроме Украины, сейчас вообще не существует нигде в мире.

Людей, попавших под внушение этой идеологии, можно понять. Ведь после 1991 года население Украины живет в состоянии лишь постоянной разрухи и разочарования. На Украине, в отличие от России, так и не началось возрождение государства и народа — наоборот, разруха всё усиливается. И поэтому люди тянутся к такой идеологии, которая в качестве «компенсации» создает им иллюзию собственного «величия», а с другой стороны — создает и «образ врага», на которого можно свалить все беды. Кроме того, русофобская идеология также позволяет замаскировать зависть населения Украины к успехам возрождающейся России. Характерный пример этой зависти: ни один украинский ТВ-канал не сообщил о том, что сборная России завоевала больше всех медалей на сочинской Олимпиаде. Единственное, что можно было узнать о ней из украинских ТВ-каналов, — это то, что при строительстве олимпийских объектов якобы «разворовано более половины средств», что является очевидным абсурдом. В украинских СМИ позитивной информации о России не было уже и во времена В. Януковича, не говоря уже о нынешних. Здесь всегда господствовала самая агрессивная русофобия, достигнув в настоящее время шизофренической степени.

Запад устраивает только нищая и деградирующая Украина — поставщик почти дармовой рабсилы и рынок сбыта худших товаров. Судя по всему, цель Запада — вообще «зачистить» территорию Украины для заселения ее в будущем теми выходцами из «третьего мира», которых он сам не сможет переварить. Всё это делается просто для того, чтобы эта территория не досталась России. Обычная война цивилизаций, описанная еще Н. Данилевским.

Однако именно поэтому, в конечном счете, результат будет прямо противоположным — уже пришло время, когда большинство населения стало понимать, что с ними делают под видом «евроинтеграции». Психотронное оружие всегда в конце концов обращается против тех, кто его применил. Уже повторяется XVII век, который назывался Руиной. Сейчас на Украине наступила новая Руина, и ее результат будет тем же самым, как и 300 лет назад, — возвращение страны в Русский мир.

Бандеровский неонацизм XXI века изначально был обречен на поражение не только в силу известных экономичес-

ких и политических причин и военных поражений, но, в первую очередь, в силу более глубокой — антропологической — причины. Украинский неонацизм изначально опирается на самые низменные человеческие черты — ненависть, хамство, ложь и подлость, и поэтому был основан на «отрицательном отборе», вербуя в свои ряды моральных подонков и интеллектуальных дегенератов. Как из известного материала, говорит пословица, «не слепишь пулю», так из такого «человеческого материала» невозможно создать не то что «нацию», но и вообще что-то жизнеспособное. Он способен только к самоуничтожению и уничтожению собственной страны. К счастью, первое произойдет раньше, и от страны хотя бы что-то да останется и вернется в Русский мир.

Неизбежность

Несомненно, что новый жестокий эксперимент XXI века — украинский неонацизм — рано или поздно отправится туда же, куда отправился и его гитлеровский предшественник: на свалку истории. Однако цена новой Руины для народа Украины будет слишком большой, сейчас речь идет уже о самом его существовании. Народы тяжело расплачиваются за свои ошибки.

Предпосылки восстановления единства Руси есть уже и сейчас, но они еще не достигли такой степени развития, чтобы привести к самоликвидации этого государства. Оно еще просуществует несколько десятков лет — но сколько именно, предугадать невозможно, это зависит от целого ряда факторов. Современное состояние Украины я предложил называть новой Руиной, и это выражение вошло в оборот. Действительно, есть все совпадения с Руиной на этих территориях в XVII веке: бегство населения вследствие непрерывной разрухи и военных действий. Характерно, что и как в XVII веке, население бежит в основном в Россию. Сейчас столько же людей, как в Россию, уезжают на заработки в Европу, но они там, как правило, не получают гражданства, и все равно вынуждены возвращаться. А отъезд в Россию — как правило, в конце концов приводит к переселению и принятию гражданства. Таким образом происходит уход самых активных трудовых ресурсов из Украины в Россию, как это было и в XVII веке. Оставшееся население стареет и вымирает. Население России продолжает расти в основном за счет мигрантов, в том числе, и из Украины. Уже сейчас Зеленский заговорил о «либертарианстве» — об отказе государства от своих социальных обязательств, которые оно уже просто не может

осуществлять в силу непрерывной деградации экономики. Но если государство само отказывается от своего населения, то очень скоро и население откажется от этого государства. Таким образом, главная предпосылка саморазрушения Украины — экономическая, хотя сыграют роль и другие факторы: разочарование населения в украинской идеологии (это уже происходит и сейчас, ведь ложь всегда в конце концов обнаруживается) и фактор военный — наличие войск ЛНР и ДНР, которые в случае распада Украины могут быстро взять под контроль эти территории на вполне законном основании как местные территориальные формирования бывшей Украины. Все это в конечном счете неизбежно, но произойдет не так скоро, как хотелось бы. История любит терпение.

Проект глобальной диктатуры не встречает сопротивления до тех пор, пока у населения колонизируемых территорий сохраняется иллюзия возможности вхождения в число стран «золотого миллиарда» (на Украине это называют «вхождением в Европу»). Однако, когда иллюзорность этих мечтаний станет очевидной большинству населения, его политические и цивилизационные предпочтения радикально изменятся. Возможно, на это уйдут даже десятки лет, однако итог предопределен и неизбежен, а сам процесс начинается уже сегодня. Более того, в определенном смысле можно сказать, что временное разобщение Русского мира, уже далеко не первое в его истории, как и раньше, пойдет лишь на укрепление его дальнейшего единства — но уже после того, как очередная «европейская» утопия продемонстрирует свою полную несостоятельность.

г. Луганск

БЫЛИ И НЕБЫЛИ ЗАВОКЗАЛЯ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

СМЕХ И СЛЁЗЫ МОЕГО ДЕТСТВА

Лучше плакать в детстве, чем в старости.
Неизвестный автор

Лето 1963 года, воскресенье, время к полудню. Солнце томит жаром. Не спасает и тень от громады Свято-Троицкого собора, лишь близость реки Великой дарит живительную свежесть. По пологой крытой соборной лестнице на паперть второго этажа поднимается молодая женщина, держа за руку ребенка. Ступеньки высокие и ребенок едва справляется с подъёмом. Тогда женщина подхватывает его на руки... Эта женщина — моя мама, а ребенок — я. Мне два года, и я с удивлением смотрю на открывающийся сказочный мир, волнующий и непонятный. Всё здесь блистает золотом, горит огнями, на боковых стенах и впереди, до самого неба — портреты людей... Кто-то в золотом одеянии пускает из звенящей бубенцами коробочки во все стороны дым, потом громогласно восклицает:

— Благослови, владыка!

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и всегда, и во веки веков, — звучит в ответ.

ПРОЗА

— Аминь, — поет невидимый хор.

— Миром Господу помолимся, — возглашает тот же, в золотом одеянии.

— Господи, помилуй, — подхватывает хор.

Поют совсем не так, как под гармонь поет мой дедушка, и на музыкальных занятиях в детском саду поют на иной лад. Всё в этом волшебном мире отличается от того, что в обычной жизни...

На самом деле, я не помню, как крестили меня в двухлетнем возрасте в Свято-Тоицком соборе, но легко могу себе это представить: и идущие рябью воды реки, и перси Крома, словно закованная в доспехи грудь богатыря, и белокаменную твердыню Свято-Троицкого собора, и золотые ризы священнослужителей, чудотворные иконы, семиярусный резной иконостас, ведь всё это — константы времени и пространства. Они и сегодня ровно так же встречают нынешних матерей и их чад...

Мама вспоминала, как вечером того дня я, захлебываясь от восторга, рассказал вернувшемуся с работы отцу, что был в цирке и там царь угощал меня вкусным вареньем. Это должно было оставаться нашей с мамой тайной, но разве возможно удержать в узде уста младенца? Отец вскипел. В ту пору он, убежденный комсомолец, недавно отслуживший срочную службу в десантных войсках, был далек от религии и всё, что было с ней связано, считал ненужным. Крестился он, уже выйдя на пенсию, чуть позже обвенчался с моей мамой. Так время расставило всё по своим местам. Я же тогда и не подразумевал, что в тот самый день вступил на путь борьбы за свою бессмертную душу...

В день моих крестин отец отчитал маму и потом несколько часов с ней не разговаривал, меня же довел до горьких слез. Впрочем, уже совсем скоро я безмятежно гулял во дворе, слушающая шум пролетающих мимо поездов...

Я благодарен своей маме, Маргарите Дмитриевне, за каждый год счастливого детства, за радости и печали, за смех и слёзы, за Пушкина, наконец, которого я узнал и полюбил под кровом родного дома, где мне, едва научившемуся ходить, мама читала сказку о рыбаке и рыбке, о мертвой царевне и семи богатырях, о царе Салтане. Сколько себя помню, у нас на книжной полке всегда стояли книжки Пушкина, и обложки их никогда не остывали от теплоты прикасающихся к ним рук. Мы, дети, не засыпали без волшебной мелодии пушкинского слова. Думаю, что так было практически везде — Пушкин был ангелом-хранителем в каждой советской семье.

Я бесконечно люблю Гоголя, но ставшие крылатыми слова французского критика Эжена Вогюэ «Все мы вышли из гоголевской шинели» мне не вполне близки. Потому что я вышел из пушкинской «Метели», я родом из Пушкина и думаю, что в этом не одинок...

А еще в детстве мне нравилось смотреть, как заходили «под воду» уставшие паровозы, как зависал над тендером «хобот» гидроколонки и обрушивал вниз поток воды. Казалось, что железные машины жадно пьют, мимоходом выдыхая облака пара. И еще меня завораживали поезда. Стремительно и неотвратимо проносились они мимо, наполненные громом и ветром. Я видел мелькающие в кипящих светом окнах незнакомые лица и думал о том, что никогда не узнаю имен этих людей, никогда их не встречу и не разгадаю, куда уносились они в этих, похожих на зеленые дирижабли, вагонах? Я воображал, что сижу у окна в одном из них и машу рукой стоящему снаружи подле путей мальчику, так похожему на меня. Сердце замирало от предчувствия чего-то неведомого, неизвестного. Но поезда уходили, а я оставался, смотрел им вслед, слушая, как гудят, успокаиваясь, рельсы, как затихают отголоски умчавшегося железного урагана. Потом шел домой длинными проулками мимо похожих в своей неприятельности друг на друга домов, бесконечных заборов и прячущихся за ними сердитых дворовых мосек...

Таков был район Завокзалья, где мне судил Бог родиться. Застраивался он в 40—50-е годы в основном людьми, обездоленными войной. Семья моего деда Степанова Дмитрия Степановича в довоенные годы проживала в деревне Лабенка Псковского района. В 1941-м все мои родные были интернированы немцами и отправлены на принудительные работы в Эстонию. Вернулись обратно в 1944-м, но ожидало их лишь пепелище...

Обосновались во Пскове. Новый дом строили в Завокзалье. Топонимика здешних мест была, за редким исключением, привязана к железной дороге. От главной улицы — Паровозной — разбегались в разные стороны улочки и переулки: Малая Паровозная, Паровозный проезд, переулки Машиниста, Путейца, Бригадный переулок, Вагонный, улицы Рельсовая, Железнодорожная. И наш переулок назывался соответственно — Паровозный.

А люди здесь жили замечательные: герои войны и труда, труженики-путейцы, машинисты, кочегары, ремонтники из паровозного депо, инженеры — отзывчивые, щедрые душой, скорые на любую помощь. Впрочем, была и у нас своя ложка дегтя — элемент, не желающий честно трудиться и строить,

соответственно духу времени, светлое будущее — тунеядцы, жулики, бандиты, мешающие жить честным людям. Одним словом, шпана...

ШПАНА ЗАВОКЗАЛЬЯ

Наши улицы совершенно безопасны. Опасны только люди на улицах.

Фрэнк Риццо, мэр Филадельфии

В пятницу четвертого числа Поликарп Ефимович Кошель работал во вторую смену. Перед обедом по локомотивному депо пронесся клич: зарплату выдают. Поликарпу Ефимовичу от рабочего места до кассы было рукой подать, так что у вожделенного окошка он оказался в числе первых. Получив, отсчитал девять червонцев для законной супруги, положил их в большой дерматиновый кошелек, а семь с полтиной спрятал в задний карман штанов, где всегда хранил заготовку.

— Обед уж наступил, а маленькой всё нет, — пропел проходящий мимо слесарь второго разряда Иероним Самокатов.

Он на ходу подмигнул Поликарпу Ефимовичу и потер друг о дружку грязные ладошки.

«И то верно», — подумал Кошель и, не переодеваясь, прямо в замаранной солидолом и мазутом спецовке дунул на Паровозный проезд в продмаг. Он так спешил, что умудрился обогнать Самокатова. Тот пристроился в очереди за ним. Продавщица Клава сморщилась, как сушеный гриб, и противным голосом запрочитала:

— Мазутники окаянные, кто за вами убирать будет? Воня от вас потом на целый день!

— А ты за то рабочему классу без очереди отпускаяй! — пехом пропел Самокатов. — Имеем право!

— Еще чего! — завопила Клава. — В профком на вас пойду! Алкоголики!

Поликарп Ефимович, в отличие от слесаря Самокатова, мудро смолчал и, получив свою поллитровку за 2 рубля 87 копеек, отправился восвояси. Краем глаза он видел, как Клава венником гнала прочь от магазина неловко уклоняющегося от ударов Иеронима Самокатова.

— Убью, ирод! — неистово кричала продавщица.

Голос ее, как сигнал паровозного свистка, пронёсся вдоль улицы Железнодорожной, обогнав «Волгу» начальника локомотивного депо Яна Яновича Стулькина. Тот тревожно поежился, потер уши и сказал сидящему впереди шоферу:

— Надо дать команду машинистам попусту не сигналить, а то слух можно даром потерять.

Тем временем Поликарп Ефимович, припрятав поллитровку в раздевалке, вернулся к ремонту локомотива...

Вдвенадцать ночи он уже плескался в душе, тщательно смывая с себя паровозный мазут. Одеваясь, представлял, как выпьет первые пятьдесят граммов, как приятная истома побегит по жилам, подует первый легкий ветерок в голове, пробуждая забывшуюся в грохоте паровозного железа и шипении пара радость к жизни. «Скоро, уж скоро!» — подбадривал он себя на пути в железнодорожную столовую, которая круглосуточно обслуживала работников локомотивных бригад.

Он взял у сонной раздатчицы котлету с картофельным пюре за 22 копейки, томатный сок за 8 копеек, хлеб и пустой стакан. Место занял в дальнем углу у окошка. В столовой было практически пусто, лишь за одним столиком молча уплетали борщ два железнодорожника в темно-синих кителях с серебряными крылатыми колесами на груди. Поликарп Ефимович пересел так, чтобы оказаться к ним спиной, незаметно сорвал с поллитровки «бескозырку» и нацедил себе четверть стакана водки. Залпом выпил, застыл, прислушиваясь к тому, что происходит внутри его естества. А там, сначала чуть слышно, горнист протрубил «побудку», затем, уж громче, «сбор», потом, совсем громко, «обед». Поликарп Ефимович тут же налил следующие пятьдесят граммов...

Третью дозу он принимал под бой барабанов. Внутри его шагала боевой отряд пионеров, ладно запевая речёвку: «Кто шагает дружно в ряд? Пионерский наш отряд!». Так под пионерские песни он незаметно одолел половину бутылки и задумался. Домой идти не хотелось. А что? Жене можно сказать, что аварийный локомотив пригнали — мол, аврал. А самому пойти к Саньке Непушкину. Пол пол-литра есть, да и у Санька наверняка что-то найдется. Надо идти! Сказано — сделано...

На улице, вдохнув ночную прохладу, Поликарп Ефимович зябко поёжился, поднял воротник куртки. Постоял, глядя в сторону своего дома, который невидимо существовал по ту сторону вокзала на улице Яна Фабрициуса. Совесть, которой, как известно, 250 граммов нипочем, дёрнула его за ухо и шепнула: «Иди, дурень, домой!» — «Не пойду!» — уперся на своем Поликарп Ефимович. «Попомнишь еще! — больно ущипнула его за нос совесть. — Соплями зелеными умоешься». — «Сама умоешься!» — отбоярился Поликарп Ефимович. Он воровато огляделся по сторонам, достал из кармана куртки поллитровку и сделал большой глоток. Для совести

это было уже лишка. Она крякнула и тут же подалась спать. А Поликарп Ефимович взбодрился и зашагал на 1-ю Полевую, где жил его дружок Саня Непушкин. По Паровозной решил не идти — вдруг кто из знакомых увидит и донесет супруге? Поэтому пошел кренделями. Сначала вдоль путей по Железнодорожной, мимо барачков и старого бомбоубежища. Потом у нужного поворота остановился, на секунду замедлил и шагнул в черное жерло переулка Путейца. Где-то вдали, сквозь кромешную тьму, едва проблескивал фонарь, похожий скорее на опустившуюся к земле звезду. Для бодрости духа Поликарп Ефимович негромко зашел:

*Слышишь, товарищ, гроза надвигается,
С белыми наши отряды сражаются,
Только в борьбе можно счастье найти,
Гайдар шагает впереди.
Гайдар шагает впереди.*

Гайдар-то, он, может быть, и шагал, но так быстро, что тут же скрылся в темноте, где всем Гайдарам и место. А Поликарп Ефимович остался один на один с ночными шорохами, вздохами, поскрипываниями и постукиваниями. От заборов в его сторону выгибались какие-то лохматые тени, кривлялись перед ним и исчезали. Где-то дико заорал кот, будто ему отвинчивали хвост. И Поликарп Ефимович с тоской подумал, что и его вот-вот схватят и возьмутся ему что-нибудь откручивать. Ему показалось, что впереди из-за угла покосившегося двухэтажного барака кто-то выглянул и погрозил ему кулаком. Он приостановился, мысли барабанными палочками застучали в виски. Мужик он или не мужик? Где его гордость? «Ну уж нет! Жена всё узнает и жизни потом не даст. Пойду к семье!» — схитрил он, найдя таким образом компромисс со своей мужской гордостью. И уже занес было ногу, чтобы повернуть домой, но тут сзади на его плечо легла чья-то тяжелая рука...

— Мужик, закурить найдется? — замогильным голосом спросил кто-то невидимый.

Потерявший дар речи Поликарп Ефимович кивнул головой и трясущейся рукой достал «Беломор». Он вытянул руку с папиросами вперед и стал разворачиваться. И когда развернулся, увидел двоих: одного высоченного и толстого, другого тоже длинного, но тощего и сутулого.

У толстого на круглом, как блин, лице, прилипшая к губе, висела папироса. Однако он забрал от Поликарпа Ефимовича «Беломор» и отсыпал себе добрую половину пачки.

— Спасибо, мужик, — сказал он опять замогильным басом. — Откель и куда идешь?

— Домой, — цыплячьим фальцетом ответил Поликарп Ефимович.

— И где живешь? — Толстый сплюнул окурочек и тут же прикурил дармовую поликарповскую «беломорину».

— На Янушке, — Поликарп Ефимович вжал голову в плечи, понимая, что со своим враньем выглядит сушим дураком и может за это быть бит.

— Так Янушка в обратной стороне, ты никак заблудился, дядя? — с деланым участием спросил сутулый.

— Никак, — странным образом ответил Поликарп Ефимович и зачем-то поинтересовался: — А вы кто?

— Мы, знамо дело, строители коммунизма, — усмехнулся сутулый. — Нам деньги на дело нужны. Кошель есть?

— Есть! — быстро закивал головой Поликарп Ефимович. — Я Кошель! А вы откуда меня знаете?

— Строители коммунизма всё знают! — сутулый поглядел на толстого и покрутил пальцем у виска: — Боря, похоже, дядя того.

— Его проблемы, — пожал плечами толстый Боря и рявкнул: — Деньги давай, гнида!

Поликарп Ефимович как-то незаметно для себя отдал незнакомцам свой большой дерматиновый кошелек и остатки водки в поллитровке. Позже он внушал себе, что кошелек просто потерял и даже порывался идти его искать на Путьца. Но так и не пошел. А тогда он в полупрострации, глядя в землю, стоял перед грабителями и тихо напевал:

*Если вновь тучи надвинутся грозные,
Выйдут Тимуры, ребята и взрослые,
Каждый готов до победы идти,
Гайдар шагает впереди.
Гайдар шагает впереди...*

— Ну точно свихнулся, — сутулый постучал себя согнутым пальцем по лбу и, хлопнув Поликарпа Ефимовича по плечу, scomандовал: — Иди домой, дядя. Как следующий раз деньги получишь, приходи, помогай нам строить коммунизм.

Домой Поликарп Ефимович добрался через час — замерзший и совершенно трезвый. Жене сказал, что на работе ему на голову упала двухсоткилограммовая чугунная болванка, он впал в беспамятство и потерял где-то кошелек с зарпла-

той. Супруга оглядела его голову и с подозрительностью в голосе заметила, что следы ушиба полностью отсутствуют. На что Поликарп Ефимович глубокомысленно заявил:

— Нас, Кошелей, так просто не возьмешь, и бомбой пытались, а мы всё одно Берлин взяли!

Через месяц Поликарп Ефимович прочитал в газете «Гудок», что в районе Завокзалья обезврежена банда паровозников, которую возглавлял некто Боря Жирный. И что все злоумышленники получили по заслугам. Поликарп Ефимович вырезал заметку и повесил на внутренней стороне дверки своего шкафчика в раздевалке...

* * *

По субботам и воскресеньям на вечерний сеанс в клуб железнодорожников имени Ленина собиралась вся шпана Завокзалья. В городе их называли «паровозники». Они занимали в кинозале последний ряд, на опрокинутый предыдущий ряд ставили ноги и ни в чём себе не отказывали — курили, лузгали семечки и громогласно гоготали. И не было на них никакой управы. Местный участковый из хохлов с подозрительной фамилией Брагин в этом деле помощником быть не мог. По вечерам в субботу он парился в бане у своего товарища Йоси Михельсона. А в воскресенье, постанывая, сидел до вечера на своем дворе с мокрым полотенцем на лбу...

В это время в ж/д клубе дым стоял коромыслом. Главный заводила местной шпаны, огромный, как круглая печка-голландка, мужчина по прозвищу Боря Худой, прямо в темноте зала раздавал соседям подзатыльники. Подвыпивший Кабан звучно бил щелбаны самому высоченному, как каланча, сутулому Пансе... В зале к тому времени оставались лишь самые стойкие зрители — как правило, подростки младшего и среднего школьного возраста.

После сеанса веселье продолжалось на улице. Озорная компания кровавила друг другу лица, а если попадался кто-то чужой да еще крепкий телом, то и ему обязательным порядком тщательно шлифовали вывеску...

Любили парни за бутылочкой да мужским разговором сиживать в железнодорожной столовой, но там разгуляться им не позволялось. Чуть что, работники столовой вызывали наряд из линейного отдела милиции, и везли тогда бузотеров в местное КПЗ.

Иногда в ж/д клубе случались вечера отдыха с песнями и танцами. Для этой цели приглашались ВИА, а на привокзальных улицах развешивали оповещающие афи-

ши. Сценарий происходящего всегда был схожий. Поэтому старшие из шпаны Завокзалья к предстоящему событию готовились загодя. В прилегающих к клубу кустах и на крыше соседнего с ним производственного здания локомотивного депо раскладывались кучки камней, палки и прутья арматуры, инструктировались подростки, разминали кулаки старшаки. В самый день веселья в ж/д клуб стекалась группами молодежь. Группы эти сверлили друг друга тяжелыми взглядами. Перешептывались меж собой любятовские, стучали друг друга по плечам, показывали пальцами на самых крепких из паровозников. Парни из Кирпичей или Лънухи злобно зыркали на всех из дальних углов зала.

Начинались танцы, и попервости всё было чинно и благородно. Дамы приглашали кавалеров, кавалеры дам. Музыканты ВИА гремели гитарами и гнули стойки микрофонов. Потом где-то в глубине зала происходил конфликт, быстро перераставший в мордобой — как правило, между паровозниками и любятовскими. Начиналась свара, которая выкатывалась на улицу. Сидевшие допрежь в засаде любятовские подносили своим палки и арматуру. Молодняк из паровозников делал то же. Причем самая мелкотня обкидывала чужаков камнями из кустов и с крыши депо. Драка кипела нешуточная, кое-кто с поврежденными конечностями уже постанывал в стороне, а иные так и вовсе бесчувственно лежали на земле. Наконец, приезжали наряды милиции и под вой сирен разгоняли побоище...

На другой день у входа в ж/д столовую с перевязанной бинтом головой стоял здоровяк Кабан и раздавал словесные благодарности проходящим мимо подросткам, давеча участвовавшим в сражении...

Бывали у шпаны Завокзалья и более серьезные дела. Чистили в темных переулках карманы мужикам, грабили магазины. Однажды в газете прошло объявление, что в районе Завокзалья задержана банда Бори Жирного. На самом деле, речь шла о Боре Худом, но журналист, как видно, не разобрался и обозвал атамана паровозников соответственно его комплекции...

Время проехалось тяжелым катком по шпане Завокзалья. Кто-то сгинул в тюрьмах и лагерях, кто-то сложил голову в потасовках и разборках, кто-то умер от туберкулеза или цирроза печени, а кто-то и вовсе повесился от тоски... А и чего еще ожидать от блатной романтики?..

НЕСЧАСТНАЯ ВАРВАРА

Полетел молодец ясным соколом, —
а Горе за ним белым кречетом;
молodeц полетел сизым голубем,
а Горе за ним серым ястребом.
Из книги «Повесть о Горе и Злосчастии...»

Варвара жила у нас в Завокзалье. Где — сейчас уже не припомню. Как и ее лица. Помню лишь темные неприбранные волосы, космами разметанные по сторонам. Вечно опущенный в землю взгляд. Мешковатое нелепое платье, затертый до дыр плюшевый жакет. Где она работала и на что жила, сказать теперь не могу. Но жила бедно. В магазин ходила раз в три дня. Домой несла в обычной для тех лет сплетённой из суровых нитей авоське буханку хлеба, макароны, пакет с крупой... Иногда за ней увязывались дети и со смехом кидали в нее шарики репейника. Она не обращала на это внимание и неделями ходила с этими колочими «наградами» на жакете.

Взрослые говорили, что она такая от несчастной любви, что жених ее погиб на войне. Кто-то утверждал, что она совершила великий грех и теперь мучается совестью. Кто-то, напротив — что она, дескать, праведница, несущая за всех безбожников крест.

Она ни у кого ничего не просила, ни на что не жаловалась, просто жила, стараясь как можно реже попадаться людям на глаза. Особенно, наверное, детям, проявлявшим жестокосердие к беспомощным существам. Были ли в ее жизни счастливые минутки? Не знаю. А вот несчастливые — наверняка. Как-то прошел слух, что дальние родственники, у которых имела она приют, лишили ее угла и отправили восвояси: дескать, зачем нам бесполезная приживалка? Варвара нашла пристанище в каком-то заброшенном сараюшке не то в переулке Путьцев, не то на Малой Паровозной. И на какое-то время исчезла. Не видели ее ни понуро бредущей по улице Железнодорожной, ни в продмаге, ни у паровозного депо, где изредка кормила она голубей. Про нее уж стали забывать, когда вдруг прогремело на все Завокзалье: Варвара легла на рельсы под товарняк.

Отмучилась! Местные «паровозные» бабки с сожалением качали головами и мелко крестились. А наш сосед моряк-фронтовик дядя Жора выпил за помин ее души бутылку Солнцедара. Мы же, ребятня, бегали на место трагедии и, замирая от ужаса, смотрели на клочки окровавленной одежды и подсыхающие лужи крови...

Кончались шестидесятые, и до объявленного Хрущевым коммунизма оставалось чуть более двадцати лет...

На этом эту историю можно было бы завершить. Да, была несчастна, страдала, но... не смогла понести возложенный на нее крест, наложила на себя руки и попала из мучений земных в мучения вечные. Таков наш человеческий суд. Но есть суд Божий и суд человеческий. Вспоминается мне прочитанный в книге о старце Паисии Святогорце такой вот рассказ:

«Я слышал, — говорит старец, — историю об одной девочке, которая жила в деревне и ходила пасти козочку. Она привязывала козочку на лугу, а сама играла неподалёку. Однажды, когда она заигралась, коза отвязалась и убежала. Девочка стала ее искать, но не нашла, и вернулась домой без козы. Её отец страшно разгневался, избил её и выгнал из дома. «Иди ищи козу! — сказал он. — Если ты её не найдёшь, то лучше тебе повеситься». Несчастливая девочка пошла искать козу. Наступила ночь, а она ещё не возвратилась домой. Родители забеспокоились, пошли её искать и нашли висевшей на дереве. Она сделала на верёвке, к которой была привязана коза, петлю и повесилась. Несчастливая девочка имела любочестие и поняла слова отца буквально. Её похоронили за кладбищенской оградой.

Конечно, Церковь поступила правильно, похоронив ее за церковной оградой. Церковь сделала это для того, чтобы притормозить тех, кто накладывает на себя руки из-за пустяков. Но и Христос поступит правильно, если возьмёт эту девочку в Рай».

Воистину, милосердие Божие безгранично! Но и «смерть грешника люта». А самоубийство — самый страшный грех!

ЧЕМ НАМ ГОРДИТЬСЯ?

Подвиг остается подвигом, даже если его некому воспеть.

Джон Р.Р. Толкиен

Я ходил в атаки, кричал «ура», врывался в немецкие окопы, брал языков, ложился грудью на амбразуру вражеского дота и погибал за Родину. Был верен боевым товарищам и хранил военную тайну. Я был вооружен: отец вырезал из доски винтовку, обжег ее на огне, чтобы она приобрела благородный боевой цвет, и вручил мне. А если в бою вдруг кончались патроны, я бил врага гранатами и деревянным ножом. Когда я, пробираясь к немецкому штабу, полз по огороду среди огуречных грядок, сосед моряк-балтиец дядя Жора подбадривал из-за забора:

— Бей фашистского гада! Не жалеЙ! Штыком его!

Иногда, будучи особенно под хмельком, он порывался прыгнуть через забор мне на помощь. И прыгнул бы, если бы не протез, да широченные матросские клеши, которые попадая в плен к репейнику, держали его на месте...

Дядя Жора был далеко не единственным соседом-фронтвиком. В конце шестидесятых у нас в Завокзалье едва ли не в каждом дворе звучало эхо войны. В выходные и праздники то со двора Сидихиных, то Моисеевых, то Лаптевых доносились:

*На позиции девушка провожала бойца,
Темной ночью простилися на ступеньках крыльца...*

Это пели фронтовики. А на дворе дяди Жоры вовсю плескались волны, бывалый моряк затягивал свои морские песни:

*Рыщут штормы на просторе,
Блещет молния вдали,
Мы ведем в седое море
Боевые корабли...*

Солдаты-победители пели и вспоминали былые сражения. А мы, мальчишки, продолжая их победы, играли в войну.

Игры мальчишек более всего прочего характеризуют эпоху, показывают образ времени, его суть. В годы моего детства мы в играх стояли насмерть под Москвой и Сталинградом, освобождали Варшаву и брали Берлин. Нас не надо было учить побеждать, мы родились под гром победного салюта. Сегодняшние мальчишки плывут по волнам интернета, играют в стрелялки и стратегии, и Бог весть, что у них на уме. К каким сражениям они готовятся? И готовятся ли вообще?

Я помню двадцатипятилетие Победы. Идут дорогами Завокзалья фронтовики. С улицы 1-й Полевой, с переулков Путьейца и Машиниста выходят на Паровозную, движутся в сторону вокзала. На них старенькие пиджачки, поношенные военные френчи, а на некоторых, как и на дяде Жоре, флотские бушлаты. И у всех на груди золото Победы — фронтовые медали и ордена. Идут фронтовики...

Если не гордиться победами, то чем тогда гордиться? Если не равняться на подвиги, то на что равняться?

9 апреля дядя Жора, проходя мимо нашего дома, кричал мне:

— Сынок, поздравляю с днем победы, мы взяли Кенигсберг!

А на другой день опять:

— С днем победы! Одесса наша, фашист бежит.

И мое мальчишеское сердце заходило от счастья: как хорошо в стране Советской жить! А дядя Жора уже грустил. После стакана портвейна он вспоминал погибших товарищей. Затягивал:

*О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?
Гармонь твоя стонет и плачет,
И ленты повисли, как траурный флаг...
Скажи нам, что всё это значит?*

Я через тайный лаз в заборе пробирался к нему во двор, подходил совсем близко, просил:

— Дядя Жора, расскажи, как вы топили фашистский миноносец.

Моряк без проволочек тут же начинал:

— Дело было в 1942-м...

Сегодня замолчали дворы Завокзалья, никто не поет там песен. Сегодня вообще нигде не поют, народ как будто разучился петь. Молчат дворы, молчат улицы, молчат кварталы... Перед какой бурей это затишье? И если вдруг грянет, найдем ли силы, чтобы достойно ее встретить?

Эх, есть у меня мечта! Мечтаю, чтобы мои дети и внуки прошли дорогами моего детства, вдохнули воздух тех лет, попробовали фруктовое мороженое в бумажном стаканчике за 7 копеек и эскимо за 11. Услышали песни фронтовиков, увидели их парадный ход в День Победы. И после всего поняли бы и поверили, что мы действительно жили в эпоху грандиозных событий и великих имен, что нам было, с кого брать пример. И научились бы, как и мы, гордиться нашей Великой страной и нашими Великими Победами.

МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ..

Учиться надо всю жизнь, до последнего дыхания!

Сюнь-цзы

Не знаю, сколько классов окончил наш сосед дядя Жора, но рассказчиком он был замечательным. Военные байки, истории о морских походах и сражениях в его исполнении были куда лучше любого телевизора, вешающего скучным голосом Балашова про битвы за урожай, надои молока и партийные съезды. Иное дело наш сосед — и рассказом заворочит, и песней душу согреет:

*Бьются в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...*

В нашей тесной домашней печурке огонь тоже не переводился. И не только потому, что я был ответственным лицом за тепло в доме. Огонь мне был глубоко симпатичен. Я читал книги, сидя у горящей печи, глядя на пляшущие языки пламени, предавался мечтам, строил планы на будущее. И еще в открытую дверку топки можно было прекрасно пускать дым, покуривая папироски. Что и делали частенько мы с моим другом Женей, воображая себя где-то на Юконе в Доусон Сити.

— Кто тебя так учил курить, чечако? — спрашивал я его

— Сам ты чечако, — огрызнулся он, выпуская дымовые кольца, — тебе и до Чилкута не дойти...

— До Чилкута нет, а вот на физру в школу пора, мы уже дважды ее пропускали. Анна Григорьевна не простит...

Но школа не была к нам излишне строга, хотя, до известной степени, конечно — бывало, вызывали родителей, неоднократно прогоняли в парикмахерскую (был такой период обостренной борьбы за внешний вид), отчитывали за прогулы...

Учился я с первого по десятый класс в средней школе №18, которую окончил с восемью пятерками в аттестате. В основном со всеми предметами был в ладах. Особенно любил литературу, историю, математику, физику и биологию. Отношения к школьным дисциплинам во многом зависели от отношений с учителями, и здесь всё складывалось от лично. За редким исключением, коим стала учительница по химии. Однажды на ее уроке кто-то пошалил, что-то поджог, взорвал, напустил дыма... Я к этому отношения не имел, но учительница почему-то решила иначе, она зашлась криком именно в мой адрес и даже приложила указкой к моей голове.

— Родителей в школу! — кричала она.

Фиг ей, а не родителей! С той поры я стал игнорировать этот предмет: всё равно за любой, даже самый отличный ответ она ставила мне тройки, а то и двойки. Наша классная приходила просить за меня, когда химичка вдруг решила вывести мне двойку за четверть. Ведь по остальным предметам у меня были отличные отметки... Отношения с химией нормализовались лишь в институте, но это произошло спустя годы...

В шестом классе я понял, что всё домашнее собрание книг перечитал дважды, и записался в Железнодорожную библиотеку. Располагалась она на первом этаже клуба Железнодорожников в дальнем углу восточного бокового фасада. Приключения и фантастика, как пользующиеся особенным спросом, выдавались по записи, зато зарубежная классика всегда была в свободном доступе. Я встал в очередь на Вальтера Скотта, Хаггарда, Сабатини, Жюль Верна, а пока суд да дело, взял «Приключения Оливера Твиста» Дикенса. Неожиданно увлекся и прочитал запоем, вернулся в библиотеку и схватил «Рождественские повести» и «Тяжелые времена», потом — «Большие надежды». А далее (в ту пору я уже был записан еще в две городские библиотеки) наш дом в Паровозном переулке посещали самые неожиданные гости: Сомерсет Моэм, Стендаль, Виктор Гюго, Уильям Теккерей, Оноре де Бальзак, Джон Голсуорси, Арчибалд Кронин; а далее еще пуше — Ремарк, Фицджеральд, Хемингуэй; приходили один за другим, днем и ночью. Мама едва не переселила меня в сени, где горящий ночью свет никому не мешал. Так что я рос в отличной компании...

Иногда приключения из книг перемещались в наш тесный дворик, и мне удавалось применить в обыденной жизни почерпнутые из книг знания. Однажды дед Митя обнаружил в нашем сарае, где двери никогда не запирались по причине полного отсутствия ценных вещей, предмет, которого там быть не могло: приличного вида фибровый чемодан. Про теракты мы тогда ничего не слышали, потому и открыли чемодан без боязни. Свитер, две-три мужские рубашки, бритвенный прибор, блокнот и какие-то мелочи, которые обязательно затешутся во всякую компанию путешествующих. Я попросил взрослых дать мне немного времени для того, чтобы применить методы дедукции, о которых знал по приключениям отца Брауна и Шерлока Холмса. Через пятнадцать минут я уже всё знал о преступлении: что владельцем чемодана был немолодой состоятельный мужчина, путешествующий в одиночку, и его носильную кладь украли на железнодорожном вокзале, унесли с места преступления, обыскали, забрали всё ценное и оставили в первом попавшемся укромном месте...

— Поглядим, чему ты научился в книгах, сдадим находку в милицию, а потом спросим, что выяснилось? — с сомнением сказал дед Митя и пошел за участковым Брагиным.

Однако проверить мои догадки так и не удалось. Я еще был слишком юн, чтобы задавать сотруднику милиции такие вопросы, а дед слишком стар, потому, вероятно, спросить у участкового о происшествии просто забыл.

СВЕРЧКИ И СТРЕКОЗЫ, КАК ЧАСИКИ, ТИКАЛИ

Я немного нервничал, когда приземлился в СССР. Я думал, что, возможно, увижу задрипанную страну... а увидел страну ста национальностей, живущих вместе в гармонии.

Мохаммед Али, американский боксёр

Мягкий майский вечер. Неподалёку, словно соревнуясь, гудят паровозы. Мы с Женей сидим в кустах малины, куруем «Шахтерские» папиросы, которые днем купили в павильоне у автовокзала. Самые дешёвые — за пачку заплатили 7 копеек.

— Лучше бы... «Север»... взяли... — по слову выкашливает вместе с дымом Женя.

— Лучше бы... — давлюсь ядовитым дымом и я. — Но так на кино сэкономили.

Из соседнего огорода сквозь штaketник протискивается бесстыдно огромный кот Проха. Двигается плавно и важно, словно серый тигр. Снисходительно окидывает нас взглядом, идет мимо. Он самый уважаемый кот в округе. Авторитет! Бывает, вокруг него прямо в нашем дворе собираются полтора-два десятка котов. Сидят кругом, иногда молча, иногда урчат и шипят, как маневровые паровозы. А Проха всегда в центре...

— Знаешь, как он мышей ловит? — спрашиваю я Женю.

Тот пожимает плечами.

— Застынет и смотрит на стену. Потом резко с места прыгает прямо на обои и вместе с ключьями бумаги вытаскивает, нет, вырывает наружу серого засранца.

Женя смеется.

— Не веришь? — вскипаю я. — У деда Мити спроси. Давеча на его половине сидели, ели щи. И тут... — Я подыскиваю нужные слова, не нахожу. — В общем, Проха всё и совершает.

— Да верю. — Женя топит папиросный окурочок в сочащейся болотной влагой земле. — Хотя дед твой тот еще вредитель.

— Не понял! — заступаюсь я за деда Митю.

— Да всё ты понял! — Женя с деланным вниманием смотрит в лицо советскому шахтеру, застывшему на папиросной пачке с отбойником на плече. Искоса поглядывает на меня, улыбается. — Сверчка кто извел?

Я тоже растягиваю губы в улыбке и предлагаю:

— Помянем пионерским салютом?

Мы оба встаем, поднимаем до уровня лба согнутые в локте руки. Стоим так секунд десять-пятнадцать... За эти

мгновения в моей голове стремительно проносятся вся история так никогда никем и не увиденного сверчка...

Он несколько лет жил у нас в коридоре и по вечерам громко тикал, как старинный деков будильник. Почему-то это сильно раздражало взрослых.

— Надо его найти и прогнать, — жаловалась мама отцу, — жить не дает.

Искали, отодвигали стол, скамейки, перемещали с места на место коридорный скарб. Сверчок на время этих мероприятий замолкал, но когда все расходились, опять начинал нагло и бесцеремонно тикать.

Если бы я тогда читал Пастернака, то, быть может, не однажды повторил бы:

— Сверчки и стрекозы, как часики, тикали...

И Бальмонта не читал, иначе возможно и засомневался: а сверчок ли? Потому что:

*А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: «Тик-так. Тик-так»*

Нет, тогда я поэзией еще не увлекался, запоем читал фантастику, приключенческую и классическую литературу. А сверчок себе тикал и тикал: «Тик-так. Тик-так».

— Это бомба под двадцатый век, — загадочно прижимая палец к губам, шептала двоюродная сестра Света.

Я делился этой тайной с другом Женей, мы оба задумчиво молчали и словно пытались заглянуть в закраину двадцатого столетия: «Что-то там будет?»

— Встретимся на Марсе или, по крайней мере, на Луне, — договаривались мы в 1972 году.

А спустя два года сидели в кустах малины и курили папиросы. Сверчка уже с нами не было. Он исчез после того, как дед Митя засыпал коридор дустом...

Между тем, 12 марта 1974 года в атмосферу Марса вошел советский исследовательский аппарат «Марс-6». К сожалению, на завершающем этапе спуска, когда тормозные двигатели должны были полностью остановить аппарат в нескольких метрах от поверхности, связь прервалась, и дальнейшая судьба этого чуда советской техники осталась неизвестной...

А мы с Женей, вволю накурившись, выполняя поручение моей мамы, доделывали грядки под посадку огурцов.

На дворе стоял 1974 год. По берегу Амура были уложены рельсы первого километра восточного участка БАМа. В

Москве состоялась Всесоюзная конференция сторонников мира. Советскими учеными был произведен запуск орбитальной станции «Салют-4», а также введена в строй Усть-Илимская ГЭС.

До конца столетия оставалось еще более четверти века. Нам предстояло пережить несколько больших и малых войн и закат великой страны...

АВТОРИТЕТНЫЙ КОТ ПРОХОР ПЕТРОВИЧ

Есть два убежища от жизненных невзгод:
это музыка и кошки.

Альберт Швейцер

Покой и порядок в нашем доме в Паровозном переулке охраняли, как это и положено, коты. На моей памяти было их четыре. Смутно припоминаю черного мягкого и теплого Пушка. Он вечно дремал у кого-нибудь из домашних под боком, мурлыкал, прищуривал глаза, жмурился. По словам мамы, был он жизнелюб и миролюб. Но при этом домовым грызунам спуска не давал, охотником слыл опытным и суровым. Когда он одряхлел, кто-то из знакомых принес нам серого упругого, как мячик, котенка. Мама назвала его Прохор или по-простому Проха. Это было году в 1969-м. Проха рос энергичным и сильным. С людьми держал дистанцию, т.е. не хамил, но чрезмерных ласок не принимал. Быстро заставил себя оценить по заслугам, поймав, еще будучи котенком, первую мышь.

Вырос он в огромного серого верзилу с черными тигриными полосами. Грызунов он ловил не только в доме, но и в дворовых постройках, на огороде. Крысы в его кошачью бытность вывелись целиком и полностью. В знак особого уважения его стали называть Прохор Петрович. Просто по аналогии: отец у нас Александр Петрович, а лучший в доме охотник — тоже Петрович, только Прохор. Домой он захаживал редко, чтобы отведать маминой стряпни или поохотиться на тех серых проныр, которых еще не успел поймать. Похлебает, бывало, молока из миски, потрется в знак благодарности головой о мамину ногу и прочь на улицу.

Иногда отец, поздно возвращаясь с работы, с улыбкой говаривал:

— Прохор Петрович опять во дворе партсобрание проводит.

И действительно, собирались вокруг него коты со всей округи и мырчали о чем-то своем, сугубо кошачьем, или про-

сто молчали. А председательствовал всегда наш Прохор Петрович. Свое главенствующее положение ему приходилось отчаянно отстаивать и защищать, от того был он, как римский ветеран-легионер, весь в ранах и шрамах. Но, как видно, достойного ему противника в районе Завокзалья до времени не находилось...

В общем, был он серьезным во всех отношениях котом. Но случались с его участием и комичные истории...

В одну из зим, когда стояли небывалые сорокаградусные морозы, весь наш промерзший снаружи и прожаренный печами изнутри дом был разбужен отчаянным криком деда Мити:

— Стой, кто идет! Слезай, стрелять буду!

Перепуганная мама показала пальцем на пололок. А там действительно кто-то ходил то вдоль, то поперек тяжелой поступи, отчего засыпанный для теплоизоляции шлаком чердак шумно трещал.

— Слезай, стрелять буду! — опять прокричал дед.

Бабка Тамара, быстрая на острое слово, тут же съязвила:

— Из чего стрелять-то будешь? Из поганого ружья?

Мужская половина (т.е. дед Митя и мой отец), накинув верхнюю одежду, отправилась проверять чердачный лаз. Приставная к нему лестница отсутствовала.

— И как забрался, супостат? — потрясая топором, воскликнул дед Митя.

Отец, как видно, уже начал что-то понимать. Он молча принес лестницу из сарая, ловко, как бывший десантник, вскарабкался наверх, открыл чердачную дверь... И тут же обнаружила себя морда супостата. Она извинительно ткнулась в руку отца. Затем появилось и всё остальное — серое и полосатое. Прохор Петрович собственной персоной на мгновение застыл на верхней ступеньке лестницы, затем грациозно, как заправский маргеловец, спрыгнул на землю и исчез в темноте. Причина мощной поступи кота тут же прояснилась, оказывается, из-за сильного мороза шлак донельзя промерз и поэтому громко хрустел даже под мягкими кошачьими лапами...

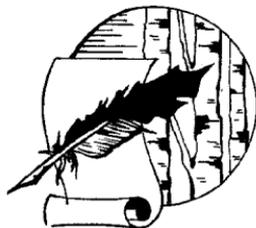
В конце семидесятых кошачий век Прохора Петровича стал клониться к закату. Силы его убывали, а молодых претендентов на кошачий трон становилось всё больше. От шрамов морда его стала бугристой, а уши висели бахромой. Однажды Прохор Петрович исчез. Мама рассказывала, что накануне пропажи он отказался от молока, посмотрел на нее особенно долгим взглядом, хрипло мяукнул и с обычным своим достоинством неспешно скрылся за углом дома. Больше

мы его никогда не видели. Возможно, его великая кошачья гордость не позволила ему проявить перед нами слабость? Он ушел непобежденным, как настоящий кот-воитель, который всегда умирает в одиночестве...

* * *

Нынче Завокзалье постепенно превращается в тихий бюргерский район. Давно снесены бараки, сходят с лица земли деревянные халупы бедняков, зато, как грибы, растут коттеджи и особняки богачей. Раскатан в пыль клуб железнодорожников имени Ленина, локомотивное депо сокращено до скромной мастерской, а в ж/д столовой обосновалась некая непонятная секта. И лишь всё так же прямо и неуклонно тянется к улице Декабристов Паровозная, и разбегаются от нее налево и направо тихие Завокзльные переулки с характерными мастеровыми названиями: Паровозный, Вагонный, Машиниста, Путейца... Жизнь продолжается!

г. Псков

Александр ЛАЙКОВ

Родился в рыбацком селе Икряное на Волге. После окончания литфака Астраханского пединститута работал учителем в сельской школе, был корреспондентом районной газеты «Северо-Каспийская правда». В 1980 году перебрался в Ульяновск. Работал редактором отраслевой газеты «Волжский строитель», заместителем и редактором литературного журнала «Симбирск». Автор поэтических сборников: «Из пепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Публиковался в литературных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Калининграда, Поволжья и Сибири. Стихи вошли в антологию «Ульяновская словесность: начало 21 века». Лауреат поэтической премии им. Николая Благава. Член Союза писателей России. Живёт в Ульяновске.

НА КРУЧЁНОМ ЯРУ

* * *

В моем краю в ярырастают вербы,
А в корни верб — стальные якоря.
В белёных трубах воют злые ветры,
И жизнь хранят сугробы января.

Как ржавый бинт, рывком сорви коросту,
Заройся в снег по локоть и замри! —
Почувствуешь, как маленький отросток
Толкается в ладошку от земли.

Пускай живёт и греется до срока.
Зачем губить зародыш вербы зря?
Его судьба прекрасна и жестока —
Держать корнями в бурю якоря!

* * *

Я с трудом размыкаю капкан немоты,
Не могу докричаться до ровней своих...
А на Красном бугре вырастают кресты
Закадычных друзей — одногодков моих.

Ах, какие все были они пацаны!
Но спились иль погибли в разборке крутой...
Мы — последние дети великой страны.
Это кто там стоит у обрыва с клюкой?

Лейтенанту в походах не жмут сапоги:
Он в боях пол-Кавказа прошёл без дорог
И в Чечне схоронил половину ноги,
Но безногий сапог, как зеницу, берёт...

Я оглох от словесной пальбы и вранья,
От казённых бумаг леденеет висок...
На колхозных полях — караван воронья,
Да седую полынь заметает песок.

На лугах у Икрянки растёт лебеда.
На корявых дорогах — удушливый смог...
И опять я шагаю, видать, не туда.
А куда, если ерик совсем пересох?..

Есть примета, что много грибов не к добру:
Будет много гробов и семейных утрат.
... Это кто там стоит на кручёном яру —
Мой двойник, лейтенант или маленький брат?..

* * *

Анатолию Чеснокову

Я в прошлом столетии печь затопил —
Завыла чугунная вьюшка!
Дымком потянуло до самых стропил,
И брагой заполнилась кружка.

А угли с шипеньем стреляли к ногам,
Как брызги ядерной вишневки!
И, босый, молился с похмелья снегам
Кудрявый поэт из Теньковки.

Замерзнешь, дружище! Ступай-ка ты в дом,
Согрей свою душу и тело...
Опять по России раздор и содом,
И тьма бесняят налетела.

Но рано нам мерить терновый венок,
Обжегшись о холодность мира:
За нами — Россия! Языков и Блок,
И Пушкина звонкая лира!

Подкинем поленьев, чтоб дым к небесам,
Чтоб в стужу запели капли!
А утром поклонимся древним местам,
Где вечнозелёные ели.

А самая старшая память хранит
О встрече друзей достоверно.
...Истлеют дискетки и рухнет гранит,
Одно только Слово — бессмертно!

Ты слышишь, дружище, певучую речь?
Не все еще песни допеты!
Кудрявый потомок затопит нам печь,
Чтоб в круг собирались поэты!

ИСТОКИ

Исток мой — устье Волги,
Созвездие протоков,
Моряна — ветер волглый
Да горький полынок.

Курганы рыжей масти,
Глухие камыши...
От Дмитрия да Насти
Добро и свет души!

Икрянка, как Непрядва,
В туманах до бровей...
Прабабушкина правда
Расхристанных церквей.

Всхлип филина ночами
Над полем страшных сеч,

Будёновских тачанок
С кар-гтавинкою речь!

Да врытые навечно
Над Волгой и окрест
И обелиска свечка,
И православный крест!

Мне предков с Куликова
Не уронить бы честь.
От Дмитрия Донского
Во мне кровинка есть!

* * *

От рожденья до вечности
Только Родины свет!
Вновь за окнами плещется
Волга в сизый рассвет.

И туман над осокою
Вяжет млечный узор...
Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!

Там под шиферной крышею
Распевает скворец.
Под раскидистой вишнею
Вяжет снасти отец.

Там у мостика с яликом
Рай для жёлтых утят,
Пахнет морем и яблоком,
И золою утрат.

Там под сливой на лавочке
Я девчат целовал!
Мама, милая мамочка,
Ставь скорей самовар.

Мы нащёлкаем чурочек,
Чтобы круче был чай,
Прибауткою-шуточкой
Всю разгоним печаль.

По обычаю веником
Подметём у ворот.
Над Икрянкою-ериком
Красно солнце замрёт.

И, подковами цокая,
Конь взлетит на бугор!
...Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!

ПРИМЕТА

Когда под моряной пружинили ветки,
И волны качали изменчивый мир,
Я бросил на стрежень три звонких монетки,
Чтоб снова вернуться к реке Бахтемир.

Чтоб снова увидеть морские разливы,
По берегу детства пройтись босиком...
Услышать, как в сумерках падают сливы,
И гуси на Каспий летят косяком.

Чтоб вспомнить друзей закадычных ватагу,
Футбольные страсти и знойную тишь...
Но там, где купал я гнедую конягу,
В протоке шумит шелопутный камыш.

Белёдые чайки похожи на плавки,
Рыбацкие шляпки гребут по волнам.
И вечный трудяга — знакомый мой бакен,
Рисует фарватер гудящим судам.

Я помню: под вётлами дымно и жарко,
Мы смолим бударку с умелым отцом.
...Где вётлы и добрая наша бударка?
Спилили тутник у ворот, за крыльцом...

Под ним мы в обнимку с девчонкой сидели,
Всё было впервые и сложно у нас.
И сердце стучало на самом пределе,
Как севший на мель одинокий баркас.

... Гуляет моряна, и сушатся сетки.
И чалится к пирсу могучий паром.
А я уезжаю. Бросаю монетки...
И белая лебедь мне машет крылом!

* * *

За окошком метель, как молочная пенка,
Накрывает кварталы, дороги и лес.
И луна, как забытая Богом копейка,
Одиноко мерцает в копилке небес.

Ветер ломится в щель задубевшей фрамуги
И скулит, как щенок, потерявший сосок...
Я — февральский, дитя непогоды и вьюги!
Вечный снег налипает свинцом на висок.

Что же делать? Бессмертья не будет — вы бросьте! —
Но останется лунный и солнечный след...
Вот февраль, куржавелый, пожаловал в гости,
Чтоб напомнить, зачем я родился на свет.

Зимородок судьбы, я не рвался в герои,
Рифмой тронул всего лишь с десяток сердец...
А Россию люблю я до капельки крови,
Как в боях до Берлина дошедший отец.

В журавлином строю хватит места солдатам.
Беловежский разлом зарастает травой...
Но смертельную боль от сапёрной лопаты
Чую я поседевшей своей головой.

Будто кони, летят окаянные годы,
Ложь ликует, и рвётся убойно тротил...
И шатается твердь, и волнуются воды,
Третий Ангел над миром уже вострубил!

Перед вечным забвеньем, на краешке века,
Я покаюсь во всех поднебесных грехах...
И Господь изречёт: «Возлюби человека!
Остальное — тщета или пепел и прах».

И, когда я уйду — белый свет не померкнет!-
Крест дубовый мой путь увенчает земной...
Кто я есть и кем был на земле своих предков?
Да пребудет земля эта вечно со мной!

* * *

Я по тебе скучаю,
Как смычок по скерцо.
Паучок печали
Заползает в сердце.

Стали дни тоскливы
И бессонны ночи...
И горчит калиной
Золотая осень.

Больше не услышу:
«Милый мой... Хороший!»
Больше не увижу
Сарафан в горошек,

Очи-ежевички, —
Аж, ползут мурашки! —
Солнечные блики
В озорных кудряшках.

Опадают листья
В ледяную заводь...
Я твои сжёг письма.
А куда деть память?..

* * *

Уже пора задуматься о Боге,
Когда друзья уходят в небеса...
В часы печали, гнева и тревоги,
Я узнаю родные голоса.

Я вспоминаю дружеские встречи
И наше пребыванье на земле!
Симбирск, Свягу и костёр у речки,
Картошку, испечённую в золе...

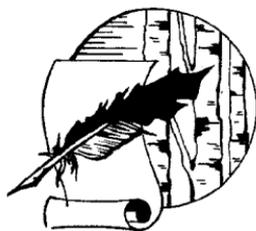
Мозоли первые, застольные аккорды
И «красное» число календаря,
Где паруса, как листья, были стёрты
Холодными штормами ноября.

Судьба сплела в клубок противоречий
Безденежье и злато на крови,
Седой Кавказ и доблестные речи
О Родине, о славе, о любви!

Стучалась стройка в купол небосвода,
А в деревнях всходила лебеда.
Высоцкий пел — кумир всего народа,
И лозунг звал куда-то не туда...

А я в огромном неуютном мире
Хранил очаг и детское «а-гу!»,
Читал стихи в прокуренном трактире
О яблонях на волжском берегу.

Я был, как Маугли, в чужой эпохе,
Как белый лебедь рвался в небеса...
Уже пора задуматься о Боге:
Зовут в свой круг родные голоса.

Дмитрий ХАНИН

Дмитрий Игоревич Ханин родился в 1989 году. Выпускник факультета математики, механики и компьютерных наук Южного федерального университета, воспитанник Ростовского областного литературно-творческого объединения «Дон». Лауреат международной литературной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (Москва, 2012) и премии им. Николая Гумилёва (Крым, 2019). Живет в Ростове-на-Дону.

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕННОСТИ СУДЕБ...

* * *

Я перейду дорогу и овраг
И окажусь у старенькой калитки,
Где первобытной истины — в избытке
И благостен тенистый полумрак,
Где за калиткой — Родина и сад,
Где тишина — под крышею беседки
И солнце чуть качается на ветке,
А ягоды на облаке висят.
Там неба запрокинутая гладь
К деревьям неразрывно приникает
И так друг в друга всё перетекает,
Что трудно мир на вещи разделять.
И трудно даже вычленишь себя
Из вечности природы переменной,
Как будто вдруг становишься Вселенной,
Утрачивая собственное «я».

* * *

Дедушка умер. А в доме светло,
В доме покой — фонарям на потеху.
Будто бы время течёт, как текло,
Дедушка к бабушке просто уехал.

Бабушка с прошлого года в раю —
Нынче сверчки с ней беседуют чутко.
Дедушка скоро там встретит зарю,
Лишь доберётся ближайшей попуткой.

... Тихо в окно упирается взгляд.
Ночь замерла, как вопрос без ответа.
Свечи у гроба бессонно горят,
Схожие с фарами дальнего света.

* * *

Бабушке Зине

Знаешь ли, а голубь всех белей.
Всех румяней — молодость на лицах.
Бабушка, я думаю жениться,
Завтра отпускаем голубей.

Годы то воркуют, то летят,
С небом сокращая расстоянье.
Свято голубиное призванье —
Радовать надеждой чей-то взгляд.

Бабушка, спокойна ль ты теперь?
Бережна и ласкова невеста.
С ней мне было легче, если честно,
Выдержать отчаянье потерь.

Кажется, завязаны узлом
Прошлого и будущего даты:
Помнишь, подобрали мы когда-то
Голубя с поломанным крылом?

Завтра он вернётся, может, к нам
В новом окрыляющем сиянье...
Скажут всем задумывать желанье —
Выси пожелаю голубям.

Бабушка... Трава кругом густа...
Верю безотчётно, что ты рядом,
Что на счастье взмоет над оградой
Голубь с деревянного креста.

* * *

Любе

Не всегда в душе безумство мая,
Но входя, любимая, в твой дом,
Будто обувь мокрую, снимаю
Все свои печали о былом.

Словно зонт, откладываю осень,
Окунаясь в зарево весны,
И дождей тревожные вопросы
Забываю вскоре, точно сны.

Промедленья молодость не хочет —
Наша страсть смеётся и грешит.
Но не жар сбывающейся ночи
Расцветает в комнатах души:

Всё любовь по-мартовски рассудит,
Если мы нашли в ней благодать —
Ощущенье временности судеб,
Как пальто, в прихожей оставлять...

* * *

...Я здесь проездом. К листопаду
Я из вагона не спущусь.
Со мной, как осень, села рядом
Моя полуночная грусть.

И с ней, задумавшись бессонно,
Пляжу в окно на небеса,
Душе в молчании перрона
Слышны из детства голоса.

Абсурд дорогою железной
К вокзалам будничным спешить,
Чтоб иногда бывать проездом
На главных станциях души.

Здесь, возле речки, по-над склоном,
Застыл мой дальний прежний мир.
Здесь только ветер в тишь вагона
Зайдёт, как поздний пассажир.

Как-то всё между прочим: и завтрашний день, и судьба,
И тоска, и коньяк, недопитый с друзьями на ужин.

И тоска, и коньяк —

а попробуй без них продержись.

Да хотя бы и с ними — попробуй нащупай глубины.

Как-то всё между прочим:

и вечность, и правда, и жизнь,

И задумчивость песен, пришедших на ум без причины.

НАВИГАТОР

Сердце подводит итоги,
Вновь беспокойна зима.
В сумерках возле дороги
Годы стоят, как дома.

Путь мой — по карте раскидан:
Мчится за счастьем мотор.
...В зеркало заднего вида
Смотрит усталый шофёр.

Сбился я где-то с маршрута:
Кажется мне наяву,
Будто в стремленье к чему-то
Жизнь автостопом живу;

Будто в поспешном движенье
Пересекаю свой страх
То на попутных сомненьях,
То на проезжих мечтах...

Скользки в морозные даты
Все автострады в судьбе.
Есть ли такой навигатор,
Чтобы добраться к себе?

* * *

Я в ностальгии буднично тону,
Смотрю на мир, живущий по старинке,
И вижу, что отдельные снежинки
Сливаются в большую белизну.

Меняюсь я. А снег, наоборот —
Совсем такой, как в прожитую пору,
Когда огромным чудился мне город
И бабушка, казалось, не умрёт.
Сбиваются в холодный белый ком
Снежинки лет. И ком подходит к горлу.
Судьба уже немало красок стёрла.
Но детство было право кое в чём:
Мне всё повсюду видится живым.
Опять иду, доверив душу ветру,
Как шёл когда-то с бабушкой по свету
За хлебом и за будущим своим.

БРУСЧАТКА

Люблю, отвергнув крик вокзальный,
Забыв о бреднях рядовых,
Блуждать по городу печально
Маршрутом старых мостовых:

Россия в них, как боль, упряма.
И я, пройдя свою черту,
В брусчатку, лёгшую у храма,
Немым булыжником врасту.

А после — может, на рассвете —
Среди сомнений и теней
Прохожий, горбясь, не заметит
Неровность уличных камней...

Позволь, Господь, мне быть негладким,
Но упаси — в часы обид
Стать камнем, поднятым с брусчатки,
Который в Родину летит.

У КАРТИНЫ САВРАСОВА «ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ»

Видно, боги смеяться устали
И не смеют Любви отказать,
В голубую беспечность проталин
Загляну, будто Небу в глаза.

Я боюсь изменений погоды:
Словно память, растают снега —
И сиротское чувство свободы
Снизойдёт на пустые луга.

Точно крестик на раненом теле,
Выручает Надежда опять —
Понимаешь, грачи прилетели,
Не боясь никуда опоздать.

Не боясь оказаться чужими
На своей неуютной земле,
Возвратились домой пилигримы
На поклон престарелой зиме.

И дрожит горизонт на пределе,
Как дрожат на пределе слова:
Если к дому грачи прилетели,
Значит, Родина наша жива...

УЛИЦА БОГА

...А я бы назвал эту улицу — улицей Бога.
Хоть ангелов, даже на Пасху, пока не встречал.
Здесь церковь снесли, а пивная — грешна и убога.
Но первый фонарь от угла — как начало начал.

...И я бы развесил таблички — «Вот улица Бога».
Пусть редким проходим не так будет страшно идти...
Пусть между акаций священной станет дорога
И каждый бредущий почувствует ценность пути...

А если в безумье отвергну наивность прогулок,
То в паре кварталов отсюда куплю себе дом
И жизнь проведу, ощущая, что мой переулок
На улицу Бога выходит последним окном...

РЕАБИЛИТАЦИЯ ИСТОРИИ И НАРОДОВ

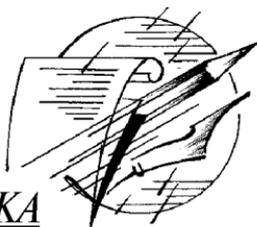
Как ни прискорбно об этом говорить, но наше жизнеустройство базируется на фальшивых и опасных для государства либеральных идеологемах.

Излагаемый ниже материал, я уверен, поможет слову фальсифицированного представления одной, хотя бы отдельно взятой, страницы нашей прошлой истории. Полагая, что в последующем этот слом будет более трудным.

Сфальсифицированная страница истории

Сначала ряд документов. Постановление Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года *«О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»*. Кабинет Министров СССР *п о с т а н о в л я е т*:

Отменить постановления бывшего Государственного комитета обороны СССР и решения Правительства СССР в отношении советских народов, подверг-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

шихся репрессиям и насильственному переселению, согласно прилагаемому перечню».

Отметим, что в «Постановлении...» те драматические события пока именуются как насильственное переселение, но, однозначно, преступные. С уничтожением СССР установился тоталитаризм либеральной идеологии, в которой трактовка событий в корне противоречила идеологеме относительно сущности России. Либерализм постоянно «придумывал» в наш адрес какое-либо клеймо: «тюрьма народов», «империя зла», Россия страшнее лихорадки Эбола и проч. В разное время — разные «афоризмы», но преследуемая цель одна: представить нашу страну, как противоестественную и чуждую мировой «цивилизации».

Естественно, прежняя терминология — «насильственное переселение» категорически противоречила вновь установившейся идеологии. Нужно было придать тем событиям ещё более драматический смысл; даже зловещий, который бы безоговорочно «утверждал» идеологему «империи зла». Так появился термин «депортация». Определение событий как переселение, отныне заменено словом-определением — депортация. В дальнейшем терминология меняется существенно и только в таком виде и употребляется.

Смысл «Постановления...» теперь передаётся в новой интерпретации: *«Верховным Советом СССР в 1989 году депортация крымских татар была осуждена и признана незаконной и преступной»* (здесь и далее в документах выделено мной. — А.К.).

Первый президент Республики Крым Ю. Мешков издаёт указ (11 апреля 1994 года): «О 50-й годовщине депортации из Крыма граждан крымско-татарской национальности и других граждан — армян, болгар, греков и немцев».

Вот преамбула этого указа: *«Исходя из закреплённого в Конституции Республики Крым приоритета прав и свобод человека, осуждая как преступные все акты геноцида, совершённые тоталитарным режимом против граждан крымско-татарской национальности и других граждан — армян, болгар, греков и немцев, признавая необходимость их правовой, социальной и экономической реабилитации, в связи с 50-летием массового незаконного выселения их из Крыма, постановляю...»* и т.д.

Это скорее напоминает вступление к какому-то обвинительному документу, из которого любой читающий вынесет единственную мысль: «тоталитарный режим» без всякого на то основания совершил преступление. Да какое — «геноцид» народов. (Об этом термине будет сказано ниже.) Но поскольку переселение трудно квалифицировать как геноцид, то украинские политики, как говорят «волевым порядком», «переквалифицировали» это определение в депортацию.

В государственном документе Украины в качестве оценки тех событий уже использован вновь подобранный термин: «...парламент Украины в 2015 году признал **депортацию геноцидом крымско-татарского народа** и установил День памяти жертв **геноцида крымско-татарского народа**...»

Этот документ очевиднее других подтверждает, что цель подобных утверждений состоит лишь в том, чтобы усилить негативное представление о России.

А вот последний еще один документ — Указ Президента Российской Федерации (№268 от 21 апреля 2014 г.): «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития».

*«В целях восстановления исторической справедливости, устранения последствий **незаконной депортации с территории Крымской АССР армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и допущенных нарушений их прав постановляю:***

1. Правительству Российской Федерации:

*а) совместно с органами государственной власти Республики Крым и г. Севастополя: принять комплекс мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, **подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам**».*

Как видим, толкование исторических событий уже однозначно: преступные действия прежней власти не подлежат сомнению. Или, как любил раньше говорить Владимир Владимирович, «итоги приватизации пересматривать не будем», хотя все вокруг твердили об их незаконности.

Вначале было слово

Для полноты изложения необходимо дать извлечения из документа, послужившего основанием для всех перечисляемых либералами преступлений.

«Постановление ГКО № 5859-сс от 11 мая 1944 года Москва, Кремль.

О крымских татарах.

В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Ар-

мии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличались своими зверскими расправами по отношению к советским партизанам, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей.

Крымские татары активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями, участвуя в организованных немецкой разведкой так называемых «татарских национальных комитетах», и широко использовались немцами для цели заброски в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов. «Татарские национальные комитеты», в которых главную роль играли белогвардейско-татарские эмигранты, при поддержке крымских татар направляли свою деятельность на преследование и притеснение нетатарского населения Крыма и вели работу по подготовке насильственного отторжения Крыма от Советского Союза при помощи германских вооруженных сил.

Учитывая вышеизложенное, Государственный Комитет Обороны постановляет...»

Краткие комментарии.

Раз уж так безапелляционно утверждается о проведении незаконной депортации и политических репрессиях, то тогда всё, что перечислено в преамбуле государственного документа, является ложью. Это какой же козырь для нашей либеральной публики, чтобы открыть разоблачительный процесс против советского режима! Их, как говорится, мёдом не корми, дай только повод осквернить прошлое время. Ни в 1989 г. на волне своего идеологического возвышения, ни позже при своём тоталитарном утверждении — не решились. Но смотрели далеко вперед.

Они даже не задумались, что если вступает в силу Постановление Верховного Совета СССР об отмене *постановления бывшего Государственного комитета обороны СССР и решения Правительства СССР*, то всё, перечисленное в преамбуле Постановления ГКО, будто и не происходило в истории. Обоснование в нём причин констатировало обоснованность и, в условиях военного времени, юридическую законность действий, предусматриваемых постановлением ГКО. По большому счёту, отменили, то есть аннулировали документ в целом, в том числе и постановляющую часть. Получается чудовищная несуразица: в истории зафиксирован лишь факт произвола властей, который, не принимая во внимание никаких обстоятельств, можно так легко и безответственно ин-

терпретировать: геноцид, депортация, преступление, репрессии, беззаконие и проч.

Однако следует обратить внимание на то, что Государственный Комитет Оборона довольно развёрнуто излагает обоснование своих (последующих) действий. Обычно обосновывающая часть подобных документов, да ещё такого уровня, как ГКО, по возможности, лаконична. Здесь же мы видим, что перечисление «причин» дано в объёме, исключающем всякие сомнения в необоснованности причин предстоящих действий. Такое впечатление, будто составители документа, готовя его, предвидели, что когда-нибудь в будущем найдутся «ревизоры» истории.

Чем же было вызвано столь расширенное обоснование? Понятно, что документ готовился не для широкой публики. Две буквы «с» после номера постановления означают: «совершенно секретно». И смысл доказательств (в таком объёме) заключался в том, чтобы убедить высший комсостав Армии (командующие фронтами, армиями) именно в этих и никаких других причинах. Зачем это нужно было И.В. Сталину — и есть предмет настоящего разбирательства.

Зловещий смысл либеральной терминологии

В начале этой статьи объяснено, почему историческое событие, которое в Постановлении ГКО именуется переселением, в дальнейшем получило название «депортация». То, что это зловещий умысел либерализма, мы убедимся, сравнив факты, изложенные в Постановлении, с действительным осуществлением депортации самим либерализмом.

Английский историк Л.Дейтон в своей книге «Вторая мировая. Ошибки, промахи, потери» (выпущена в РФ в 2000 году, М., «Эксмо-пресс») свидетельствует:

«74 000 граждан враждебных Великобритании государств находились на ее территории — большинство из них бежало от преследований гитлеровцев. Власти поместили всех иностранных граждан в лагеря, где условия содержания были ужасными. В одном заброшенном заводском корпусе (в Уорф-Миллз) на 2000 интернированных имелось всего 18 кранов с водой. Шестьдесят вёдер, выставленных во двор, выполняли роль туалета, а соломенные тюфяки выдавались только больным. В другом таком лагере для интернированных два человека, пережившие нацистский концлагерь, покончили с собой. «Этот лагерь сломал их дух», — подвел итог следователь. Военный совет, ознакомившись с докладом о лагерях для интернированных, запретил его публиковать».

Теперь посмотрим, как происходила депортация в США, в стране, которая устанавливает памятные «монументы» о «депортации» крымских татар в СССР. *«Агенты ФБР и армейские подразделения окружили районы с преобладающим японским населением. 120 тысяч американцев японского происхождения вывезли в десять «переселенческих центров»... / Это были печально известные европейцам концентрационные лагеря. Там за колючей проволокой в тягостной тесноте крытых толем временных бараков японским семьям пришлось провести долгих три года. Ещё хуже обошлись с 23 тысячами японцев в Канаде, которых тоже отправили в концлагеря, отделив мужчин от их семей»* («Новое время», №32, 1987 г.).

Особо отметим, что за всю войну на территорию США ни разу не ступала нога вражеского солдата, а на континентальную часть не упала ни одна бомба! И не было ни одного случая нелояльности американских граждан японского происхождения.

Фактология относительно других стран ничуть не лучше. В книге «Жестокий континент» (автор Кит Лоу) представлена обширная информация о том, что творилось в Европе примерно в это же время. *«В период 1945—1947 гг. 10 миллионов мужчин, женщин и детей были изгнаны из своих стран в ходе жесточайших этнических чисток, которые когда-либо видел мир. Эту тему редко обсуждают сторонники концепции «европейского чуда» и ещё реже понимают. Даже те, кому известно об изгнании немцев, мало знают о подобных депортациях среди других национальных меньшинств по всей Восточной Европе»*.

Многочисленная диаспора немцев, проживавшая в Чехословакии, подверглась «хладнокровному» уничтожению, а тем, кому посчастливилось избежать казни и покинуть чешскую родину, встретили смерть в пути следования. *«...Неподалеку от моравского города Пржерова чешский офицер по имени Карол Пацур остановил поезд со словацкими немцами, чтобы якобы найти в нём эсесовцев. В ту ночь его солдаты расстреляли 71 мужчину, 120 женщин и 74 ребёнка, самым младшим из которых был восьмимесячный младенец»*.

Эти факты читатель может истолковать как не совсем относящиеся к нашей теме: мол, это же немцы, нация фашистов. Да. Но они были гражданами той страны, из которой их изгоняли. Причём, они не держали в руках оружия: 120 женщин и 74 ребёнка. Те же, кто «держали оружие», были депортированы в «Лагерь уничтожения». Один из заключённых польского лагеря в Згоде, немец Понтер Волльни, который *«...имел несчастье побывать и в Освенциме, и в Згоде»*, потом

заявил: *«Лучше провести десять лет в немецком лагере, чем один день в лагере польском».*

Своих коллаборационистов Европа даже не депортировала. Их расстреливали сотнями и тысячами, часто без суда и следствия. Судили не только за пособничество немцам; женщин, например, — просто за связь с ними. В Париже, случилось, проявляли милость: женщин раздевали донага, обмывали дёгтем и прогоняли по улицам (заметим, это не при «тоталитарном» режиме Сталина, а в «цивилизованной» Европе). Жесточайший самосуд свирепствовал во всех странах; его боялись больше, чем обычного суда.

И вновь сопоставление со сталинским «режимом»: массового проявления самосуда в СССР допущено не было; отдельные случаи преследовались строжайше.

Вот теперь можно вполне осознанно воспринимать разительное несоответствие между понятиями переселение и депортация. Были ли подобные зверства по отношению к переселенцам? Нет! И невозможно!

Переселение

Продолжим цитирование отдельных мест Постановления ГКО (в части нас касающейся).

<...>«2. Установить следующий порядок и условия выселения:

а) разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 килограммов на семью.

Остающееся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные земли принимаются местными органами власти; весь продуктивный и молочный скот, а также домашняя птица принимаются Наркоммясомолпромом, вся сельхозпродукция — Наркомзагом СССР, лошади и другой рабочий скот — Наркомземом СССР, племенной скот — Наркомсовхозов СССР.

Приемку скота, зерна, овощей и других видов сельхозпродукции производить с выпиской обменных квитанций на каждый населенный пункт и каждое хозяйство.

Поручить НКВД СССР, Наркомзему, Наркоммясомолпрому, Наркомсовхозов и Наркомзагу СССР к 1 июля с.г. предоставить в СНК СССР предложения о порядке возврата по обменным квитанциям спецпереселенцам принятого от них скота, домашней птицы и сельскохозяйственной продукции;

б) для организации приема от спецпереселенцев оставленного ими в местах выселения имущества, скота, зерна и сель-

хозпродукции командировать на место комиссию СНК СССР в составе: <...>

в) обязать НКПС (т. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. <...>

г) Наркомздраву СССР (т. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и две медсестры с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпереселенцев в пути;

д) Наркомторгу СССР (т. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком.

Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты в количестве согласно приложению № 1».

Приложение №1 к постановлению ГОКО №5859-сс от 11 мая 1944 г.

Ведомость выделения продуктов Наркомторгу СССР для питания спецпереселенцев в пути следования:

Наимен. Колич. Поставщики продуктов в тоннах

1. Муки	900	Наркомзаг
2. Крупы	160	НК Пищепром
3. Мяса	90	НК Мясомолпром
4. Рыбы	90	Наркомрыбпром
5. Жиров	26	НК Пищепром

Примечание. Составлена из расчета суточной нормы на человека: хлеба 500 г, мясо-рыба 70 г, крупы 60 г, жиров 10 г.

Ко всему важно знать, что в то время дисциплина исполнения решений и постановлений в СССР была страшной. Всё, о чём говорится в постановлении, соблюдалось неукоснительно. Если отдельные нарушения и были, то лишь по причине физической невозможности, но никак не злого умысла.

Надо ли говорить, что переселение народов в нашей стране, аморально даже сравнивать с геноцидом народов, осуществлённым в западных странах. Имело ли место подобное отношение к изгоняемым народам в Европе?

Итак, из всего вышеизложенного неотвратимо следует, что истолкование тех событий как депортация и геноцид народа есть грубейшая фальсификация. Но в багаже либералов — ненавистников России — остаются ещё два аргумента: преступление прежнего режима и незаконность действий.

Рассматривая личность И.В. Сталина, взвешенно и непредвзято, я усомнился в том, что причиной «переселения

народов» было желание вождя наказать их за «сотрудничество с врагом», «пособничество врагу» (я взял самые мягкие формулировки). Оценив массу обстоятельств, однозначно приходишь к выводу, что И.В. Сталин руководствовался абсолютно другими причинами геополитического порядка, далёкими от тех, которые утвердились в истории. То, что принято в существующей историографии, к тем событиям имеет третьестепенное отношение.

К этому пониманию меня подвигло поистине историческое событие — возвращение Крыма в состав России и вновь (в связи с этим) будирование темы о «депортации народов». (Тем более, что даже наш президент, касаясь этого вопроса, трактует его с позиций либеральной идеологии.)

Во-первых, термин «депортация» (вместо «переселения») позаимствован либералами из западного лексикона, чтобы придать тем событиям более негативный, даже зловещий смысл, чем тот, который воспринимается при употреблении термина «переселение», которое и имело место в действительности. Об этом в строго документированной форме изложено в книге И.В. Пыхалова «За что Сталин переселял народы?» Это было именно переселение. Да, насильственное и жёсткое, оперативное, но вынужденное и необходимое. И, конечно же, это трагедия, которую либеральная идеология возвела до высот всемирного зла. Тогда как настоящая депортация была осуществлена и в «демократической» Америке, и в Англии, и в Чехословакии, и во Франции, и прочих странах. Люди, пережившие кошмар условий существования в созданных там резервациях, утверждали, что немецкие концлагеря были даже гуманнее.

Работу И.Пыхалова считаю одной из лучших, тем более, что все, приводимые в ней факты подтверждены документами, в отличие от либеральной публицистики, предназначение которой — лишь очернить социалистический строй, а заодно и наше Отечество. Однако даже в самой правдивой книге И.Пыхалова причины переселения указаны однозначно — наказание. Пояснительное наименование книги убеждает: «Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие?» Тем самым Пыхалов уже «предвосхитил» главную тему книги: речь пойдёт о заслуженном наказании.

Да, в какой-то степени, отчасти, можно это считать наказанием, но не это главное. Сталин был величайшим государственным деятелем. В предшествующие годы в борьбе с оппозицией, с так называемой ленинской гвардией, он приложил немало сил и терпения, чтобы добиться мира и спокойствия в государстве (чтобы «наступило успокоение»). Если же пред-

положить, что, принимая решение о переселении народов, он руководствовался только желанием наказать, то государственный Сталин сознательно и целенаправленно действовал против государства и в итоге — против самого себя. Да ещё и военное время!

Если перестать уподобляться американским, западным, либеральным и прочим извращениям истории, то нужно наконец сказать правду: Сталин был величайшим русским государственным и геополитиком. В силу этого он всегда стремился к сохранению «умиротворения» в государстве и поэтому никак не мог пойти на такие меры, которые могли вызвать недовольство огромной массы людей. К тому же - в военное время, и только потому, что ему якобы вздумалось наказать их за пособничество врагу. Это противоестественно. Значит, существовали ещё какие-то чрезвычайные обстоятельства, вынуждавшие государственника и геополитика сделать такой шаг.

Чрезвычайные обстоятельства

В настоящее время историки (как и публицисты) легко и непринуждённо оперируют знаниями о готовящейся США, Англией и сохранившимися армиями вермахта войне против СССР (план «Немыслимое»). Но тогда, в конце войны, о нём, о плане нападения «союзников», знал только И.В. Сталин. Не знали командующие фронтами и армиями, не знал даже Г. Жуков; сомневаюсь, что в полном объёме знал Л. Берия. (Задумайтесь, какое обилие мемуарной литературы наших крупных военачальников было издано в послевоенное время. Но никто из них, даже намёком, не обмолвился о самом угрожающем и трагичном моменте войны.)

Не посвящая в истинные причины своих действий (вспомните, в какой величайшей тайне готовилась Сталинградская битва), Сталин начал осуществлять ряд превентивных мер. Таких чрезвычайных обстоятельств, основных, было два:

а) угроза вступления в войну США и Англии, усилив свою мощь союзом с Германией;

б) наличие огромных масс населения, враждебно настроенных по отношению к государству, что не отвечало требованиям доктрины народной войны.

Понятно, что они, обстоятельства, составляли особую государственную тайну. Для предстоящих агрессоров всё должно было выглядеть так, будто ничего особенного не происходит, и они могут рассчитывать на фактор внезапности, на поддержку огромных масс населения, на пятую колонну.

Более страшным было бы, если бы истинные причины стали известны собственному народу; паника и возможная деморализация накануне очередного вторжения врага могли крайне негативно сказаться на всём ходе военных действий.

Вот этим и объясняется, почему обосновывающая часть Постановления ГКО столь развёрнута, и акцентирует причины переселения именно на негативных фактах поведения крымско-татарского населения, естественно, умалчивая о главной причине.

Но потенциальный враг — США и Англия, — пока ещё наш союзник, только об этом и мечтает: *«Если нам предстоит начать войну с Россией, мы должны быть готовы к тотальной войне, которая затянется на длительное время...»*, и мы будем нуждаться в помощи местного населения.

Что оставалось делать Сталину? У него даже не было времени для проведения жёстких преследований в полном соответствии с требованиями военного времени. Так что строгое разбирательство (какое было в центральной России) неминуемо вылилось бы в акт, равносильный репрессиям. Ко всему, в спешке, могли бы быть допущены ошибки, и всё вместе это грозило бы появлением ещё большего числа враждебно настроенного населения.

Сталину было известно, что сразу же после Курской битвы (проводилась с 5 по 23 июля 1943 г.), Рузвельт и Черчилль обсуждали (3 августа) вопросы войны против СССР: *«...как обратиться против Советского Союза мощью ещё сильной Германии»*. Они понимали, что уже ни при каких условиях Германии не удастся сломить СССР, если не ввязаться в войну самим. И «союзники» конец сорок третьего и начало 1944 г. посвящают решению проблемы войны против СССР: *«...вернуть против России всю мощь ещё не побеждённой Германии»*.

К этому времени И.В. Сталин располагал достаточным объёмом информации, исключавшей всякие сомнения в истинных намерениях «союзников». «Подозрительный» Сталин хорошо помнил об «Атлантической хартии» (принятой в августе 1941 г.). В закрытой части которой (уже тогда) были сформулированы конечные цели войны: все страны, обесилённые войной, будут разоружены, и только США с Англией *«останутся вооружёнными»*, чтобы иметь возможность установить новый мировой порядок.

Информация стекалась из Швейцарии, Испании, Швеции, Турции, Ватикана, из самой Америки. Отсюда донесения откровенно угрожающие: Управление стратегических служб (УСС) разрабатывает (по поручению Рузвельта) секретный меморандум №121 (конец 1943 г.), который, по сути, являлся детализацией «Атлантической хартии».

Сталин в колоссальном напряжении; он готовит страну к возможному вступлению в войну Англии и США. У него нет времени на затыжное разбирательство с такими массами народа. Главная проблема для него в то время — надвигающиеся события. Отсюда и решения, которые были единственно возможными.

Таким образом, оценивая «...*всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов*», имеем ли мы право (хотя бы даже моральное) так безапелляционно утверждать, насколько были законными или «незаконными» действия властей, как и то, что они были «преступными и репрессивными». Подчёркиваю, в условиях военного времени и надвигающейся опасности, оценить которую можно категориями — жизнь или смерть государства.

В программе «Красный проект» (16.02.2018 г.) при обсуждении личности Л.П. Берии, заслуги которого перед Россией огромны и бесспорны, либеральные участники «дискуссии» (вместе с ведущим) заявили, что его реабилитация невозможна. Причина — исполнитель Постановления ГКО. Прозвучавшее обвинение: он вместо выявления истинно виновных нарушил фундаментальную юридическую формулу о недопустимости «коллективной виновности».

И вновь обратимся к вопросу о *совокупности фактов*. Возможно ли в условиях «грозящей катастрофы», учитывая временной фактор, соблюсти юридические процедуры по отношению к 18% населения?

Допустим, даже если бы всё это в спешке и с ошибками удалось исполнить, то и тогда оставшаяся часть населения, просоветская, испытала бы жестокость фашистской оккупации. Именно поэтому и «подлежали выселению» граждане, за которыми не числилось никакой вины. Характерен текст телеграммы Берии Сталину: «*В частности, к выселению будут привлечены 6-7 тыс. дагестанцев, 3 тыс. осетин из колхозного и совхозного актива районов Дагестана и Северной Осетии, прилегающих к Чечено-Ингушетии, а также сельские активисты из числа русских в тех районах, где имеется русское население*» (17.02.1944 г.).

Условия переселения (в соответствии с Постановлением ГКО) были для всех одинаковы: и для русских, и осетин, и чеченцев... «Постановление ...» было одно. Если исходить из либерального истолкования истории, то геноциду подверглось и русское население. Но о нём «почему-то» забывают, как и о немцах. Об одном из них.

Академик Б.В Раушенбах в числе немцев Поволжья также подверглся переселению. Либеральные публицисты

буквально преследовали его, добиваясь, чтобы он рассказал о «зверствах сталинского режима». Однако Борис Викторович всегда «просвещал» их: это естественно, я немец, СССР находился в состоянии войны с Германией, и во избежание возможных подозрений нас переселили подальше в глубь страны (Раушенбах Б.В. «Постфактум», изд. АГРАФ, М., 2002 г.).

Немцев Поволжья переселяли по другой причине. Регион их проживания буквально наводнили *«тысячи и десятки тысяч шпионов и диверсантов»*, которые легко скрывались среди местного населения, что существенно затрудняло работу НКВД. Советской власти пришлось провести превентивные меры на основании «Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»» (28 августа 1941 г.).

Особого внимания заслуживает один абзац из него, характеризующий весь смысл переселений, в том числе и татар, и чеченцев с ингушами, и других. Подчёркиваю, причины различные, но смысл одинаков. *«В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего местного населения Поволжья.*

Во избежание таких нежелательных явлений и предупреждения серьёзных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья». Далее в тексте указаны места переселения, где немцы будут *«наделены землёй»*, и где им будет *«оказана государственная помощь»*.

Почему-то эти документы выпали из либеральной публицистики. Будем считать, что мы прочли государственные комментарии к западнолиберальным заклинаниям о депортации и репрессиях.

Ко второй половине 1943 г., началу 1944 г., несмотря на «коренной перелом в ходе войны», обстановка изменилась кардинально — в первую очередь, геополитическая. Проблемы необходимо было решать мгновенно, а они — одна важнее другой: избежать всеобщей паники, сохранить боевой дух армии, лишить агрессоров возможности встретиться (скажем дипломатично) несопротивляющееся население и мн. другое.

И что очень важно, повторяю: для предстоящих агрессоров всё должно было выглядеть так, будто ничего особенного не происходит, и они могут рассчитывать на фактор внезапности, на поддержку огромных масс населения, на пятую колонну.

Если бы истинные причины переселения стали известны собственному народу; паника и возможная деморализация накануне очередного вторжения врага могли крайне негативно сказаться на всём ходе военных действий.

Такова истинная история, преданная забвению в угоду либеральной идеологии и ради очернения советского режима и лично И. Сталина.

Под прессом либеральной идеологии

Зная это, становятся вполне объяснимыми многие «непонятные» прежде действия Верховного Главнокомандующего. К примеру, вот это, приведённое в вузовском учебнике, для «воспитания» подрастающего поколения: *«Зачем нужно было войскам НКВД и резервным частям советской армии перевозить сотни тысяч невинных людей в необжитые районы, снимая солдат с фронта, занимая тысячи вагонов и забывая железнодорожные пути, до сих пор остается неясным. Вероятно, здесь присутствовала прихоть вождя, получившего донесения от НКВД об обращениях некоторых представителей национальностей к немецким оккупационным властям с просьбой о предоставлении автономии. Или Сталин рассчитывал одернуть малые народы, чтобы окончательно сломить их стремление к независимости и укрепить свою империю».*

Инсинуаций и явных извращений в оценке тех событий столько, что можно удивляться неужённой страсти обличителей вождя. Вот, к примеру. Евреи «...хотели создать еврейское государство в Крыму «проект Крымской Калифорнии», и татары мешали, как и другие национальности». Или: «Одной из причин депортации называют желание Сталина начать войну с Турцией и присоединить проливы к России, чтобы Черноморский флот имел свободный выход в Средиземное море» (София Хусаинова).

Итак, вполне очевидно, что оценка тех событий сложилась и продолжает существовать на основании извращённого представления о них. Такое состояние не имеет какого-нибудь положительного результата, сколько бы власть ни заискивала перед татарским народом, замалчивая определённую его виновность, и полностью возлагая вину на советский режим и лично И.В. Сталина. Это состояние усугубляется ещё и тем, что такая политика вызывает ответную и естественную реакцию у другой части населения, твёрдо убеждённого в откровенной несправедливости трактовки исторических событий. Кроме того, возникает как естественное состояние человека явление «комплекса вины», а у большин-

ства из них — оно осознаётся как незаслуженно навязываемое обвинение, но уже другого народа — русского.

Процесс фальсификации той страницы истории, кажется, достиг желаемого (либерализмом) результата: ложное истолкование событий приобрело вид неоспоримой истины.

То, что существующее представление о причинах переселения народа полностью сформировано под воздействием либеральной идеологии, доказывается фактами непредвзятой оценки действий властей самими татарами. Вот свидетельство этого.

С. Г. Кара-Мурза в работе «Советская цивилизация от великой Победы до наших дней» даёт хронику того периода, когда сознание татар ещё не было «обработано» либеральной идеологией. *«Кнам ходила портниха — татарка из Крыма. Фамилия Кара-Мурза там известна, мой дед по отцу был из Крыма, и она к моей матери была расположена, с доверием. Когда Крым освободили, она плакала, говорила очень взволнованно. Потом успокоилась, все повторяла: «Слава богу! Слава богу!». Я не очень-то понимал, о чем речь, потом только сопоставил и понял. Портниха боялась за родственников-татар. Думала, что их будут судить за сотрудничество с немцами, а это по законам военного времени была бы верная смерть. Когда стало известно, что лично судить никого не стали, а всех татар выселили из Крыма, она была счастлива. Когда пришло сообщение о гибели моего отца, эта портниха сильно плакала».*

Во второй работе «Советская цивилизация от начала до наших дней» Сергей Георгиевич даёт расширенное объяснение всего произошедшего, но самое познавательное в нём — это осмысленное восприятие татарами действий властей, когда при их оценке исключается фактор влияния либеральной идеологии. *«...Пусть каждый из тех, кто проклинает СССР за «преступную депортацию» народов, представит себя на месте отца или матери чеченской семьи (или татарской. — А.К.), в которой сын воевал в горах на стороне немцев. Вот, немцы отогнаны, и родителей спрашивают, что они предпочитают — чтобы сына судили по «цивилизованным» законам и расстреляли как изменника, воевавшего на стороне противника, или выслали всю семью в Казахстан? Можно заранее ответить, что 100%... ответили бы, что будут счастливы, выбрать депортацию».*

«Мой друг, татарин, провёл этот эксперимент реально — примерно с сотней своих родственников. Когда люди вникали в альтернативу, они выбирали депортацию не только в Казахстан, а и в Туруханский край, и на Чукотку».

Возможно, Сергей Георгиевич даже не догадывался, что с точки зрения нейропсихологии он заставил «респондентов» дать оценку тем событиям, «нейтрализовав» извращённое представление о них, и рассуждать в реалиях здравого смысла.

Есть и у меня друг татарин — Айрат Зарипов. Государственный, каких ещё надо поискать среди русских. Его (если можно так сказать) «узконациональные» чувства всегда на втором плане после общегосударственных интересов. У таких людей словно есть противоядие от воздействия либеральной идеологии. Поэтому его оценка переселения безапелляционная: «избежали наказания». И никакие нагромождения о геноциде его соотечественников не изменят этой оценки.

Мировой либерализм отыскал геноцид народа там, где даже отдалённо, при стократном увеличении, его невозможно обнаружить. Однако откровенный геноцид, у них, в их истории, даже не признают таковым. А каковы масштабы!? Вот доказательство. «...*Вся территория к востоку от Одера и Нейсе... включая старинные немецкие земли — Померанию, Восточный Бранденбург, Нижнюю и Верхнюю Силезию, большую часть Восточной Пруссии... и порт Данциг*» передали Польше. Эти территории, населённые *«исключительно немцами — более 11 миллионов»*, подверглись этнической чистке. Поляки объявили: *«Польша — для поляков»*, и все 11 миллионов были изгнаны из своей родины. Для миллионов «депортируемых» немцев транспорта не нашлось, и их отправили пешком. Но что могли прихватить с собой «беженцы» (так квалифицируют это явление)? Вопрос просто неуместен. Депортация началась. *«Люди погибали от изнеможения...»*, погибали от голода, *«малые дети почти все умерли...»* Вдоль дороги валялись трупы с *«синими лицами, распухшими от процесса разложения»*. Измождённые «беженцы», если позволяли силы, хоронили своих близких, едва присыпав их землёй, так что торчали руки, ноги и даже головы. Я опускаю (изложенные в книге Кита Лоу, «Жестокий континент») свидетельства грабежей, изнасилований, убийств и прочих зверств.

Как я уже сказал, этого явного геноцида, будто и не было. Мировому либерализму необходимо, чтобы такой фантом существовал только в России. И он существует, благодаря либеральному представлению о нашей истории. В этом плане, можно утверждать, наши либералы — составная часть мирового либерализма, и, как видим, успешно действующая.

На чьей стороне в холодной войне?

В вышеназванном указе Ю. Мешкова в обязывающей его части были предусмотрены такие мероприятия: «1. *Отдавая*

дань памяти жертвам депортации, провести в Республике Крым в мае—июне 1994 года траурные мероприятия с участием государственных и общественных организаций.

3. *Утвердить план основных мероприятий по увековечиванию памяти жертв депортации» (приложение № 2).* Понятно, что новоизбранный президент хотел предстать либералом наивысшей масти и таким же ненавистником советской власти, однако оказался элементарным политиканом.

Поясню эту мысль, но сначала два «постулата» для последующего текста.

Первый. Всё то, что может стать причиной разобщения социума, имеет свойство возрождаться и повторяться в умоножающемся числе.

Второй. Форма организации жизни в современной цивилизации базируется на принципах создания и поддержания в тлеющем состоянии конфликтных ситуаций и разного рода распрей, перерастающих в войны между народами и государствами.

Полагаю, подвергать сомнению, тем более, отрицать эти утверждения нет смысла. А это значит, что ненависть к советскому прошлому, так лихо сформулированная Мешковым, может стать (в принципе, уже и является) детонатором более масштабной ненависти.

Основание для этого — все государственные документы, вся либеральная публицистика, учебная литература и проч. Всё исполнено, не считаясь с реальной историей. Грубо говоря, обществу «подсунули» ложную историю. Теперь все, кто заинтересован в муссировании темы жестокости сталинизма и темы «депортации», получают полную свободу действий в организации разного рода «траурных мероприятий». Вот и доказательство этому: *«18 мая 2015 года, в очередную годовщину депортации крымских татар, партия «Яблоко» планирует провести публичные акции по этому поводу в Москве».*

Другая часть общества, несогласная и возмущающаяся надругательством над исторической памятью, наоборот, получает полную несвободу. Попробуйте организовать подобные мероприятия в память партизан и солдат Красной Армии, погибших от рук «пособников врагу», их действия будут объявлены (как минимум) экстремистскими. Вот доказательство: прокуратура Ингушетии нашла, что документальная книга И. Пыхалова способствует «разжиганию национальной розни» и «потребовала» его выдачи. Хотя, повторяю, в книге изложена одна лишь правда и ничего кроме правды.

Власти, упорствующие в непогрешимости собственных представлений о прошлой истории, таким образом, вольно

или невольно становятся поставщиками «хвороста» для разжигания конфликтов и недовольства в обществе.

Такой «прогноз» не фантазия. Почитайте в интернете комментарии к тем событиям, высказываемые той и другой стороной. Идёт самосуд истории, которому никогда не будет конца, и в нём никогда не будет сказана истина. Такое состояние в обществе неотвратно будет использовано либеральной пропагандой в масштабах, выходящих за пределы государства. Вышеназванная акция «Яблока» — именно этого порядка. Неужели кто-нибудь из здравомыслящих людей поверит, что либералов-яблочников действительно волнует прошлая судьба татар? Это очередная возможность обличения России как «империи зла» (под видом осуждения режима) — и только. Это тот момент в тлеющем процессе спекуляций, когда внимание к тем событиям можно «раскрутить» и привлечь к ним большее внимание, чем есть. Такая активность в действиях обычно сопровождается невесть откуда поступающими «грантами», о которых вовлечённая в эти акции «массовка» даже не будет знать.

Надо признать, что каждый акт ведения кампании информационной войны продумывается надёжно и чётко. Поэтому следует ожидать, что «гранты» появятся у каждой из противостоящих сторон. И недовольная часть общества не сможет даже представить, в какой подлой игре её используют. Проблема может приобрести совершенно иной характер, хотя власть (как ей кажется) делает всё, чтобы не допустить «национального недовольства» (для чего и культивируется односторонний взгляд на проблему).

Дело в том, что последующее поколение крымско-татарского народа приобретает одностороннее представление о прошлой истории исключительно с позиции либеральной трактовки. Обратной стороны трагедии оно не знает. Сознание человека (будем иметь в виду, в первую очередь, подрастающее поколение) воспринимает обильный поток однотипной информации, можно сказать, механистически, без какого-либо анализа (как по Фрейдю — эффект бессознательного). Естественно, что его сознание теперь может генерировать лишь либеральные взгляды на проблему, полностью отрицая те, которые противоречат «устойчиво воспринятой» информации. Депортация, геноцид и прочие инсинуации приобретают (в его сознании) форму неопровержимой истины. А поскольку всё это совершено против его народа, да к тому же без всяких причин, то присущие каждому человеку национальные чувства трансформируются в нездоровый, местечковый национализм.

Отныне он (потомок «депортированных») — убеждённый националист (в отрицательном смысле этого понятия); его участие во всевозможных «мероприятиях памяти» становится агрессивным. Такое развитие отношений в обществе в точности соответствует тому периоду в нашей истории, который мы в свое время охарактеризовали так: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». Вот и сейчас либеральная власть бросает грязь в прошлый режим, а она, грязь, в неё же и рикошетит. Но что ещё более опасно, так это то, что, извращая историю советского периода, либеральная власть, в конечном счёте, дискредитирует образ России. Причём, «фундаментально». Тут надо пояснить.

В последние месяцы 2018 г. телевидение рекламировало предстоящий выпуск истории Крыма как самого полного, выверенного и незаменимого источника по изучению региона. В январе 2019 г. монография «История Крыма» (Институт Российской истории Российской Академии наук; изд. «Кучково Поле») вышла. Естественно, интересующая нас тема изложена в отдельном параграфе — «Депортация крымских татар...» Начало текста: сразу же «после освобождения Крыма 8 апреля — 12 мая 1944 г. началась депортация...» И заключительная фраза параграфа: *«Несправедливая и жестокая в отношении целых народов сталинская депортация завязала первый гордиев узел исторической судьбы и крымских татар, и оставленного ими Крыма на долгие в рамках человеческой жизни годы».*

В этом приговоре учёных историков, по моему разумению, не столько история, сколько политология. Использование ими оборота *«гордиев узел»* свидетельствует о том, что они прекрасно осознают серьёзность существующей проблемы, и знают, что гордиев узел развязать нельзя; его можно только разрубить. И если этого не сделать, то он останется завязанным навечно. Но вместо того, чтобы хотя бы его ослабить, учёные его затянули потуже. Теперь этот неприятный исторический факт, сформулированный в самой лживой форме, признан академической наукой.

В идеологической войне Запада против России эта злополучная страница истории становится козырной вдвойне: в либеральном истолковании она принята и властью, и исторической наукой.

В серьёзном исследовании В. Иоффе показано, к чему, в конечном счёте, сводится «деятельность» курируемого Америкой татарского меджлиса: *«При этом крымско-татарскому народу внушается убеждение, что он несправедливо обижен. Такое убеждение неизбежно заставляет народ искать*

врага-обидчика и взять реванш, отобрать у него то, что «по праву принадлежит» обиженному народу. Насколько опасно внушение массам идей национализма и реваншизма, показывает опыт Германии в период господства нацизма. В наши дни в сознание крымских татар национальные лидеры исподволь внедряют убеждение, что врагом является Россия и русские».

Вот так ложное представление о каких-либо исторических событиях может стать эффективным оружием в арсенале холодной войны.

Европейская практика

Английский историк Кит Лоу в книге «Жестокий континент» приводит поучительный пример. В 1990-х гг. журналист Джон Сэк опубликовал не понравившуюся евреям книгу — об их жестокости. «...Она вызвала возмущение в еврейском сообществе, особенно в Америке. Сэк взял интервью у нескольких евреев, которые стали видными фигурами в системе тюремных лагерей Польши после войны и которые признались в том, что немецкие пленные подвергались пыткам. Его книга, сенсационная по стилю, подтверждается документально, а все интервью записаны на плёнку и находились в широком доступе. Тем не менее его агент отказался представлять книгу, и американские издатели, заплатившие ему аванс, запоздало решили всё отменить. Точно так же журнал, который купил право на публикацию книги, снял свою статью за два дня до публикации. Несмотря на то, что он сам еврей, Сэк и в печати, и по телевидению был обвинён в антисемитизме и отрицании холокоста. Подобные дебаты разгорелись вокруг его книги и в Европе, где польский издатель Сэка отменил её публикацию из страха перед дурной славой, равно как и немецкий издатель, уничтоживший шесть тысяч уже напечатанных экземпляров книги. Несмотря на это, основная информация, содержащаяся в книге, неоднократно подтверждена другими, всемирно признанными историками».

Всемирно известные, признанные, авторитетные и прочие историки и учёные были «поставлены на место» десятилетиями раньше. Их за отрицание холокоста и газовых камер объявили «ревизионистами» и в назидание другим примерно наказали. Одни попали в тюрьму, другие отделались крупными штрафами, третьим пришлось скрываться в иных странах.

В «цивилизованной» Европе, как и в «демократической» Америке, широко применяется практика запрета публикаций, которые не соответствуют либеральной идеологии и действует право преследования граждан за их отрицание «чудовищной исторической лжи» (Робер Форрисон).

Напомнил я об этом только потому, чтобы при решении наших внутренних проблем мы смело использовали заграничный опыт, не боясь обвинений в нашей «недемократичности». Тем более, что мы преследуем прямо противоположные цели — восстанавливаем историческую достоверность.

Что предстоит сделать? Уже не раз цитированный К. Лоу не забыл в своей книге и о трагедии крымских татар. Кратко, но, вместе с тем, достаточно, чтобы объективно передать исторический смысл произошедшего: *«В 1944 г. крымские татары были выселены со своих земель. Сталин распорядился расселить их на территории советской Центральной Азии в качестве наказания за сотрудничество с немцами во время войны»*. А ниже по тексту даёт существенное пояснение о возвратившихся в Крым татарах: *«Удивительная черта этих «возвращенцев» состояла в том, что большинство никуда, строго говоря, не «возвращалось»: они родились и выросли в Центральной Азии, отказались от довольно благополучной и безмятежной жизни там, чтобы перебраться на родину, которую они в глаза не видели и где их никто не ждал»*.

К. Лоу подметил, что это — результат воздействия на сознание подрастающего поколения. Примерно так же в течение веков сознание евреев приобретало устойчивое «знание» об их исторической родине (что и послужило обоснованием для организации государства Израиль). И точно так же из поколения в поколение будет передаваться история трагедии крымско-татарского народа. Однако происходить это будет в крайне искажённом виде, обрастая такими мифами и инсинуациями, что неизбежно станет «хворостом» для разжигания конфликтных ситуаций.

К тому, что я говорил выше об использовании таких «настроений» в информационной войне, необходимо осознать, что в настоящее время «политологическая» жизнь развивается под диктовку либеральной идеологии. Кроме её пропагандистской машины, вольно или нет, но оказывается задействованной официальная власть, а также, вышедший из тени и активно подключившийся опасный игрок — Турция. Её уже сложившийся союз с бывшими руководителями крымско-татарского меджлиса (Джемилёвым и Чубаровым) может заметно усилить психологическое воздействие на крымских татар, так как они разыгрывают весьма действенный спектр идеологической войны — «историческая память народа».

Этот спектр становится самым эффективным, поскольку и власть, и так называемая «историческая наука», и общественно-публицистическая мысль — все без всяких огово-

рок признают действия советской власти (ГКО) и лично И.В. Сталина преступными, и что по отношению к крымскому народу был совершён геноцид. А это, в свою очередь, грозит следующими последствиями. Явление, называемое «историческая память народа», вызывает у «пострадавшего» народа стремление каким-то образом запечатлеть это (не говоря уж об идеологической стороне).

Но какова «оборотная сторона» постоянно увеличивающегося числа памятных стел, плит, колонн и прочих символов памяти? Полагаю, никто об этом не задумывался и не задумывается. Однако об этом надо знать и учитывать это при обустройстве общественной жизни государства.

Почему представители одного народа достойны исторической памяти, а других будто и не было в истории. А если и были, то в качестве участников «депортации». Так, во всяком случае, воспринимается смысловое содержание символа памяти. Почему одни должны быть увековечены, а другие преданы забвению. Для справедливости — рядом должен быть установлен такой же символ исторической памяти: красноармейцам, погибшим от рук карателей, крымским партизанам, выданным предателями немцам и т.д. Но представляю, как на эту «самодеятельность» отреагирует либеральная власть и как возмутятся те же татары. Я понимаю их возмущение, но тогда должны понять и моё: ведь подспудно, глядя на символы исторической памяти, **карателями** представлены мои соотечественники, осуществлявшие **переселение**.

И каково будет психологическое состояние человека, немного знающего историю? Но если человек слепо и бездумно воспринимает агитационное предназначение памятника, то ничего, кроме ненависти к советскому прошлому, к прошлой истории, а заодно и к Отечеству, у него не появится. С годами этот вопрос не ослабевает, а наоборот, может достичь опасных для общества масштабов. Такое состояние подобно вечному двигателю, работу которого можно прекратить, только остановив его физически. То есть — надо иметь политическую волю и не бояться применять, мягко говоря, непопулярные действия.

Это понятно всем здраво рассуждающим людям (либеральное сообщество не в счёт). Но возможно ли и как этого достичь? На первую часть вопроса ответил Кит Лоу. После войны ненависть между Германией и Польшей «казалась необратимой». *«Поляки ненавидели народ, который опустошил их страну, убил миллион её граждан... Немцы в ответ тягело вспоминали... изнасилования и убийства миллионов своих сограждан, разграбление своих домов и хозяйств в Помера-*

нии, Силезии и Восточной Пруссии, а также лишение огромных территорий, переданных международным сообществом Польше». Как видим, причин для ненависти больше чем достаточно. Однако обе стороны в результате мучительных согласований того, как освещать прошлую историю в каждой из стран, сумели договориться. В результате, как пишет Лоу, *«В настоящее время немцы и поляки в целом считают друг друга дружественными народами»*.

Но чтобы достичь этого, нужно, во-первых, «поступиться принципами», затем осознать архиважность принимаемых решений, кардинально меняющих парадигму жизнеустройства (в подобных случаях говорят: предстоит начать жизнь «с чистого листа»). Готовы ли мы к этому? Дальше нужны будут реальные действия на основе решений, принятых особой согласительной комиссией. Ключевые из них — следующие.

Запретить употребление таких терминов, как геноцид, преступление, депортация, «репрессированные народы» и прочее из аналогичного смысла.

Декларацию Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года признать ошибочной, так как абсолютно недопустимо документ военного времени оценивать с позиций настоящего времени, считая его основой для совершения «незаконной депортации и политических репрессий».

Постановление ГКО № 5859-сс от 11 мая 1944 года считать историческим документом.

Исключить всякую возможность разного рода публикаций, искажающих реальную действительность и преследующих цель посеять нездоровые настроения в обществе. Эта тема должна стать предметом «научной» (т.е. нелиберальной) истории, а не составляющим элементом пропагандистских мероприятий. В настоящее время полемика по этой теме приобрела смысл состязания, кто придумает (о тех событиях) более ужасающую «правду» или самые отвратительные «свидетельства».

Особо внимательным образом отслеживать пользователей соцсетей, «выступления» которых (с обеих сторон) носят откровенно хамский и оскорбительный характер, провоцируя друг друга на ответную реакцию. В результате к идеологическим проблемам добавляется «бытовое» противостояние и, кажется, непримиримое.

Всё это относится к категории так называемых волевых решений, которые станут возможными, если согласительная комиссия предложит общественности правдивые представления о прошлой трагедии. Ведь, по большому счёту, ответ-

ственность за произошедшие катаклизмы в жизни наших отдельных народов, прежде всего, лежит на США и Англии. Это их политика вынудила И.В. Сталина к проведению таких мер, которые только и были возможны в тех условиях. И второе: пора прекратить бесконечно повторять шаблоны о вине И.В. Сталина, нужно всё-таки набраться смелости (и совести) и внятно произнести: народы сами дали повод к такому повороту в истории.

Вот свидетельство самих немцев: *«Принимая во внимание враждебную настроенность крымских татар к Советам и помощь, которую они оказывали немецким войскам, как в военной, так и в хозяйственной области... оказывать этому народу предпочтение... Не следует держать в тайне очевидное... а, наоборот, нужно объявить это как акцию особого признания их заслуг...»* (письмо начальника руководящей группы экономических инспекторов от 22.05.1942 г. о привилегированном обращении с татарами при выделении им земли).

Процесс этот (если, конечно, он состоится) может затянуться на неопределённое время. Взрослое поколение с трудом будет воспринимать то, что утвердилось в его сознании как достоверность. Однако есть категория граждан, в интересах которых предлагаемые меры должны быть осуществлены, не дожидаясь решения центральных властей: старшее поколение должно озаботиться детской психикой — стоит ли её травмировать, с детства загружая сознание «историей», не имеющей ничего общего с реальной действительностью?

Сейчас неизбежен процесс реорганизации школьного образования. И так же неизбежно встанет вопрос об освещении некоторых проблемных тем в школьных учебниках истории. Уже сложилась ситуация, позволяющая положить начало прекращению (подспудно существующего) взаимного недоверия между русским и крымско-татарским народами. Нужно разрубить этот «гордиев узел» двух исторических «достоверностей», каждая из которых существует как непреложная правда. Но если эти пресловутые «две правды» оставить в учебниках в неизменном виде, то червь отчуждения сохранится, несмотря на внешнее благорасположение. И может стать ещё хуже: русские ребята (а в общем — русская часть населения) окажутся психологически униженными, поскольку вся вина будет приписана русским. А сейчас тенденция такова, что из чувства одностороннего «покаяния» именно так и трактуется история и таким образом навязывается очередная её фальсификация.

ПИСЬМО В ГОЛОВНОЙ ОФИС

РАССКАЗ

Егору не спалось. Лёжа на диване, он щёлкал пультом от телевизора, перескакивая с канала на канал. Задержался на новостях:

— Украинская армия открыла огонь по территории донецкого аэропорта... Горловку обстреливают из реактивных систем залпового огня... Работают миномёты и самоходные артиллерийские установки... Среди мирного населения по меньшей мере пять погибших...

На экране мелькали кадры военных действий. В какой-то момент камера выхватила крупным планом нечто бесформенное, искромсанное, жуткое — то, что ещё совсем недавно было живым человеком.

— Международные санкции... Европейский союз призывает Россию... — продолжал вещать диктор с экрана.

— С-суки!

Егор выключил телевизор, отбросил пульт в сторону и, резко встав, вышел во двор. Он присел на крыльцо. Закурил. Дачный посёлок безмятежно спал. Лишь со стороны железнодорожной станции изредка,

ПРОЗА

нарушая полночную тишину, доносились гудки тепловозов, вагонный лязг и дробный перестук колёс. Егор немного успокоился.

Весь этот ужас, творившийся в последнее время на Украине, он переживал страшно. У него, человека, родившегося и выросшего в Советском Союзе, в голове не укладывалось, что такое возможно. Один же народ!

— Да как так-то?! — просматривая очередной выпуск новостей, восклицал он, обращаясь к жене. — Ведь в одной стране росли! Ну ладно — малолетки. Им мозги двадцать лет промывали, пока мы дипломатию разводили. А эти-то?! — тыкал он в холёные рожи военных и чиновников на экране. — Эти-то! Они же ровесники наши. В одной армии со мной служили! Пионерами были когда-то, тимуровцами, блин! В Артек ездили! «Взвейтесь кострами» пели. Как так-то?!

Егор со многими своими знакомыми с незалежной разрулся. Да и здесь, среди земляков, не все понимали, чего он так сердце рвёт. Кто-то сочувствовал людям, в такой замес попавшим, а кто-то и отмахивался: своих, мол, проблем хватает. О других ещё переживать! Егор потихоньку от жены перечислял деньги через интернет на разные счета поддержки ополченцев. Вместе с дружкой армейским, Николаем, — тот в Обществе ветеранов боевых действий состоял — гуманитарку собирали, лекарства, бинты — всё, что ТАМ пригодиться могло. Николай со своими ребятами потом через границу окольными путями переправляли груз на Донбасс. Он после армии на сверхсрочную остался, в горячих точках побывал — так что связи остались, друзья. Пригодилось теперь.

Егор чем мог помогал Николаю: лекарствами, расходкой медицинской... Отгружал ему со склада фирмы с минимальной наценкой. Всё дешевле, чем в аптеке. В прошлый раз долго армейские «жгуты-закрутки» искали, кровоостанавливающие. Вещь в боевых условиях крайне необходимая! Не дай бог руку оторвёт. Одной-то с обычным жгутом не управиться.

Егор — крепкий, пятидесяти без малого лет мужик. Умный. Цепкий. Хозяйственный. Про таких говорят: своего не упустит. Последние несколько лет работал в солидной иностранной фармацевтической компании — директором филиала. Большая удача по нынешним временам. В городишке их заштатном с работой не ахти. А о такой зарплате, как у него, — только мечтать. Да соцпакет ещё! Плюс пару раз в году поездки за границу — на слёты, на семинары — за счёт фирмы.

За это время он собрал толковую команду. Дело организовал так, что всё работало как часы. Долю свою на рынке крепко держали. Конкурентов сильных давно вытеснили. Осталась так... мелочёвка разная. Надо же и другим жить давать. Словом, филиал на хорошем счету был. Начальство, опять же, над душой не висит — головной офис в Москве. А у Егора свой собственный «офис» — на даче. Нет, было, конечно, и в городе помещение. Там у него бухгалтер да офис-менеджер на хозяйстве сидели. Заезжал он туда только планёрку провести. Соберёт торгпредов своих утром, взбодрит как следует — и в «поля», то бишь по аптекам да по больницам отправит: план продаж выполнять. Сам тем временем — на дачу. Вечером опять своих соберёт, отчёт выслушает: кому надо — выволочку устроит, кого надо — похвалит.

Так бы оно всё и шло, да недавно руководство в московском офисе поменялось. Новая метла — она известно чего... Новоиспечённый начальник ему сразу не приглянулся: резкий, несдержанный, в выражениях не стесняется. Виду Егор, конечно, не подавал, когда тот со своими помощниками с инспекциями навевывался. Да и повода для недовольства у начальства вроде не было — в делах филиала полный порядок. Гостей московских принимал в своём «офисе» дачном. Как положено. Чин чинарём. Настойками да наливками собственного изготовления потчевал, баньку топил. С директором даже на «ты» перешли. Тот, оценивая угоды Егора, подвал с винными бочками, добротный дом, снисходительно посмеивался и куркулем вроде как в шутку называл.

В общем, начальство столичное всякий раз довольное оставалось. Казалось бы, живи да радуйся... Но Егора с души воротило от всех этих дел холуйских. А тут ещё слух прошёл среди своих: вроде как аттестацию для ТОПов проводить будут, тестирование какое-то. «Пацан я им, что ли?!» — скрипел зубами Егор. И ведь не уйдёшь! Где ещё такую работу найти? Ни дать ни взять — золотая клетка. Одно радовало, что далеко отцы-командиры.

Но год от году всё больше Егор душой маялся. Всё чаще себя спрашивал: а зачем? Зачем ему это всё? На что жизнь уходит? На «купи-продай»? Дела хотелось. Настоящего! Эх! Хорошо бы своё что-нибудь замутить — ни от кого не зависеть. А что? Жилка предпринимательская у него есть. Он за свою жизнь и торговым агентом поработал, и ипэшником довелось побывать, и филиал региональный, опять же, с нуля открывал. Опыта завались.

Видел он тут как-то сюжет по ящику про мужика одного — тот осетровую ферму открыл. В гараже! Через год окупилась. Егор тогда загорелся. А что мешает? Поначалу, конечно, вложиться надо: оборудование, малька запустить...

Загореться-то загорелся, да боязно с наезженной колеи соскакивать. Ведь увольняться придётся. Совмещать не получится. С мальками этими — как с детьми малыми — ни днём ни ночью покоя не будет. А не дай бог, свет отключат зимой! Сибирь всё-таки! Без обогрева враз передохнут. Да и денег сейчас свободных нет: полгода назад дочери квартиру купил. А тут — людей на работу брать: хоть одного сторожа, а надо. Короче, с какого боку ни зайди — накладно выходит. Нет! Не ко времени. Может, потом когда...

Так что душу Егор по-прежнему отводил на рыбалке да на даче.

Дача ему досталась от отца. Мать у Егора давно умерла, а отца в прошлом году схоронил. И остался он один. Ну как один? По паспорту — человек семейный: и жена, и дочь имеются. Да уж так получалось, что лишь по паспорту.

С женой у них давно не ладилось. По молодости, как поженились, так первый год с колен её не спускал, точно маленькую нянчал. Егор — мужик только с виду суровый. А Галина... Та и в молодости не больно ласковая была, а с годами всё больше отдаляться стала. И вроде всё хорошо. И в доме достаток. И за Егором она, как за каменной стеной, — за всю жизнь ни дня не работала. Да только никак смириться не могла, что живут они в своём захолустье, и никуда отсюда муж уезжать не собирается. Хотя сколько раз его на повышение в Москву звали. Так нет! Упёрся — и всё. Родина у него тут, понимаешь ли. Рыбалка, дача... «Да будь она проклята, эта дача! — плевалась Галина. — Всю жизнь в навозе копать?» Не о такой она жизни мечтала, когда замуж выходила за молодого да перспективного. Поначалу думала — пережмёт. Перекроит на свой лад. Воспитает... Куда там! Егор каждую свободную минуту — то в огород, то на речку с удочками. Какая Москва? «Лапоть деревенский!» — чуть не плакала Галина.

А в последнее время — совсем беда: скандал за скандалом на ровном месте, по поводу и без. А уж если Егор к ней с лаской какой... Тут уж... Жену аж передёргивало!

И потому всё чаще и чаще стал Егор оставаться ночевать на даче. А нынешним летом и вовсе туда перебрался. Насовсем. Жена не возражала. Егору даже показалось — обрадовалась. По выходным приезжала — с грядок домой собрать ре-

диски, зелени, того-сего. При этом была оживлённой, разговорчивой — не то, что раньше. Однако же ночевать не оставалась, на городскую квартиру уезжала. Мышей, мол, летучих боится, спать не может. Те и впрямь шебуршали на чердаке так, что будь здоров. Егор молчал. Догадывался, что у жены кто-то появился. Поначалу от одной этой мысли стervenел. А потом вдруг заметил, что когда Галина уезжает, оно будто легче на душе становится.

И если с отношением жены он почти смирился, то вот дочка... Изболелся сердцем, извёлся. Хоть и не родной она ему была — Егор с Галиной поженились, когда Иришке едва годик исполнился, — а принял её как родную.

Так случилось, что общих детей у них с Галиной не было. Жена не хотела. Всё страдала, что денег мало. Дай бог одну поднять. Куда уж больше в наше-то время? Нищету плодить! Вот на ноги встанем, квартиру купим, машину — тогда... Время шло. Егор ждал. А потом у жены проблемы со здоровьем начались. Тут и вспомнилось ему: мать рассказывала, как нагадала ей цыганка в молодости: «Не видать тебе внуков».

Дочь подрастала. И начал Егор замечать, что сторонится она его. Стесняется, что ли? А уж когда в возраст вошла и вовсе стала нос воротить. Разве что «деревней» не называла, как мать. Егор роду крестьянского, к земле его всегда тянуло. И городок свой невзрачный любил, даже от перевода в Москву отказался. Не лежала душа в сутолоке жить. Тут-то — на вольном воздухе, на природе... А речка! А рыбалка! Куда он без неё? Так и остался в родном городе. Этого, видать, ни дочь, ни жена простить не смогли. Ирина после поступления в столичный институт нос в родительский дом не казала. Егор только переводы успевал делать, чтоб доча ни в чём не нуждалась. На деньги, что копил не один год, купил ей квартиру. Студия крохотная, да всё лучше, чем в общежитии. Машину поддержанную взял. Ну и так... по мелочи. Какая уж тут ферма? Осетровая...

Егор часто думал: правильно ли он поступил, что не ушёл от жены? Своих детей не понянчил. А ведь он о сыне мечтал... «Ишь! Спохватился! На пятом десятке!» — обрывал сам себя. Да и любил он жену. Хоть и стерва она, конечно, порядочная. Любил... Однако же, когда лучший друг, Николай, тоже бездетный, признался, что новая секретарша от него забеременела, и вот не знает он теперь как быть: то ли с женой оставаться, то ли к любовнице уйти, — Егор в сердцах рубанул: «Уходи! И думать нечего».

В общем... По всему получалось, что не сложилось у него с семьёй, как мечталось когда-то. Не сложилось.

Егор поёжился. Зябко. В последний раз затянулся, запрокинул голову — в ночном небе беспокойно металась летучие мыши. «Порасплодилось нежити! Пора выкуривать...» Тут пальцы его обожгло. Он затушил окурок о крыльцо. Встал. Глубоко и с наслаждением вдохнул влажный пропитанный за день горечью полыни воздух.

Вернулся в дом. Однако спать не пошёл, а напрямик направился в кладовку. Там, пригнувшись, спустился в подвал — пробу снять, ну и нервишки успокоить. На даче у него был оборудован самый что ни на есть настоящий цех по производству самогона, а также — наливки, коньяка, виски и даже бурбона. Самогонщиком Егор был продвинутым и к обустройству «производства» отнёсся с присущей ему основательностью. Всё у него было по уму: парогенератор, котёл суслотарочный, шлем вискарный и прочие приблуды и навороты, столь необходимые в таком тонком деле. Но это всё на кухне. А в подвале у него — закрома: вдоль стены несколько фляг восемнадцатилитровых; бак из нержавеющей стали — воду для самогона отстаивать; на стеллажах стеклотара разномастная — от чекушек до внушительных четвертей; в углу две небольшие обожжённые дубовые бочки — это для бурбона и виски.

Бочки Егор специально заказывал и обжигал у мастеров, которых долго искал и нашёл аж в соседнем городе. Перевелись мастера-то. Можно, конечно, и щепой обожжённой, как другие, обойтись: накидал в бутылки — и готово дело. Щепа — она и привкус даст нужный и цвет. Но Егор привык действовать обстоятельно. Лёгких путей не искал.

Для изготовления же столь изысканного в наших широтах продукта как бурбон он засаживал кукурузой заброшенный соседский участок. На своём-то огороде каждый метр обихожен — ступить некуда. Бурбон — не виски: требует времени и терпения, чтобы до нужной кондиции довести. Но результат того стоит!

А виски он готовил из ячменного солода. Три месяца — и... можно пробу снимать. Ну а если потерпеть месяцев восемь, так вообще улёт. А какие наливки и настойки делал — на ягоде, орешках да на травах! Ассортиментный ряд был широко представлен на подвальных полках. Здесь же, в подвале, у него имелся дубовый стол и кресло, тоже на заказ изготовленные — всё для комфортной дегустации. Сидишь вот так, любишь всем этим великолепием, смакуешь изделия свои... А уж как он любил собрать застолье, попотчевать гостей. И не пьянки ради, а, как говорится, радости для. Пить ведь оно тоже с умом надо!

Недели три назад Егор перегнал бражку, разбавил до нужной крепости, ягоды засыпал, а сегодня как раз подошло время для дегустации. Это ж только бестолочи сразу пробуют! А она ж, голубушка, настояться должна — в темноте да прохладе. Тогда она, родимая, и заиграет всеми своими красками, вот тогда и запоёт...

Вернувшись на кухню, он услышал, как хлопнула калитка. Выглянул в окно. «О! Костя, сосед...» — обрадовался Егор. Костян характер имел шепутной, заполошный. Вечно с ним истории приключались разные. Да ему всё нипочём — знай похохатывает! С таким не заскучаешь.

— Здорово, сосед! А я думаю: спишь-не спишь? — улыбаясь во весь рот, грузно ввалился в кухню Костян. На кухне сразу стало тесно. — Пробу снимаешь?

— Ты как чуял! Проходи.

Сосед держал в руках что-то длинное, объёмистое, завернутое в газету.

— Так я тоже не с пустыми руками. Вот... — Костя положил свёрток на стол и развернул. — Сам поймал, сам закоптил. Хорош?

На столе красовался огромный судак.

— Хоро-о-ош... — уважительно протянул Егор.

Заядлый рыбак, он ревниво оглядел рыбину:

— На что брал?

— Так, помнишь, ты блёсны делал? На них и брал.

— Однако... — Егор склонился к рыбине, потянул носом. — М-м-м... Ну, проходи. Вовремя ты с закуской-то. Щас побыстрому на стол соберу.

Начали с клюковки.

— Так, говоришь, хорошие блёсны?

— Что ты!

— А я уж подумал каким другим способом изловчился. Кабана такого умучил!

— Это каким таким другим?

— Ну.. мало ли способов? Браконьерских, к примеру — улыбнулся исподлобья Егор.

Сам он это дело не жаловал. Рыбачил из спортивного интереса, а про Костяна знал, что тот позволяет себе.

— О! — тут же оживился Костян. — А ты не слыхал про Мишаню-то?

— Про какого, про Рыжего? Не... А чего такое?

— Да решили они тут с Андриюхой Удальцовым добыть рыбки. Злодейским, правда, способом добыть. Провода припасли, аккумулятор — всё как положено... Перед этим де-

лом, естественно, употребили. Как следует употребили. Так — что ни тятя ни мама. Ну и вот... — Костя подлил себе клюковки. — Андрюха концы в воду закинул, разряд дал, рыбёшка тут же и повсплывала. А следом и он — голубчик. Осётр! Здоровуший! Андрюха рассказывал. Всплыть-то всплыл, а живой! Видать, его только контузило слегка. Мишаня на радостях за ним в воду. Обхватил руками, а тот бьётся! Не удержать. Миха на него тогда верхом сел, между ног зажал. А он же колючий, зараза! Впился ему шипами своими в голые ляжки. Ну, Мишаня и закричи Андрюхе: поддай... поддай, дескать, — чтобы добить значит...

— Ну-ну! — подгонял Егор рассказчика.

— Ну, тот и поддал... Оба и всплыли.

— Твою ж дивизию... — замер со стаканом в руке Егор. — Насмерть?!

— Да нет, слава богу. Аккумулятор у них слабенький был. А Мишаня-то лось здоровый. Ему, чтоб загнуться, знаешь сколько надо? В больничке шас: сердце всё ж таки прихватило слегка. Да Андрюха и сам чуть кони со страху не двинул! Думал, каюк Мишане-то. Как пить дать посадят. Мало того, что браконьерничал, — ещё и друга порешил.

— Вот клоуны... — хмыкнул Егор. — Это ж надо!

— Так это ж ещё не всё! Ты дальше слушай... — заколыхался от смеха Костян. — Там же ещё бобёр под раздачу попал.

— В смысле... бобёр? Ты шутишь, что ли?

— Да какие там шутки?! Андрюха в воду-то полез, Мишку схватил, тащит его, причитает...А тут, аккурат из-под Михи, бобёр всплывает кверху пузом. Здоровый! Андрюха говорит, килограмм тридцать. Лапки на груди сложил и смотрит на него застывшими глазами. Печа-а-льно так смотрит... укоризненно. Что ж ты, дескать, наделал? Нехороший ты человек!

— Да ладно! Откуда там бобру-то было взяться?

— Да кто ж его знает... Залётный какой-то. Анекдот, короче!

— А всё почему? Потому что пить надо меньше. — Егор подлил Костяну клюковки.

— Эт-точно! — поднял стакан Костя. — За здоровый образ жизни!

— И за бобра! Чтоб ему на том свете...

— Не... — Костян пригубил. — Оклемался он. Пока Андрюха Миху из воды тащил, бобёр руки в ноги, ну... или что там у него — и погрёб. Только его и видели. — Костя выпил. — Плохая у тебя клюковка, сосед!

— Ты охренел, что ли? — изумился Егор. — Выжрал бутылку — и плохая она ему!

— Да я к тому, что заканчивается быстро, — захохотал Костян.

— Намек понял... — тут же отошёл Егор. — Я сейчас... у меня как раз... — И, пошатываясь, отправился в закрома.

— А ты, сосед, смотрю, вроде как не в духе сегодня? — подрезая огурцы, поинтересовался Костя, когда Егор вернулся с поллитровкой в руке

— Да... Новости тут смотрел. Опять Донбасс показывали. Вот скажи мне, Костя, как такое может быть? Чтоб в наше время, в центре Европы — не в Африке какой! — белым днём по своему народу... по мирным... по бабам с детишками из «градов»? Это как? А общественность наша? Мировая. Молчит, зараза! Не вякает даже никто. И ведь свои же по своим! Тихий Дон какой-то!

— И не говори! — подхватил Костян. — Ты, Егорша, знаешь, я ведь с Черниговщины. Бабка у меня там, тётки с дядьями — полдервни родни. Так я к ним прошлым летом ездил — проведать. Это как раз после Крыма было. Проведать, значит, ну и по хозяйству, конечно, помочь. Ну вот... Иду я по деревне своей родимой, а навстречу мне Гришка Сопля! Одноклассник. Проходит мимо — морда тяпкой, не здороваются. Я ему: привет, Гришаня! Не признал, что ли? А тот — прикинь! — свысока так: я, говорит, с оккупантами не здороваюсь. Нет! Ты слышал? Я — оккупант! Вот же гнида золотушная! Да какой же, говорю, Гришаня, я к свиньям собачьим, оккупант?! Я здесь, в деревне этой, родился и вырос. Мы с тобой, гадёныш, за одной партией сидели. Забыл?.. Не, Егор, я тебе отвечаю, еле сдержался... Чуток головёнку ему не открытил, самостийнику хренову. Слушай, их там, может, опыляют чем? А? Он ведь не один такой. Ну не может же быть, чтобы у них у всех враз ни с того ни с сего крыша потекла? Одномоментно.

— Да в том-то и беда, Костян, что не одномоментно. Давно это у них там колобродило... Прохлопали мы это дело — вот и получили. Пока сопля жевали, у них там по улицам дивизия «Галичина» маршировала. Песком трясли. Недобитки! А теперь, видал, сколько их? И какие?! Молодые, мордатые, страшные... Такие и шкуру с тебя спустят, и в землю закопают, и живьем сожгут — не дрогнут.

— Да...

Помолчали.

— Знаешь, Егор, — помрачнел Костя, — я ведь после Одессы, ну... когда они людей в Доме профсоюзов живьем сожгли, хотел было махнуть туда...

— Куда — туда?

— На Донбасс.

Егор с удивлением взглянул на соседа. Не ожидал он от Костяна. Весельчак, балагур, выпить не дурак — несерьёзный, короче, человек. Ничего героического. А тут... На Донбасс...

Сам он, признаться, когда вся эта заваруха началась, тоже не раз себя спрашивал: а смог бы он бросить всё — и туда? С женой у него разладилось, дочь уехала, работа достала... И честно себе отвечал: нет. Духу не хватит. Да и не готов — чего уж душой кривить — отказаться от болотца своего тёплого. «Засосало...» — невесело усмехался Егор. А Костян-то? Ты смотри...

— Я как по телику увидал, что там творилось... — продолжал Костя. — Как они битами добивали тех, кто из окон выпрыгивал... А потом ещё в интернете на видео наткнулся: лежат по углам — обугленные, страшные... А уроды эти, фашисты, на камеру снимают и глумятся: колорады, мол... Бабу проводами телефонными задушенную, беременную. Как увидел... Веришь — нет, Егор, сердце зашлось... — У Кости сорвался голос. — Сунулся к Коляну, корешу твоему: помоги! Я же знаю, ты гоняешь туда.

— Ну и?... Отказал?

— Отказал. Ты, говорит, когда стометровку последний раз бегал? В спортивном зале давно был? Куда тебе с пузом-то твоим? Вояка! Там, говорит, молодых да здоровых хватает. Ты ж балласт! Сиди уж...

— Надо же... — удивился Егор, — а он ведь ничего мне не говорил.

— Да об этом разве трепятыя попусту? Вот так, Егорша! Балласт... — Костян с горькой усмешкой мотанул головой.

Егор не знал, что сказать другу. Огорошил тот его своим признанием.

— А давай, брат, споём? — предложил он.

— Давай... Давай споём, братуха. Мою любимую. Запевай...

Егор закрыл глаза и тихонько, с чувством запел:

*Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон разольётся...*

Костян подхватил:

*Там сердце девичье забьётся —
С восторгом чувств — не для меня...*

Мужики пели проникновенно, обнявшись, покачиваясь из стороны в сторону..

*А для меня кусок свинца,
Он в тело белое вопьётся,
И слёзы горькие польются.
Такая жизнь, брат, ждёт меня.*

Допев песню, они минуту-другую сидели молча. Наконец Костян встряхнулся:

— Что-то ты, сосед, того... Совсем, смотрю, загрустил. — Он пододвинул Егору стакан.

— И не говори...

После очередной порции зашёл — это уж как водится — разговор про женщин.

— Вот ты скажи мне, сосед: чего этим бабам надо? Ведь всё ж есть: дом полная чаша, машина, мужик не из последних вроде... — искренне недоумевал Егор.

— Забей, — махнул рукой Костя. — Нам их сроду не понять. Моя вон тоже квартиру взялась делить.

Егор знал, что Костя полгода как развелся. И Анжелку его знал: в одной школе когда-то учились. Стервоза та ещё! Но краси-и-ивая, зараза... Через это, видать, Костян её и терпел столько лет. Развестись-то развелись, а жить продолжали в одной квартире. Как соседи в коммуналке. И ругань — как в коммуналке. То посуду делят, то очередь в ванную устанавливают. Война и немцы, короче.

— Продаёте, что ли? Так у вас же двушка в хрущёвке. Чего вы с неё себе выгадаете?

— Зачем продавать? — Костя подцепил вилкой квашеной капусты. — Так поделили.

— Это как это — так?

— Да вот так! Посидели мы тут с мужиками после работы! Душевно так посидели. Я домой уж под утро притащился чуть живой. Ну и отрубился сразу. До вечера продрых. А крысильда моя тем временем гастарбайтеров с соседней стройки позвала, те мне дверной проём кирпичами-то и заложили. Я теперь, как этот... как его? Узник совести. Во!

— Это как это заложили? — опешил Егор. — А из дома как выбираешься?

— Так через окно! — хохотнул Костян — Этаж-то первый!

Егор представил себе, как тот корячится, выползая на свет божий из окна... Ё-моё! Этаж-то первый, но до земли метра два будет.

— А мне чего? Она измором думает меня взять. Думает, я сдам-ся: уйду из дома на радость ей? Чтоб она нового мужика привела? Ага. Шас! А шишок под носок не желаете? Нет? — Костян скрутил внушительный кукиш. — Ничего-ничего... Питаюсь я в столовке заводской, так что кухня мне без надобности. А чтоб выбираться удобней было — лесенку замастырил.

— А в туалет? Умыться там, постирать?

— По нужде — на стройку к мужикам. А так — к Михалычу, соседу. Помнишь, через стенку от меня живёт? А ему чё? Старому хрену. Он всё равно целыми днями дома сидит. Я и лестницу у него храню. А ему, на нас с Анжелкой глядячи, какое-никакое развлечение на старости лет.

— Капец... — Егор покачал головой.

Он, конечно, Анжелку знал как облупленную. Но это даже для неё чересчур. В очередной раз подивившись бабьему сволочизму, Егор налил «узнику совести». Его, надо сказать, искренне удивляло то, что Костя, при всей крайности своего положения, бодрости духа не терял и относился ко всему этому на удивление легко. Ещё и посмеивался над собой!

— А дачу тоже делить будете?

— Дача — это святое! — вскинулся Костян. — За дачу я, знаешь?.. За дачу я ей такую козью рожу устрою! — Он угрожающе потряс пучком зелёного лука над головой. — Она ж мне от родителей досталась. Я ж в неё всю душу!..

— Так и перебирался бы совсем.

— Не могу, — Костя с досадой покачал головой. — Не могу я ей, брат, такого удовольствия доставить. Ты не думай — я так просто не капитулирую. Не на того напала! Опять же, до работы отсюда, сам знаешь, по пробкам сколько. Не всем же так повезло, как тебе. Сидишь тут — кум королю, сват министру. Да и... — Костя замолчал, пожевал стрелку лука и вдруг тоскливо — так тоскливо! — посмотрел на Егора исподлобья. Как пёс побитый. — Люблю я её... заразу.

Егор опустил глаза.

— Давай, Костян, я тебя своей угощу... Эксклюзив!

Он похлопал его по плечу и неверной походкой направился в кладовку.

...Разошлись далеко за полночь. Как добрался до постели, уже не помнил. Всю ночь Егору снилась Анжелка, которая заколачивала ставни дома, тяжело ухая молотком. Да так громко, словно она не снаружи орудовала, а по самому его темечку шарашила.

Проснулся Егор от пиликанья почты. За окном было ещё темно. Он встал с кровати, пошатываясь подошёл к столу, долго целился мышкой по входящему письму... Щёлкнул:

«Уважаемые сотрудники компании «Beauty and health»!

Руководство компании во главе с президентом сэром Даниелем Уилсоном обращается к вам с призывом помочь голодающим детям Сомали. Как вы все знаете, в результате сильнейшей засухи и непрекращающегося военного конфликта, приведшего к гибели тысяч сомалийцев... Призываем оказать посильную помощь сомалийским беженцам... В трудные минуты...»

— Вот, твари! Детей Сомали они, значит, пожалели!

Егор сел за клавиатуру и, с трудом попадая по кнопкам, напечатал:

«Президенту компании... От всей души сочувствуя голодающим детям Сомали, хочу спросить. А не желаете ли вы, ни разу не уважаемый мною сэр, помочь детям Донбасса? Тем, что по подвалам сидят, а ваши обкуренные друзья долбят по ним из «градов»?! Что же вы, мать вашу, гуманитарную помощь не собираете? Возвания не пишете? Или донецким детишкам голодать не возбраняется?..»

Егор нажал «отправить», дошёл до кровати и рухнул на постель.

Под утро Егор услышал сквозь сон настойчивое дребезжанье. На этот раз его разбудил телефонный звонок.

— Ты чего же это творишь? А? — раздалось в трубке.

Звонил московский шеф.

— А что такое? — удивился Егор.

— Ты там совсем допился? — заорал шеф.

Егор отставил трубку от уха, поморщился:

— Да что случилось-то? Толком объясни!

— Я тебе объясню, хрен моржовый, я тебе объясню... Ты письмо вчера Даниэлычу отправлял?

— Какое письмо? — Егор в недоумении потёр виски.

Последнее, что он помнил из вчерашнего, — это то, как закрывал за Костяном калитку.

— В поддержку детей Донбасса! Миротворец хренов! Ты хоть представляешь, придурок, что я тут по твоей милости выслушал? Думаешь, я за тебя впрягаться буду?

Егор слушал и недоумение его сменялось на лёгкую панику. Клюковка, конечно, вещь забористая, но не до такой же степени! Не мог же он совсем ничего не помнить?

— Это же общая рассылка была! Твой меморандум все филиалы читают. Идиот!

— Да ты что, Иваныч? Ты, может, не понял чего? Может, это ошибка? Спам какой?

— Какой, на хрен, спам! Ты до сих пор там не очухался, что ли? Да я тебя уволю без выходного пособия. Ты у меня в своём захолюстье работы вовек не найдёшь! Лапоть ты деревенский!

А вот это уже был перебор.

— Да пошёл ты... — и Егор вдруг загнул такой крендель с вывертом, что и сам обалдел.

Шеф на другом конце провода на какое-то время замолчал. А затем зло прошипел:

— Пиши заявление!

В трубке раздались короткие гудки.

— Да и хрен с тобой! — Егор отключил телефон...

Он зашёл на кухню. Налил чаю. Размешивая сахар в стакане, смотрел в раскрытое окно и сосредоточенно думал: что дальше? На душе его было муторно.

За окном тем временем рассвело. Остывшая за ночь земля сладко парила. За забором, у соседа, радостно надрывался петух. Жизнь шла своим чередом. И... Егора отпустило. Так покойно ему стало! Так хорошо! Он с удивлением прислушался к себе. Что-то давно забытое просыпалось в нём и волновало. Волновало до щекотки! Как когда-то в молодости... И такую он вдруг уверенность в себе почувствовал. Уверенность в том, что всё ещё будет. Всё сложится!.. Где-то там, далеко-далеко, оставались опостылевшая работа, нелюбящая его жена... Всё оставалось там... Позади. Начинался новый день. Новый день и новая жизнь.

Егор сел за компьютер и набрал в поисковике: «Осетровая ферма. Инструкция по разведению и выращиванию».

ИЗБАЧИХА

РАССКАЗ

В деревню Емельяновскую Маргарита Ивановна Белова решила добираться на попутке: по средам Ромка Красников на своей автолавке подкармливал доживающих свой век стариков. Собрала полную хозяйственную сумку книг и журналов — с трудом подняла. Всё-таки не рассчитала силы: пока несла до крыльца, пальцы рук онемели.

Маргарите Ивановне осталось пять лет до пенсии, но по ней не скажешь — молодуха молодухой! Ясные голубые глаза, каштановые волосы, покрашенные в городской парикмахерской... Она одевалась в светлую, непрактичную для сельской местности одежду. Бабы шептали в спину: «Ишь, как вырядилась!»

Маргарита Ивановна работала заведующей библиотекой в селе Солнцево, на её «окормлении» находилось несколько соседних деревушек, где жителей можно было пересчитать по пальцам.

Могла бы не ездить сегодня в Емельяновскую — всё равно её библиотеку закрывают.

ПРОЗА

«В последний раз...» — подумала про себя, и в сердце загло. Никак она не могла смириться с закрытием библиотеки. Сначала её должность сократили до полставки, потом до четверти. Ходила на работу пять раз в неделю, потом — один. Но дома скучала и почти каждый день торопилась в библиотеку.

Ездил по всем соседним деревням. «Книги с доставкой на дом», — шутила. Библиотечное начальство в городе требовало читателей — вот она и выдавала «норму». И всё равно сокращение дошло до солнцевской библиотеки.

— Сдавай дела до 1 января! — потребовала в начале декабря по телефону из города директор Бухвостова.

В молодости Маргарита Ивановна начинала работать с ней в соседнем селе. А вот поди же, Бухвостова выбилась в руководители всей районной библиотечной сети. Надо уметь дружить с выгодными людьми. Бухвостова умела, Белова — нет.

— Хотела Новый год в селе провести, обещала ветеранам, — ответила тогда директрисе.

— Приказываю тебе сдавать дела! — закричала в трубку Бухвостова.

— Алло! Не слышно, — нашлась что сказать Маргарита Ивановна.

И Новый год провела. Больше-то некому.

Клуб в Солнцево закрыли пару лет назад, школу ещё раньше. Библиотека переехала в бывшее школьное здание, стеллажи с книгами заняли кабинет литературы, так что портреты Толстого, Чехова, Достоевского и других со стен снимать не пришлось.

После новогодних каникул Бухвостова не звонила, словно забыла о существовании непослушного сельского филиала. Маргарита Ивановна боялась проверять, перевели ли на карточку зарплату за январь и февраль. Так и жила на пенсию мужа. Тем временем март засинел небесами, заиграл солнечными бликами на стёклах окон.

...«Газелька» Ромы появилась внезапно, притормозив у бывшей школы. Водитель выпрыгнул из кабины, как футбольный мячик. Таким, наверное, и должен быть предприниматель — круглым, чтобы удобнее было скакать-вертеться, справляя свои предпринимательские дела.

— Затащите сумку? А то подмогну, — Ромка хоть и был ровесником Маргариты Ивановны, но обращался к ней на «вы»: библиотекаря в селе по старинке уважали.

В «газельке» всё было заставлено коробками с продуктами: хлеб, колбаса, яйца, тушенка...

— Ну ещё! Я и в тракторную телегу заберусь! — бодро ответила Маргарита Ивановна, но сумку с книгами Ромка успел подхватить.

— Кирпичи, что ли, у вас там?

— Книги, Роман, одни книги!

На сиденье машины лежали бутылки водки.

— Ох, опять спаиваешь народ! — не удержалась Маргарита Ивановна.

— Без водки невыгодно и ехать, — оправдывался Ромка. — Один убыток от автолавки. На бензин больше потрачусь, чем заработаю.

Лицензии на продажу алкоголя у него, конечно, не имелось. Да и вся эта автолавка была полулегальная. «А библиотека и вовсе, наверное, по бумагам уже не существует», — подумала Маргарита Ивановна, отодвигая бутылки и устраниваясь на потёртом кожаном сиденье.

— Ну, с Богом! — Роман хлопнул дверкой. — Быстро доберёмся! На неделе, говорят, грейдер прошёл.

У Маргариты Ивановны, как только выехали из села, неприятно заныло под сердцем — снова вспомнила о закрытии библиотеки, что могло произойти в любой день. Она жила с этим, как с неизлечимой болезнью. А как расстраивался муж, видя ее мучения! И помочь тоже ничем не мог.

Она втайне надеялась, что протянет до следующего года, когда библиотеке исполнится сто лет. Открыли библиотеку через два года после революции как избу-читальню. Но читать тогда некому было — не умел никто из деревенских. Но этот, как казалось Маргарите Ивановне, «железный аргумент» — столетний юбилей — разбился в том декабрьском разговоре с директрисой.

— А зарплату из своего кармана платить? А здание содержать? — кидала Бухвостова. — Есть вариант: вас оставить, а закрыть детский филиал в городе. Денег нету, сказали же в Москве. Не слышала?

Слышала, слышала. Против детского филиала ничего не ответила. Поджала губы. Но что сказать своим читателям? Что сказать бабушкам, которым некуда сходить, кроме как в библиотеку? Ведь в магазин не пойдешь лишний раз — там как в музее, только глазами есть можно. Денег-то у людей нет.

...За этими раздумьями не заметила, как подъехали к Липовскому угору, где прямо посередине дороги бил ключик. Вот ведь, и зимой течёт, не замерзает.

Дорога обледенела, «Газель» заурчала, но забралась в горку, скользя, как корова на льду. Здесь Маргарита Ивановна оторвалась от созерцания дороги. Какое высокое голубое небо! Такое может быть только весной. Казалось бы, радоваться: перезимовали, впереди солнечная весна, но...

«Хорошо, что папа этого всего не знает», — вспомнила своего отца, Ивана Леонидовича. Он был вторым заведующим избой-читальней. Избачом — так его все называли.

Первого избача, Самсона Игнатова, услали из деревни. На лекции в библиотеке что-то не то сказал про Сталина и Троцкого, или показалось кому-то, что не то... Увезли прямо из библиотеки навсегда. Больше о нём ничего не слышали.

Изба-читальня долгое время оставалась без заведующего. После войны райком назначил отца Маргариты Ивановны на эту немужскую, казалось, работу. Как он сопротивлялся! Мужиков, вернувшихся с войны, направляли учиться на трактористов, а его, здорового, в библиотеку... «Не согласишься, арестуют ещё, как Самсона Игнатова», — чуть не заплакала тогда мама. И Иван Леонидович согласился.

Маргарита Ивановна не могла забыть, как ей доставалось за отца-избача. Мальчишки скатывали комочки глины и фуркали ей в спину. Было больно не от синяков, а от слов: «Избачиха! Избачиха!». Пацаны были уверены, что отец Риты не надаёт подзатыльников: он ведь должен добру учить. Маленькая Рита плакала в камышах у речки, прикорнув на камнях. Свидетелями тех горьких слёз были эти камни да шуршащие камыши, да утешительно лепечущая речная вода... Отцу Рита не решалась рассказать, чтобы не расстраивать: была у него любимицей, и имя, рассказывала мама, он сам придумал — из романа Булгакова, как только тот был напечатан в толстом журнале.

Почему вспомнился этот незаживающий эпизод из счастливого, в общем-то, детства? Вот как раз проезжали эту речку — уже и не речку, а ручей, почти пересыхающий в июльском жару. Лес кругом вырубил, и вода ушла.

Открылась Марьяна веретья — здесь сено косили, а сейчас сосны такой толщины выросли, что из них готовые столбики на заборы можно сделать. Лет тридцать, как здесь никто не косит. Некому.

Вот и Емельяновская. Узкой ленточкой от дому к дому вьётся тропинка — двоим не разойтись. А двое и не встретятся. Осталось семь человек в пяти жилых домах...

День сегодня чудесный — снег и солнце! На высоком крыльце у первой от дороги избы Шурик Долгов ладонью от солнышка прикрывается. Такая деревенская привычка — рассматривать, кто едет. Будто инопланетяне заявили. А кто ещё в Емельяновскую соберётся, разве что лесовоз пронесётся, не останавливаясь.

— Вон, выглядывают уже, черти, ждут нас. — Ромка сбавил скорость.

Самая большая изба в деревне — местный клуб, где сохранилась даже вывеска, только краска на ней выцвела. При этом дверей и окон давно уже нет — местные разбирают остатки советского времени. На крыше совхозной конторы остались одни стропила и обшивка из досок, словно голые рёбра у сухого старика.

По традиции автолавка остановилась у конторы: здесь когда-то бригадир по утрам устраивал развод, председатель назначал собрания. И сейчас народ подтягивался. Выход к автолавке — единственная возможность всем оставшимся жителям собраться вместе, почесать языком, размять престарелые косточки. Засиделись за долгую зиму в избах.

— Здорово живёте! Тушёнку кто заказывал? — кричит Ромка.

— Давай мне десяток!

— Яйца кому? — Ромке главное — быстрее всё продать.

— Что-то шибко мелкое яйцо привёз, — рассматривает Шурик Долгов. Кажется, его длинный нос, заглядывая в автолавку, становится ещё длиннее.

— Бери, чего привёз. Нос ещё воротит. — Ромка явно недоволен разборчивостью покупателей. — Или у Надьки круче яйца поищи.

Все смеются.

Надька — фермерша. Вместе с мужем Иваном держат индюков, которые ходят за хозяевами, как собаки, жрать просят. Ещё в их хозяйстве есть чёрные свиньи, корова, лошадь, козёл Димон да козлуха. Кстати, этот самый Димон у Ромки «газельку» забодал весной. Не на привязи был. Подруга-козлуха куда-то ушла, вот он и боднул от злости дверку и капот. Вмятины оказались сильными.

— За козла ответишь! — закричал тогда Ромка и накидал матов Ивану. — Плати за машину!

А тот не нервничает, потому что — холерик (это он однажды вычитал в каком-то журнале, что «холерик» — человек спокойного нрава, вот и именует с тех пор себя с гордостью холериком. К слову сказать, Надька, жена, переименовала «холерика» в «холеру»).

— Нечем платить. У нас натуральное хозяйство. Если хочешь, забирай козла.

— На кой он мне, душной! — фыркнул Ромка, смачно сплюнув.

С того дня каждый раз фермеры замасливали предпринимателя за помятую «Газель» то свежайшим мясом, то жирной сметанкой.

Пока шла торговля с автолавки, Маргарита Ивановна достала из сумки подшивки журналов «Приусадебное хозяйство» за несколько лет.

— Пригодятся вам полезные советы, как за животиной ходить, — передала Надежде.

— Ой, Рита, где расписаться-то? — Ровесница библиотекарши Надька, в мужской болоньевой куртке с порванным рукавом, забирала журналы в грязноватый пакет.

— Не надо, Надежда, я спишу журналы, старые они. Чего уж теперь...

О закрытии библиотеки все знали: вести разлетались быстро.

— Чиво, закроют всё-таки? Может, в город съездить к главе? Давай я гостинцев соберу, задобрить надо. Яиц индюшатных, может, дать? — Надька засуетилась, была готова бежать собирать гостинцы.

— Не едали они этих яиц! — Супруг её был, как всегда, рассудителен.

— Не надо, Надежда, ничего не собирай. Сказали: либо библиотека в Солнцево закроется, либо детский филиал в городе, — вздохнула Маргарита Ивановна, снова едва сдерживая слёзы.

— Вот говнюки! Всё бы позакрывали, — это Шурик разошёлся. — Их бы самих закрыть, администрацию эту — никто б не заметил. — ...Беленькую привёз? — тут же переключился он на Ромку.

— Как заказывал, так и привёз. Семь поллитровок.

— И куда тебе, роже, столько! — заругалась Надька.

Она сама гнала самогон, и автолавка ей была конкуренцией.

Подтянулся Сергей Павлович. Вот тоже странный человек... На что живёт? Пенсию не заработал, родственники из города тыщонку подбросят на хлеб, остальное на стол насобирает в лесу да на огороде. Выглядит смешно: толстые очки чудом держатся вместо дужек на резинке.

— Сергей Павлович, вам «Петра Первого» привезла, — Маргарита Ивановна доставала из сумки увесистый томик.

— Кого, кого? — удивился Шурик.

— Это роман Толстого, — пояснил Сергей Павлович.

— Роман у нас один — Красников, и никакой он не толстый, — всё не унимался Шурик. Он уже успел открыть бутылку и шумно отхлебнуть из горла. — Кабы не Ромыч, померли бы уж давно.

— Лешак, хоть бы до дому дошёл. Лакает уже на морозе, — заругалась Надька. Она явно была недовольна: Шурик за самогоном к ней сегодня точно не придёт.

— Спасибо, Маргарита Ивановна. Я люблю всё такое читать, — Сергей Павлович улыбнулся библиотекарше. Она уже знала, что он предпочитает историческую литературу, в современной действительности, как говорил, «нет ничего лучшего».

— Вам надолго хватит, — протянула книгу Маргарита Ивановна. — Это подарок напоследок.

— Ой, родная, я быстро читаю, за две ночи одолею, — покачал головой Сергей Павлович.

— Ночью надо другим заниматься, — хихикнул Шурик, его покачивало на ветру: малышку он уже «уговорил».

По тропинке к автолавке брёл Вовка Быков. Каждый раз при виде его Маргарита Ивановна на секунду терялась...

Вовка был её первой любовью. Он единственный из сверстников не называл её «избачихой» — наоборот, защищал. Когда девчонки купались, пацаны скидывали обувь в реку. Вовка всегда доставал из воды первыми Ритины шлёпанцы, а та зачарованно смотрела на его ладную мальчишескую фигуру. Но Вовка оставался, как и все деревенские парни, шпаной, которая и поленницы переворачивала, и солярку сливала у тракторов. Но это не мешало их дружбе. Рита не удивилась, когда он пригласил её на проводы в армию. Только тогда в первый раз и поцеловались: «Шпана ты моя ненаглядная... Пиши мне хоть иногда». В его светлой копне волос она теряла свои тонкие пальчики, мурашки бежали по коже...

Переписка была, но недолгой. Вовку отправили служить далеко на Север, письма шли неделями, а она уехала в Ленинград поступать в институт культуры на библиотечное дело. По стопам отца, избача, пошла. Как и следовало ожидать, Ленинград закружил голову деревенской девчушки. Она и поездов-то никогда раньше не видела, а тут под землёй — метрополитен... Никак не могла разгадать, как эти поезда и вагоны попали так глубоко под землю?

Вовка писал ей длинные письма, она отвечала, но не сразу. Потом и вовсе перестала... Ветер Невы и каналов заставил забыть Вовкины волосы, выдул из головы любовь. А было ли это любовью?.. После армии Вовка в деревню не вернулся, остался на Севере, в Воркуте. Работал в шахте.

Окончив институт, Рита поселилась в Солнцево, вышла замуж за Виктора, молчаливого парня в погонах, стала милицейской женой. Она ощутила на себе, что значит быть «за мужем»: спокойно, надёжно.

А Вовка так и не женился. Спустя лет десять он вернулся в родную деревню. Маргарита Ивановна каждый раз на миг замирала, когда снова издалека видела его крепкую фигуру,

не изменившуюся с годами. В Емельяновской Вовка стал трудиться скотником на ферме с телятами. Конечно, выпивал. Когда совхоз окончательно развалился, несколько телят взял на откорм. Выручил немало денег и стал пить ещё больше, словно заливая свою одинокую судьбу.

Тот день Маргарита Ивановна запомнила в деталях.

Решила зайти к Вовке под предлогом — несла книги почистить. Вступила на порог — темнота, запнулась за пустые бутылки на полу. Со звоном они загремели к печке по покатоному полу. Избой назвать это помещение было трудно: чистый скотный двор. Неперебиваемый запах навоза.

Вот и Вовка. Та же копна волос — нисколько не поседел, только на лбу суровая складка, да по углам рта горькие морщины.

— Пришла... Сама... — сипло протянул он.

Маргарита Ивановна сразу поняла, что он вдребезги пьян. А Вовка ухмыльнулся и захрипел фальшиво:

— В Воркуте долго славно трудился, добывал уголёк из земли, но с тобой, Воркута, я простился, если что там не так — то прости...

И полез с чёрными ручищами к ней... От него страшно пахло. Она выскочила из избы, ударившись головой о дверной косяк так, что заискрилось в глазах. Больше о Вовке Маргарита Ивановна не думала...

— Чай со слоником есть? — спросил подошедший к автолавке Вовка.

— Возьми ещё чего-нибудь. К чаю-то, — предложил Ромка, протягивая упаковку индийского чая.

— Да не, не надо. С таким хорошо.

— О-о! Вован! — Шурик обрадовался соседу-собутельнику. — Подгребай ко мне.

Ромка продавал последние продукты. Маргарита Ивановна залезла в кабину, чтобы согреться и не видеть больше ни Вовку, ни Шурика.

— Ну что, поехали? — Ромка свернул вырученные деньги трубочкой и засунул в решётку обогревателя.

Солнце заволокло ватными тучами, начинал кружиться весенний снег. Снежинки хаотически кружились, то взлетая вверх, то опускаясь, и от этого нелепого, суетливого движения белых хлопьев Маргариту Ивановну охватило уныние и начало клонить в сон... Когда резко начинался дождь или снег, её всегда клонило ко сну. А тут ещё надышалась кислородом...

В дороге её сморило.

И снился сон. Едут по заросшему полю Емельяновской гигантские тракторы, которых она никогда не видела, вырывают молодые сосны так же легко, как она вытаскивает сорняки с грядки. А следом колонной идут другие тракторы с мощными плугами, перепахивают соскучившуюся по работе землю. В самом первом тракторе в кабине за рулём — её отец, он машет Маргарите: «Не грусти, дочь! Видишь, я всё-таки стал трактористом!»

...«Газель» сильно трянуло.

— Соснули, Маргарита Ивановна? Подъезжаем, — улыбнулся Ромка.

Впереди было Солнцево, вот скоро их дом с Виктором.

Муж встречал у открытой калитки, почему-то без шапки. А волосы... Седой как лунь.

«Постарел мой Витюша. Не замечала...» — резануло в груди, но на сердце стало тепло от вида родного лица.

Она ещё не знала, что пока была в Емельяновской, приезжала Бухвостова, чтобы повесить на библиотеку новый замок.

А на следующий день сообщили, что Вовка умер. Прямо за столом. Сидели пили с Шуриком вторую бутылку, Вовка вдруг схватился за сердце и только успел прошептать сухими бескровными губами: «Рита-а-а...» и уронил голову на грязный в крошках стол.

Маргарита Ивановна на похороны приехала, как и полагается, во всё чёрном. Деревенские не сразу её и узнали. Даже лицо, казалось, стало цвета земли.

— Вот как извела себя с этой библиотекой, — шептали старухи.

— Каково без работы остаться! Пензия-то ещё нескоро, — продолжали болтать за спиной.

Только муж Виктор крепко сжимал её холодную, как ледышка, ладонь...

г. Северодвинск Архангельской обл.

* * *

А покоя, наверно, нет..
Бьются в душу, как будто в дверь,
Не считая ни дней, ни лет,
Ангел Божий и дикий зверь.
Чёрный демон десятком жал
Мучить сердце давно привык,
Я не первая, кто познал,
Как страшны его смех и рык!
Явь ли, морок дурной иль сон —
В тайном круге стоят одном
Белый светоч с небес и он,
Имя коего — гулкий гром.
Там, где свято, — огонь и чад...
Где молитва — крикливый бас...
Мне бы к ангелу, но горят
Гнев и ярость раскосых глаз.

* * *

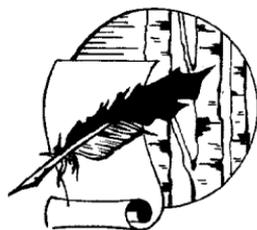
В осеннем небе стаи птиц
Под жёлтой сенью света, —
Как стаи вырванных страниц
Из книг весны и лета.

Ещё тепло... Но с каждым днём
Тоскливей ожиданье
Поры, охваченной огнём
Холодного дыханья...

РОДИНЕ

Над ней смеются многие
и кличут полудикою,
Чернят, ругают бедную,
как будто во хмелю!..
А я её, угрюмую,
молчальницу великую,
Суровую красавицу,
безропотно люблю.

г. Кострома

Ирина КАТЧЕНКОВА

ЭТА ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ...

КОРОМЫСЛО СУДЬБЫ

Качается русской судьбы коромысло
С Востока на Запад по воле ветров.
Так было, так будет. И ныне, и присно.
А век нам достался велик и суров.

Меж Западом гордым и льстивым Востоком
Извечной загадкою — наши края.
Судьбой нашей — трудной, тяжёлой, жестокой
Не раз попрекали враги и друзья.

Какие мелькали вдали караваны!
Какие мечты растворились во мгле!
Нас долго манили чужие туманы,
Но верность храним мы родимой земле.

Не пить нам воды из колодца забвенья!
Нам — здесь обустроить собственный дом!
Да не постыдятся нас прашуров тени,
А наши потомки — да вспомнят добром!

ЛАДО ПСКОВ

Что сказать о Пскове? Вроде всё сказали...
У реки Великой просто постою.
Здесь — века надежды, веры и печали...
Ладо Псков! Прими же ты любовь мою.

Ладо Псков! Закаты крыльями Жар-птицы
Веют над Великой, озарили Кром,

Хороводы храмов, пешеходов лица,
И красу старинных сказочных хором...

Страж земли, и зодчий, и купец, и воин,
И монах, и книжник — всем ты дал приют.
Ладо Псков! Ты славы ратной удостоен.
Сколь врагов видали — столь бивали тут.

Шли сюда ливонцы, шёл король Баторий,
Лезли шведы, немцы — сломан всем хребет!
Ладо Псков! Хранишь ты в Троицком соборе
Меч Довмонта-князя — прашуров завет...

А былые тайны в древних башнях дремлют,
И зовут, и манят — и спешу на зов...
Колокольным звонам и молитвам внимлю,
Чту твои преданья, милый ладо Псков!

Ты прими поклон мой!
Днесь даю я слово:
И красу, и память в сердце сберегу!
Ладо Псков! Прощаюсь, но приеду снова,
Без тебя прожить я долго не смогу..

ДЕРЕВНЯ ТИМОНИХА

д. Тимониха Вологодской области —
малая родина В.И. Белова

Вьётся «газик» по узкой тропинке,
Нынче мы — в вологодской глубинке.
Путь в Тимонику труден, далёк,
Нет за Харовском справных дорог.

Край ольховый, озёра, леса,
Но скудеет и вянет краса,
Нивы брошены, хлеб не растёт,
И никто под гармонь не поёт.

Лишь Василья Иваныча домик
Уцелел, виден как на ладони.
Скрипнет дверь, тихомышь прошмыгнёт...
А Белов тут давно не живёт.

Нам оставил Василий Белов
Много горьких и искренних слов.
Ведал он, кто хозяин, кто тать.
Только нам недосуг прочитать.

Сколько, сколько таких деревень
Поглотила забвения тень!
Вологодчина! Край горевой,
Зарастающий сорной травой!

В церкви белой поставлю свечу.
Помолось. Постою. Помолчу.
Заметает пути листопад,
Гуси-лебеди мимо летят...

ОКТАБРЬ 1993 ГОДА

Что же будет с Родиной и с нами?
Юрий Шевчук

Вновь ветра шелестят
Рыжей хрупкой листвою.
Наступает октябрь,
Нет на сердце покоя.

Вспоминаю: октябрь,
Дым и гарь над Москвою,
Снова пули свистят,
Снова пахнет войною...

Вновь меняется стяг,
Жизнь меняется снова...
Наступает октябрь —
Месяц страшный, суровый...

Всяк надежду оставь!
На душе, словно наледь —
Этот горький октябрь,
Эта горькая память...

г. Санкт-Петербург

ОСТОРОЖНО: ТОК-ШОУ

То, что происходит в последнее время на российском телевидении, которое заполнили разного рода «патриотические» ток-шоу, всё чаще наводит меня на мысль, что мы наблюдаем зримое подтверждение великого афоризма Дицгена-младшего, которого не раз цитировал Карл Маркс: «Любая истина, если ее довести до абсурда, превращается в свою противоположность».

Пропаганда патриотизма, сыновней верности России необходима для воспитания прежде всего молодежи. Но ее следует вести с умом, ненавязчиво и последовательно и уж никак не в истерической манере базарного проповедника. Увы, сплошь и рядом вместо воспитания патриотизма в массах его активно дискредитируют российские телепропагандисты как непониманием всей сложности такой пропаганды, так и излишним рвением и показным усердием. Заставь, говорят, дурака молиться, он лоб разобьет. Возникает только вопрос: по недоразумению, по дурости творится сие, либо по злому умыслу? Попробуем разобраться.

По сценарию Джорджа Оруэлла

Последние пять лет после бандеровского майдана в Киеве, воссоединения Крыма с

ДОСЬЕ "МГ"

Россией и войной на Донбассе внимание российских СМИ, и прежде всего телевидения, было обращено к событиям на Украине, где взяли курс на разрыв с Россией, интеграцию в Евросоюз и НАТО, на этноцид в Донбассе, где каждый день гибнут люди, и геноцид русских. Для всего Русского мира это было и остается трагедией. В этих условиях перед пропагандистами следовало поставить как задачу номер один — проанализировать причины этой трагедии Русского мира, найти способы не только преодолеть ее, но и предотвратить ее повторение. Для этого требовались самый серьезный и ответственный подход и объективное рассмотрение происходящих на постсоветской Украине процессов. Увы, все усилия были брошены на то, чтобы осмеять бандеровских реформаторов и доказать, что их приход к власти был едва ли не случаен, что украинский народ как был братом народа русского, так им и останется на века, что бы ни произошло на его независимой.

Теперь, когда в выборах на Украине победил Владимир Зеленский, который всю свою агитацию вел преимущественно на русском языке, но тем не менее последовательно выступает как русофоб и враг России, когда стало очевидно, что все попытки «всесильного» клана Порошенко вместе с поддерживающими его олигархами и коллективным Западом остановить этого шоумена оказались тщетными, следует признать, что весь полемический пар пропагандистских шоу ЦТ ушел в свисток. А попытки их участников и постановщиков задним числом подтвердить свою правоту и полезность свидетельствуют лишь об их творческой импотенции и нежелании посмотреть правде в глаза. И это тем более очевидно на фоне весьма сдержанной позиции западных СМИ по отношению к выборам на Украине. Так дуайен американской прессы газета «Нью-Йорк таймс», например, ни разу их не прокомментировала, спокойно дожидаясь результатов второго тура. Да и другие западные СМИ поступили аналогично.

На этом фоне можно уверенно сказать, что задача пропаганды патриотизма в России на базе дискредитации бандеровского режима независимой, поставленная перед телевизионщиками путинским агитпропом после майдана 2014 года в Киеве, провалена. Очевидно, что произошло это потому, что руководители всех телеканалов ЦТ вместе с их телеведущими и кураторами из администрации президента достигли в полном соответствии с известным «Законом Паркинсона» своего уровня некомпетентности. Им не верят, над ними откровенно смеются.

В чём же причина этого провала российской телепропаганды? Великий Козьма Прутков советовал в таких случаях: «Зри в корень!» Так вот корень этого очевидного фиаско заключается в отсутствии базовой патриотической идеологии, необходимой, в первую очередь, государственным СМИ и их сотрудникам для защиты национальных интересов России и русского народа. Подменить ее технологией, режиссерскими трюками на базе современных телекоммуникаций и дежурными аплодисментами нанятой аудитории или ссылками на Конституцию РФ, согласно которой идеология в нашей стране поставлена вне закона, невозможно. Ни в президентской администрации, ни в руководстве ЦТ, приступая к пропагандистской войне с режимом Порошенко, этого не учли, положившись целиком на давно отработанную технологию манипулирования массовым сознанием и современные методы создания симулякров.

Все пропагандистские шоу ЦТ, которые выходят по нескольку раз в день в прямой эфир: «Время покажет» («Первый канал») «Вечер с Владимиром Соловьевым» («Россия-1»), «Кто против» («Россия-1»), «60 минут», («Россия-1». «Вести») «Место встречи» (НТВ) и другие, построены по принципу телевизионных «двухминуток ненависти», описанных в известной антиутопии Джорджа Оруэлла «1984». Цитирую:

«Время приближалось к одиннадцати-ноль-ноль, и в отделе документации, где работал Уинстон (главный герой романа Оруэлла, чиновник «Министерства правды». — В.Б.), сотрудники выносили стулья из кабин и расставляли в середине холла перед большим телеэкраном — собирались на двухминутку ненависти. И вот из большого телеэкрана в стене вырвался отвратительный вой и скрежет — словно запустили какую-то чудовищную несмазанную машину. От этого звука вставали дыбом волосы и ломило зубы.

Программа двухминутки каждый день менялась, но главным действующим лицом в ней всегда был Голдстейн. Первый изменник, главный осквернитель партийной чистоты. Из его теорий произрастали все дальнейшие преступления против партии, все вредительства, предательства, ереси, уклоны...

Ненависть началась каких-нибудь тридцать секунд назад, а половина зрителей уже не могла сдержать яростных восклицаний... Ко второй минуте ненависть перешла в исступление. Люди вскакивали с мест и кричали во всё горло. В какой-то миг просветления Уинстон осознал, что сам кричит вместе с остальными и яростно лягает перекладину стула. Ужасным в двухминутке ненависти было не то, что ты должен разыгрывать роль, а то, что ты просто не мог остаться в стороне.

Какие-нибудь тридцать секунд — и притворяться тебе уже не надо. Словно от электрического разряда, напали на всё собрание гнусные корчи страха и мстительности, исступленно желание убивать, терзать, крушить лица молотом: люди гримасничали и вопили, превращались в сумасшедших. При этом ярость была абстрактной и ненацеленной, ее можно было повернуть в любую сторону, как пламя паяльной лампы».

Вот это и была сверхзадача «говорящих голов» во всех ток-шоу всех отечественных программ. Вопрос только в том, куда же в конечном итоге было повернуто это пламя.

Еще до воссоединения Крыма с Россией и войны в Донбассе некоторые телешоу ЦТ (достаточно вспомнить «К барьеру» В. Соловьева) работали именно по принципу оруэлловских «двухминуток ненависти». Но в последнее время, и особенно в период освещения подготовки и проведения президентских выборов на Украине, этот принцип стал основополагающим. Только объектом ненависти в этих ток-шоу были не Гольдштейн со своими оппозиционерами Большому Брату, а Петр Порошенко со всеми его русофобствующими подельниками. Затем и Зеленскому досталось на орехи, причем по делу, но вот тут-то и возник вопрос у ошарашенной публики, как сто лет назад: нет, ты скажи, ты за белых или за красных? Увы, у «говорящих голов» ответа на это не нашлось, ибо указания сверху, где твердо решили подождать поздравлять с победой Зеленского, не поступило. При отсутствии четкой ориентации — кто враг, кто друг или же враги все — сложилась известная в шахматах ситуация под названием «цугцванг»: любой ход ведет к поражению.

В сравнении с советской пропагандой преимуществ социализма перед капитализмом нынешняя российская пропаганда, пытающаяся доказать обратное, примитивна до ужаса. В студиях большинства ток-шоу царят нравы перенаселенной коммунальной квартиры, этакой «вороньей слободки», погрязшей в кухонных спорах, где главное — не быть услышанным, а переорать всех. Как отметила одна известная журналистка, в России «появилась совершенно новая для ТВ популяция ведущих, которых можно условно назвать «гопниками», «четкими», «реальными пацанами» — развязными, стриженными «под ноль», агрессивными по отношению к тем, кто не вписывается в их представление о «норме», и не отказывающими себе в весьма специфической лексике, в которой преобладают полублатной сленг и многочисленные слова-паразиты: «типа», «короче», «слышь», а также различные выражения, так или иначе связанные с «телесным низом».

И тут нельзя не сказать и о лицах, которые мы вынуждены ежедневно лицезреть. Французы говорят, что после сорока лет человек должен отвечать за свое лицо. На Западе телекомпания это всегда учитывают, подбирая для прямого эфира самых симпатичных сотрудников. Об этом невольно задумываешься, когда на нашем экране видишь в очередном ток-шоу бурно лысеющего ведущего с плохо выбритой хазарской физиономией, глаза которого обратились в щелочки то ли в силу генетики, то ли от неумеренных возлияний накануне. Тут уже хочется сразу переключиться на другой канал. А уж когда он начинает говорить, не контролируя ни свою дикцию, ни лексику, понимаешь, что ему гораздо ближе мат-перемат, которым он, очевидно, и разбавляет свою речь вне эфира.

Увы, и среди приглашенных экспертов тоже с лицами беда. У одного явно прописаны на физиономии все возможные пороки, и понимаешь, что в Госдуме неспроста занялись его «облико морале». А другой приходит на вещание из той же Думы опухшим и с таким багровым «загаром», что этого не может скрыть никакой грим. Ну а что касается некоторых приглашенных «зарубежных» экспертов из числа бывших советских граждан, то тут явно без сексопатолога не обойтись. Все это, естественно, убедительности их аргументам не прибавляет.

Режиссура ежедневных ток-шоу на политические, а точнее, на внешнеполитические темы строится по образцу кукольного театра Карабаса-Барабаса из сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Сам кукловод Карабас-Барабас — в нашем случае кремлевский куратор — манипулирует куклами-экспертами, прозванными в народе «говорящими головами», а беспощадный Арлекин — в нашем случае телеведущий ток-шоу — колошматит несчастного Пьеро, заставляя его «правильно» отвечать на поставленные вопросы. Эта роль «мальчиков для битья» отведена только тем специально подобранным «экспертам» из вражеского лагеря, которых можно по ходу шоу лишить слова окриком: «Заткнись!», облить водой, выгнать из студии и даже избить, обматерив напоследок. И всё это, заметьте в прямом эфире. Штатные «мальчики для битья» из США (Майкл Бом и др. — **В.Б.**) и с Украины (Ковтун, Трюхан, Охрименко и др. — **В.Б.**), которые с пеной у рта защищают бандеровский режим и его заокеанских кураторов, работают по контракту и кочуют из одного ток-шоу в другое. Они терпят любые унижения. Так, лидер ЛДПР В.Жириновский назвал Вадима Трюхана в эфире шоу «60 минут» «украинским недоумком и недоноском». А

сенатор Франц Клинецвич обозвал Александра Охрименко «рожей» и «уродом», после чего подошел к нему и начал дергать за бороду. Больше всего достается Вячеславу Ковтуну: его буквально до крови били на российских эфирах, а один раз после передачи «неизвестные прохожие» кинули ему торт в лицо. Но эти «эксперты», как ваньки-встаньки, уже на следующий день возвращаются в те студии, откуда их выгнали. Терпят они все эти унижения не бесплатно. В начале этого года украинский блогер Анатолий Шарий выложил в соцсетях скан ценника на оплату услуг Вячеслава Ковтуна, который на свои «дискуссионные» — только на НТВ Ковтуну платят 25 тысяч рублей за три часа эфира — купил уже квартиру в Москве недалеко от телестудий главных каналов. «При этом на НТВ гонорары не самые большие», — заметил Шарий. У Соловьева платят щедрее.

Помимо этой публики в нашем эфире подвизаются и другие эксперты, авторитетные. Они тоже штатные, тоже на фиксированной, но куда большей зарплате. Их задача подтвердить своим авторитетом точку зрения ведущего, даже выступая с точки зрения противоположной. Но о них — позже. Здесь отметим только главное, согласно данным украинской и российской печати: все приглашенные ораторы на российских ток-шоу, от депутатов Госдумы до «мальчиков для битья», получают за свои выступления денежные вознаграждения. И остается только удивляться, как они умудряются совмещать свои основные обязанности в Федеральном собрании с едва ли не ежедневным, а то и по три раза день появлением в разных ток-шоу? Или там больше платят? Пользы от их вступлений большой нет, а вред очевиден: своим авторитетом они оправдывают одновременное участие с ними в этих шоу разного рода русофобствующих подонков, приглашаемых туда в качестве «зарубежных экспертов». Замечу, что ни в Западной Европе, ни в США ничего подобного не существует. Там приглашенным в прямой эфир никогда не платят, ибо это не соответствует принципу независимой журналистики, к которой только по недоразумению можно отнести организаторов и участников российских ток-шоу.

И проплата «говорящих голов», и все прочие далеко не джентльменские приемчики используются на российском телевидении не для поисков истины в споре, а для того, чтобы заболтать заранее обреченного на поражение слабого, как правило, противника и таким образом заставить телезрителя поверить, что это не у нас в стране дела обстоят далеко не лучшим образом, а в стране соседней, в данном случае — на Украине. Не говоря уже о Западе и особенно о Соединенных Штатах.

В любой цивилизованной стране ее внутренние проблемы всегда есть и будут в фокусе внимания национальных СМИ. В России таких проблем более чем достаточно. Вот только новости последнего времени. Исследование Росстата показало, что реальные денежные доходы россиян в первом квартале 2019 года снизились на 2,3% по сравнению с тем же периодом 2018 года. И тот же Росстат выяснил, что всего 3% жителей России владеют ее национальным богатством. Журнал «Форбс» публикует списки «русских миллиардеров» от Леонида Михельсона (состояние 24 млрд. дол.) до Михаила Фридмана (15 млрд. дол.) и от Алишера Усманова (12,6 млрд. дол.) до Романа Абрамовича (12,4 млрд. дол.), там же публикуют снимки их многомиллиардных дворцов в Лондоне и других западных столицах. Эти сообщения появляются на тех же сайтах в интернете, через которые по всей России собирают деньги на помощь безнадежно больным детям. Ни у государства, ни у «русских» олигархов денег на это нет.

Выступая в Госдуме, премьер-министр Д. Медведев признал: «Многим людям трудно. Некоторые просто выживают. Сегодня в России почти 19 миллионов человек, которые бедны. Это означает, что 19 миллионов человек живут так, как жить не должны». Но Медведев не посмел сказать, кто в этом виноват и почему окончательно оборзевшим чиновным коррупционерам, в том числе в его правительстве, позволяют приобретать за границей на уворованные у нас бюджетные средства особняки, пентхаусы, суперяхты и целые острова. А из бюджета воруют миллиардами. Согласно отчету Счетной палаты за 2018 год, масштабы таких финансовых потерь государства составили 772,7 млрд. рублей.

В России ежедневно умирают 700 человек, а за год страна теряет порядка 250 тыс. человек. Даже в Москве, не говоря уже о провинции, больные раком лишены доступа к необходимым им лекарствам — их просто не покупают чиновники г-на Собянина. Стоя в долгих очередях на бесплатные операции люди умирают, так и не дождавшись врачебной помощи. Несмотря на оптимистические отчеты Минздрава, население России сокращается, в провинции ликвидируются фельдшерские пункты, а в Москве и областях — больницы и роддома.

Экологическая катастрофа неумолимо распространяется по территории нашей страны, а в это время мусор из Москвы взяли вывозить в Архангельск и Приморье, вместо того чтобы вкладывать в строительство мусоросжигающих заводов, как это делается во всем цивилизованном мире. Неконтролируемая иммиграция, рост безработицы, преступности и наркомании должного освещения в прессе, а тем более на телевидении не

получают. В нашей стране показатели заболеваемости СПИДом к 2017 году были самыми высокими по Европейскому региону. К 1 мая 2018 года с установленным диагнозом ВИЧ-инфекции в России проживали 968 698 человек. При этом, по мнению врачей, это лишь 40—60% от реального числа носителей заболевания. А министр здравоохранения В.Скворцова бодро рапортует, что у нас с контролем над СПИДом всё в порядке. Власти беспардонно врут, изворачиваются, скрывают неудобные факты и составляют свои отчеты в духе известных куплетов: «Всё хорошо, прекрасная маркиза. Всё хорошо, всё хорошо...» А вот, мол, у них там, за бугром, ой, как плохо.

Русского человека, как, впрочем, и американца, и любого европейца интересуют в первую очередь внутренние проблемы его страны и в самую последнюю — внешняя политика и чья-то жизнь за границей. Вот бы и поговорить о наших бедах со всей страстностью телеведущим российских ток-шоу Соловьеву, Шеину, Норкину, Скобеевой с ее мужем, Михееву, Никонову и прочим телезвездам от пропаганды. Увы, господа телепропагандисты все эти проблемы решительно игнорируют, предпочитая разглагольствовать о том, как плохи дела за бугром. И не в последнюю очередь свою роль играют здесь законы, принятые Госдумой, в частности, законы о фейковых новостях и оскорблении госсимволов (подписано президентом России в марте с.г.), которые практически ставят российские власти вне критики.

Вот что ответил российский историк Валерий Соловей в недавнем интервью «Московскому комсомольцу» на вопрос:

— Как устроена машина государственной пропаганды? Есть ли у нее единый командный центр?

— Это не секрет. Это администрация президента. Именно там определяется основная тональность освещения событий.

Когда начинаешь разбираться в кухне российского телевидения, невольно вспоминаешь известный афоризм: «Благими намерениями вымощен путь в ад». И возникает то и дело вопрос: отчего столь тошнотворна пропагандистская продукция этой кухни, предлагаемая в ток-шоу? В силу профессиональной непригодности ее персонала или, что куда опаснее, это результат действия окопавшейся на нашем телевидении пятой колонны, которая с помощью своих «засланных казачков» ведет широкомасштабную, долговременную операцию психологической войны, развязанной против России мировой закулисой. Правомерна ли такая постановка вопроса? Для того чтобы на это ответить, посмотрим, кто и как принимает участие в этих шоу.

Начнем с самых известных, где ведущим выступает Владимир Соловьев (Виницковский). В 1989 и 1990 годах он работал научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, в этом инкубаторе «перестройщиков», откуда вышел и его будущий приглашенный из США эксперт Дмитрий Саймс (Симис). Соловьев начинал как либерал и крутился в компании будущих олигархов, которые еще до развала СССР принялись грабить наши национальные богатства. Не без их помощи он перебрался в США и с 1990 года преподавал экономику в Алабамском университете. В США он активно участвовал в поддержке республиканцев: собирал деньги и подписи для президента США Джорджа Буша-старшего. А также, по собственным словам, «выступал и в церквях, и на ротарианских собраниях, а иногда на радио и на телевидении». Был он замечен и в разного рода сионистских сборищах на Брайтон Бич в Нью-Йорке. В 1992 году он вернулся в Россию и возглавил бюро «охотников за головами». В отличие от таких фирм в США, которые получают гонорар только от тех, кому они подыскивали нужного специалиста, Соловьев брал деньги и с фирмы, и со специалиста, что вызвало скандал и основательно подмочило его репутацию. Впрочем, репутация эта так и не просыхает после того, как он, потерпев неудачу в бизнесе, принялся осваивать российский прямой эфир.

Коллеги говорят, что Соловьев «плодовит, как ленточная глиста», — он рекордсмен по части авторских телепрограмм. Вот их краткий и неполный перечень: «Серебряная калоша» (РТР, 1997); «Страсти по Соловьеву» (ТНТ, 1999—2001); «Завтрак с Соловьевым» (ТВ-6, 2001—2002; ТВС, 2002); «Смотрите, кто пришел!» (ТВС, 2002—2003); ток-шоу «Поединок» (ТВС, 2002—2003; «Россия-1», 2010—2017); ток-шоу «К барьеру!» (НТВ, 2003—2009); ток-шоу «Апельсиновый сок» (НТВ, 2003—2004); аналитическое ток-шоу «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» (НТВ, 2005—2008; «Россия-1», с 2012); Теледебаты кандидатов в депутаты Государственной думы РФ и президента РФ («Россия-1», 2011—2012, 2018); ток-шоу «Кто против?» («Россия-1», с 2019).

Вот уже более 20 лет трудоголик Соловьев красуется в нашем эфире как телеведущий. Помимо этого, он устраивает собственные творческие вечера и семинары.

18 марта 2014 он объявил: «Этот день мы приближали как могли. Крым и Севастополь снова в составе России. Историческая справедливость восторжествовала!» За день до это-

го заявления он получил медаль «За освобождение Крыма и Севастополя» и «За личный вклад в возвращение Крыма в Россию».

Соловьев всеяден, вездесущ и всепроникающ. «Евреи, — сказал он, — народ избранный, но не назначенный» (телепрограмма «Поединок», 7.02.2013). А ему очень хотелось быть назначенным с самого пусть не небесного, но земного верха. После запуска ток-шоу «Москва. Кремль. Путин» («Россия-1», с 2018 г.) эта его мечта сбылась — он стал голосом власти. Ему не отказывает в интервью сам Путин. В 2012 году указом В.В. Путина он включен в состав Совета по общественному телевидению.

Далеко не все, в том числе и во властных структурах, воспринимают его телешоу как глас истины. Для российского Олимпа он так и остался прислужником, дежурным пропагандистом, той самой «говорящей головой», которая скажет только то, что в нее вложат власти предрержащие, но будет отстаивать их идеи с пеной у рта, как свои собственные. Естественно, что подобная сервильность уважения к Соловьеву в обществе не вызывает, в том числе в либеральной оппозиции. «Новая газета» и «Эхо Москвы» поносят его регулярно, а гуру российских телевизионщиков Владимир Познер объявил его нерукопожатным, несмотря на то что Соловьев едва ли не в каждой передаче не устает повторять, что он, как и Познер, еврей, хотя это и без публичного признания очевидно.

Соловьев не скрывает, что он сионист, и признает это открыто, в прямом эфире. Он прошел соответствующую стажировку во время своего пребывания в Америке, а вернувшись в Россию, вошел в президиум Российского еврейского конгресса (РЕК) вместе с такими еврейскими олигархами, как Гусинский, Невзлин и Фридман, что позволяет судить о его месте в иерархии российского филиала международного сионизма. Нередко РЕК представляют как некую благотворительную еврейскую организацию. Это далеко от истины. Российский еврейский конгресс — член Всемирного еврейского конгресса (ВЕК), который с того момента, как его первый председатель Наум Голдман возглавил одновременно ВЕК и Всемирную сионистскую организацию, входит в главную структуру международного сионизма.

Соловьев относится к своей сионистской миссии в России весьма серьезно. «Все, что я делаю, — говорил он в интервью «Джуиш ньюс», органу Объединенной еврейской общины Украины, — несет на себе отпечаток многих культур, но мироощущение еврея накладывает отпечаток на то, что я

делаю. Мироощущение еврея отличается от других тем, что каждый еврейский мальчик видит себя Мошиахом. Это важно. Кем он будет потом — дело десятое. Но всё равно ты должен расти с ощущением, что можешь стать Мошиахом» (Jewish News. 26.01.2004). Ощущение это, как очевидно, не покидает его никогда. Этот теле-Мошиах действительно мнит себя неким Мессией. Неслучайно среди его многочисленных книжных публикаций значатся: «Евангелие от Соловьева» (М.: Эксмо. 2011), «Апокалипсис от Владимира» (М.: Эксмо. 2007) и «Продолжение «Евангелия от Хроники Второго пришествия»» (М.: Эксмо. 2008). По его собственному признанию, он сознательно принял иудаизм и еще в юные годы освоил Талмуд, а в зрелые — принялся за изучение каббалы.

Как журналист Соловьев не отличается ни глубиной, ни оригинальностью мышления. В ток-шоу ЦТ ему отведена роль цепного пса. Тем, кому этот кандидат в сионистские мессии прислуживает, он готов руки лизать, а тем, на кого его натравливают, облат, не даст слова сказать, а то и порвет глотку под аплодисменты проплаченной массовки. В соответствии с этим и строится режиссура его передач. Направо — команда ура-патриотов, налево — либералы и зарубежные эксперты, среди которых обычно, как минимум, один — штатный «мальчик для битья» и минимум два — «здравомыслящие». Задача Соловьева стравить их в прямом эфире, заболтать, обхамить и унизить «мальчика для битья». Эту роль выполняет и он сам, и его команда «ура-патриотов». Затем в бой вступают приглашенные «здравомыслящие», на фоне которых «ура-патриоты» выглядят недоумками. Совместными усилиями они добивают своих оппонентов, а если аргументов не хватает — выгоняют их из студии пинками. В ток-шоу Соловьева по обе стороны пропагандистского барьера постоянно выступают его соплеменники, как штатные участники, так и приглашенные. Вот что сказал по этому поводу Александр Проханов:

«Когда я в России включаю российское телевидение и оно показывает социально и политически значимую передачу, то, как правило, к гадалке не ходи: подавляющее большинство гостей в студии с правом голоса окажутся именно евреями. И речь вовсе не только о программах Владимира Соловьева, хотя у него иногда бывает вообще классика: «Поединок», ведущий — еврей, двое участников — тоже евреи. То есть картина маслом. По Центральному телевидению три еврея спорят о судьбах России.

В принципе я не против как бы. Абсолютное большинство даже тех евреев, кого мы считаем либералами и которых по-

казывают по ящику в качестве «говорящих голов», вовсе не являются «жидомасонами», реализующими коварный замысел «Протоколов сионских мудрецов». Нет. Это обычные наши граждане, воспринимаящие Россию в качестве своей страны. Но в любом случае при таких пропорциях среди приглашенных, мне кажется, очень невелики шансы, что русское общество с экранов телевизора услышит разговор, который пойдет в действительно национальном ключе.

Я с трудом представляю себе, что какой-нибудь Архангельский будет с Райхельгаузом и Сванидзе призывать русских изучать собственную национальную философию и читать, например, Тихомирова с Победоносцевым. А ведь именно этого сегодня так не хватает граждански активному русскому обществу».

Так оно всё и есть. И доминирование «избранного народа» на нашем телевидении — это не результат некоего естественного отбора, а всемирная практика еврейского кумовства. Это — тысячелетняя традиция, которая лежит в основе всепроникновения евреев в структуры любого государства, подвергшегося тотальной хазаризации (см. историю Хазарского каганата по Льву Гумилеву), а также составляет основу стратегии международного сионизма, ударного отряда мировой закулисы, рвущейся к мировому господству.

«Моших» и его команда

Для своих персональных «Вечеров» Соловьев подобрал особую команду. Это такой местечковый междусобойчик, состав которого время от времени разбавляют, приглашая официальных лиц, но в обычное время там собираются только свои. Прежде всего выделим Николая Злобина. Это — человек эрудированный, опытный полемист, хотя и начисто лишенный того, что называют шармом (т.е. обаянием). Обычно его представляют так: «американский и российский политолог, историк, публицист, президент Центра глобальных интересов в Вашингтоне.

Политическая карьера Злобина началась в годы перестройки. Он один из «птенцов» вороньего гнезда социал-предателя А.Н. Яковлева, один из тех, кто готовил развал Советского Союза и сдачу его по частям на милость Соединенным Штатам. Злобин был советником президента СССР Михаила Горбачева, а позже плавно перешел советником в администрацию президента РФ Б. Ельцина. Он регулярно навещался в посольство США в Москве и активно общался с американскими «экспертами», которые проводили разного рода

семинары и курсы по подготовке специалистов для перехода России на капиталистические рельсы.

В 1993 г. Злобин выезжает в США на ПМЖ. Там без труда получает американское гражданство и весьма престижную работу. В 1993—2000 гг. он работает в качестве приглашенного профессора в ряде ведущих университетов США, включая знаменитые Вебстерский университет, Гарвардский, Стэндфордский и Университет Джорджа Вашингтона. Дальше — больше. Некая влиятельная рука ставит Злобина на важнейший для постсоветской политики США участок, за который непосредственно отвечают госдепартамент США, ЦРУ и Пентагон. Речь идет о «демократизации», а точнее, об американизации России и бывших республик СССР и их полном подчинении Вашингтону. В 1993—2013 гг. Злобин — соредактор журнала *Demokratizatsiya* (США) и одновременно (2000—2004 гг.) директор международного информационного агентства *Washington Profile*. В 2001—2005 гг. — директор российских и азиатских программ вашингтонского Центра оборонной информации. Однако большую часть времени Злобин проводит в России. Он имеет самые широкие связи в российских структурах власти, на чем активно спекулирует в США. Он — постоянный участник Валдайского форума. Хитом политической карьеры Злобина стала история с его наглым приставанием к Путину на этом форуме в 2008 г. с требованием дать письменное обещание, что он не будет выдвигать свою кандидатуру на третий срок. Путин, взяв со стола салфетку, написал на ней: «На третий срок не пойду!», и поставил подпись. Эту салфетку, говорят, продемонстрировали самому президенту Обаме, который восторженно произнес «Вау!», что укрепило репутацию Злобина как знатока России, чуть ли не вхожего в Кремль. И с финансированием его центру помогли.

Для человека, достаточно осведомленного о существующих в США порядках, карьера Злобина за океаном вызывает немало вопросов. Его научная ценность с диссертацией 1983 г. на тему «Совершенствование научного управления социальным развитием трудового коллектива в условиях развитого социализма: на примере Волжского автомобильного завода им. 50-летия СССР и Автомобильного завода им. Ленинского Комсомола» равна нулю. Если вспомнить, чем заканчиваются попытки разного рода «вольных стрелков» обосноваться в США без какой-либо серьезной протекции, то заверения Злобина в полном отсутствии поддержки его начинаний как со стороны России, так и США вызовут только скептическую улыбку. Чужаки в Америке не приветствуют

ся. Достаточно напомнить, как в прошлом году в США арестовали и обвинили в шпионаже в пользу иностранного государства без всяких на то оснований гражданку РФ Марию Бутину, которая с 2016 года проживает в США, где она получила степень магистра в Американском университете (American University) по специальности «международные отношения». Не помогло. Отправили в тюрьму, в одиночку.

У Злобина подобных проблем не было. Он смог сделать такую карьеру в Америке только потому, что отправился за океан с соответствующими рекомендациями посольства США в Москве, где ему и выдали вид на жительство. То, что его «Центр по глобальным интересам», который занимается в основном российско-американскими отношениями, поддерживают весьма влиятельные лица в американском истеблишменте, видно по составу его руководства.

Сам перечень мероприятий, проводимых Злобиным и его командой, показывает, что помимо разработки рекомендаций для Пентагона и НАТО по военному противостоянию с Россией его центр сориентирован на поддержку либеральной оппозиции в нашей стране, на ту пятую колонну, которая готовит «берёзовую революцию» по образцу бандеровского майдана в Киеве 2014 г. Так, в январе 2016 г. Злобин приглашает в США известных российских оппозиционеров: Илью Пономарева, который в тот момент уже был заочно арестован по делу о растрате средств фонда «Сколково» и находился в бегах; Илью Яшина; стихотворца Дмитрия Быкова, главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» Алексея Венедиктова.

Вместе с этими либералами Злобин принимал в Вашингтоне и Марка Фейгина, которого у нас мало знают. Фейгин — потомок одного из основателей комсомола, еврейского поэта Герасима Фейгина. Однако в отличие от тех евреев, которые возглавляют либеральную оппозицию, он подался в созданный в свое время власовцами, а затем усыновленный ЦРУ Народно-трудовой союз (НТС) и не раз публично выступал в защиту предателя генерала Власова и фашиста Бандеры. Странная трансформация для потомка еврейского поэта-комсомольца, но в чем-то и закономерная, если учесть, что сионисты в своей борьбе за мировое господство никогда не ставят только на одну лошадь. Перед президентскими выборами 2008 года Фейгин был доверенным лицом Касьянова как кандидата в президенты России. Затем он прославился на Западе как адвокат группы Pussy Riot, устроившей непотребный «перформанс» в Храме Христа Спасителя в Москве. В ноябре 2018 года Фейгин представил Атлантичес-

кому совету в Вашингтоне «Список Путина». Против граждан России, которые в нем упомянуты, он предлагал ввести санкции. Этот список тоже не прошел мимо центра Злобина.

Общение Злобина с идеологами российской «болотной оппозиции» лишь подтверждает, что такие планы рассматриваются в Вашингтоне и в наши дни. Очевидно, что Николай Злобин — один из злейших врагов России, куратор глубоко эшелонированной пятой колонны в России. Это подтверждает и вся его антироссийская деятельность в США и поддержка агентов пятой колонны.

Возникает естественный вопрос: а знает ли Владимир Соловьев о такой откровенно антироссийской активности своего «эксперта», регулярно выступающего в его ток-шоу? Вопрос, скорее, риторический. Они давние близкие друзья и написали в соавторстве три книги: «Путин и Медведев. Что дальше?», «Русский вираж» и «Противостояние. Россия — США». Их сближает не только этническое родство, но и общность политических взглядов, что и определяет роль и место г-на Злобина, «американского эксперта с русским паспортом», как он сам себя именует во всех «соловьевских трелях».

Одним из постоянных участников его шоу стал лидер ЛДПР В. Жириновский, который свою национальность определил так: «Мама у меня русская, а папа — юрист». Известно, что в свое время Жириновский подавал заявление на получение израильского гражданства. Но теперь в своих книгах он выступает как ярый провокатор-антисемит, хотя в Израиле плачет на могиле своего папы, а по израильскому телевидению требует расширить границы еврейского государства за счет Сирии, Ливана и Иордании.

Жириновский играет в передачах Соловьева роль шута горохового, в лице которого русских националистов изображают экстремистами, антисемитами и просто придурками. Ему позволяют все. Он не несет никакой ответственности за свои эскапады и может даже примадонну Пугачеву безнаказанно обозвать в прямом эфире «проституткой». Ни Соловьев, ни его соучастники не одернули Жириновского, когда он стал в прямом эфире призывать к разделу Украины. Надо думать, всё это неспроста. В своей подрывной работе против России сионисты делают на него серьезную ставку. Именно о таких еврейх-провокаторах, которые кричали бы: «Грязные евреи, убирайтесь в Палестину!», мечтал в свое время первый премьер Израиля Бен-Гурион, когда говорил, что они сделали бы больше для сионизма и возвращения евреев на землю предков, «чем вся сионистская пропаганда вместе взятая».

Вместе с этим провокатором регулярно выступают у Соловьева видные представители еврейской общины России: известный «болотный» оппозиционер Гозман, бывший депутат Госдумы, а ныне советник директора Федеральной службы войск национальной гвардии Александр Хинштейн, и президент научного центра «Институт Ближнего Востока» Евгений Сатановский, который известен не столько своими исследованиями Израиля и других стран Ближнего Востока, сколько как активный сионист. По его собственному признанию, во времена СССР он руководил подпольным изданием всей сионистской литературы. С 1995 года с подачи сиониста, банкира и медиамагната В.А. Гусинского он стал заниматься созданием Российского еврейского конгресса, а в 2001—2004 годах стал его президентом, сменив на этом посту подельника Л.Б. Невзлина — Ходорковского. Ныне Сатановский — член совета директоров Всемирного еврейского конгресса, одного из самых мощных отрядов международного сионизма (более четырех миллионов членов).

Постоянно прописаны в передачах Соловьева и некоторые граждане Израиля. Наиболее известен из них Яков Кедми. Он родился в СССР, эмигрировал в Израиль, где в 1992—1999 годах руководил агентством «Натива» — спецслужбой Израиля, занимавшейся эвакуацией евреев в Израиль из стран, где им запрещен выезд, или из горячих точек. С деятельностью «Натива» под руководством Кедми связана самая массовая иммиграция евреев из СССР в Израиль с переселением более миллиона человек. Должность начальника «Натива» приравнена по рангу к генералу, и с 1999 года Кедми, выйдя в отставку, получает пенсию, эквивалентную пенсии армейского генерала. Заодно «генерал от сионизма» Кедми подрабатывает у Соловьева. В одной из его передач он открыто, вопреки всем решениям ООН, выступил за официальную передачу Израилю Голанских высот, захваченных в ходе агрессии 1967 года. И никто ему даже не возразил!

Конечно, и Сатановский, и Кедми учитывают, что они выступают в России, и время от времени высказывают весьма толковые мысли относительно ее настоящего и будущего. Но никогда при этом не упускают из вида интересы Израиля.

Еще один сионист, которого у Соловьева представляют как «американского эксперта», — это А.Козн. Ариэль Козн — иммигрант из России (родился в Ялте). Жил в Израиле, где в 1986 г. получил образование в области права в Университете Bar-Ilan University и работал журналистом. Переехав в США в 1989 г., еще до развала СССР, получил степень магистра, а

затем, в 1993 г., — доктора права в Университете Тафта. С 1992 года — сотрудник Института международных исследований Дейвиса при «фабрике мысли» Heritage Foundation, где ведет исследовательскую программу по России и СНГ. Отмечу, что именно Heritage Foundation разрабатывала для президента Рейгана и его команды программу «демонтажа коммунизма в СССР», которая была успешно осуществлена американской пятой колонной в СССР. Стоит упомянуть и принявшие в этом активное участие ударные отряды мировой закулисы — Совет по международным отношениям США и Международный институт стратегических исследований (Лондон). Ариэль входит в состав того и другого. Он — один из весьма влиятельных представителей американской либеральной элиты и Всемирной сионистской организации. Ариэль работал консультантом Агентства по международному развитию США, Всемирного банка, Сената и правительства США, а также радиостанции ЦРУ «Свобода». Читал курсы лекций и в самом в ЦРУ США, принимал участие в многочисленных правительственных конференциях. Ариэль Коэн часто выступает перед различными комитетами и комиссиями Конгресса США при обсуждении антироссийских санкций, других антироссийских мероприятий, известен своими русофобскими статьями в ведущих СМИ США. К тому же он член сионистского масонского ордена Бнай-Брит. Коэн поддерживает активные связи с пятой колонной в России. 27 июня 2012 г. в интервью французской газете Le Figaro он выступил со статьей, в которой утверждал, что «режим Путина рухнет резко».

Уже такое сосредоточие активных сионистов из-за рубежа в одной из самых популярных передач российского телевидения могло бы озадачить руководство наших телеканалов — ведь устами этих сынов Сиона ведется ежедневная активная пропаганда американского превосходства, сионизма и иудаизма, не говоря уже о склонности некоторых из них к паталогической русофобии.

Дмитрий Саймс и К^о

Появившееся в этом году на Первом канале ток-шоу «Большая игра» заявлено в рекламе как «площадка, где анализируются события текущего дня и представлен взгляд как россиян, так и американцев на них. «Большая игра» — попытка понять, можем ли мы договориться, либо ментальные и культурные противоречия делают это практически невозможным».

Российскую точку зрения в этой «игре» представляет председатель комитета Госдумы РФ по образованию и науке, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. Американскую — объясняет президент Центра национальных интересов (бывший Центр Никсона), политолог, историк Дмитрий Саймс.

В отличие от ток-шоу Норкина и Шеина, где нецензурщина, драки и взаимные оскорбления ведущих и приглашенных участников — обычное дело, эта передача выгодно отличается хорошими манерами и ведущих, и приглашенных. Ведущие — люди известные и подтверждают приведенное выше наблюдение Проханова. Вячеслав Никонов — внук бывшего главы МИД СССР Вячеслава Молотова, почитаемого в Израиле за голосование в ООН в 1947 году в пользу создания этого государства, и не менее почитаемой там супруги Молотова Полины Семеновны Жемчужиной (Перл Солмоновны Карповской), которую Сталин в 1949 году арестовал за открытую поддержку сионизма по обвинению в государственной измене и отправил в ссылку, где она и пробыла вплоть до его смерти.

Сам Никонов в открытых симпатиях к сионизму не замечен, если только не считать за таковые то, что в качестве своего американского напарника он выбрал Дмитрия Саймса, который прежде регулярно появлялся в ток-шоу Соловьева, да и теперь не забывает его, как и ток-шоу «60 минут».

Саймс (при рождении Дмитрий Константинович Симис) с 1994 года — президент Центра национальных интересов США. Он сын известного юриста-правозащитника Константина Симиса и адвоката Дины Каминской. Она защищала самых известных диссидентов в СССР: Владимира Буковского (дело о демонстрациях 22.01.1967), Юрия Галанскова («Процесс четырех», 1967), Анатолия Марченко (1968), Ларису Богораз и Павла Литвинова (дело о демонстрации семерых», 1968) и других диссидентов, активно участвовала в деятельности антисоветского сионистского подполья.

Еще в сентябре 1967 г. Симис с помощью отца устроился на работу в Институт мировой экономики и международных отношений. Всё у него вроде бы шло гладко. Он уже готовился к защите диссертации, как вдруг 3 июля 1972 г. он подает в дирекцию заявление об увольнении. Д. Симиса приглашает к себе в кабинет директор Института Е.М. Примаков и просит объяснить, что побудило его к столь неожиданному решению. Симис сообщил Примакову, что намерен добиваться выезда из СССР на ПМЖ в США любой ценой. Примаков пытался было его отговорить, но Симис упорно стоял на

своим, и Евгений Максимович подписал его заявление. Вряд ли Примаков, даже будучи кадровым разведчиком, догадывался тогда, какие силы стоят за скромным сотрудником его института: прошение Симиса и его семьи об эмиграции поддержали лично премьер-министр Франции Жак Шабан-Дельмас и сенатор Губерт Хэмфри, будущий вице-президент США. Под давлением международных сионистских центров они лично обратились с просьбами к главе советского правительства А.Н. Косыгину разрешить Симису и его семье выезд в Израиль. Разрешение дали. В январе 1973 года Дмитрий Симис наконец покинул Москву и, ненадолго задержавшись в Вене, где у сионистов был своего рода перевалочный пункт для эмигрантов американского направления, прибыл в США.

Я лично встречался с Саймсом во время одного из его визитов в Россию уже в качестве президента Фонда Никсона. Он действительно производил впечатление «резвомыслящего» эксперта по российским делам. Но эта репутация никак не мешает ему отстаивать интересы Вашингтона во всех областях и в передачах Соловьева, как и в «Большой игре» Никонова. Он подчеркивает это недвусмысленно, одновременно представляя позицию американского истеблишмента как единственно верную, и активно рекомендует российскому руководству принять это как неизбежную данность.

Почему же он так востребован на соловьевском и других ток-шоу, хотя косноязычен, не обладает ни красноречием, ни глубокими знаниями? Дело в том, что с Саймсом можно договориться. Он предсказуем, он «свой», как и другие «зарубежные эксперты». Напомню, что Саймс, в свою бытность Симисом, работал секретарем у «папы» советских диссидентов — академика Сахарова и его жены Елены Боннер. У него та же ментальность, что и у вожаков «болотной оппозиции», т.е. российской пятой колонны, которые тоже убеждены в тотальной правоте Соединенных Штатов Америки. В этом зарыта собака его востребованности. Нам предлагают слушать мнение Саймса об отношениях США с Россией вместо того, чтобы предоставить наш прямой эфир по-настоящему серьезным и куда более известным американским «русологам» и «кремленологам», прекрасно говорящим по-русски и нередко более объективным, чем все саймсы, злобины и коэны вместе взятые. Вот, например, с критикой США не раз выступал лауреат Нобелевской премии мира бывший американский президент Джимми Картер, который пошел наперекор всей американской элите, когда несколько лет назад с горечью заметил, что США больше не являются демократи-

ей, превратившись в типичную олигархию. В апреле с.г. выступая в своем родном городе Пленсе (штат Джорджия) он назвал Соединенные Штаты «самой воинственной страной в мире, которая за 242 года своего существования находилась в мире только 16 лет». А если учитывать все войны, военные нападения, оккупацию чужих территорий, то в истории США было всего пять лет мира, на которые пришлось президентство Картера. Чем это не тема для «Большой игры»?

В конце концов важно не то, кто из этих экспертов еврей, а кто — армянин, кто — потомок князей, а кто — отпрыск местечкового ребе. Музыка на российском телевидении заказывает одна и та же сионистская команда, которая весьма далека от защиты национальных интересов России. Выступая в качестве «всемирно признанных экспертов», мобилизованные в ток-шоу сионисты и их партнеры вдалбливают в головы россиян свою американскую и сионистскую точку зрения на происходящее. А их российские партнеры по ток-шоу им практически только поддакивают.

Реакция россиян на упражнения гопников от пропаганды в прямом эфире ЦТ сравнима разве что с их возмущением действиями организаторов «гей-парадов». Засилье «сынов Сиона» в средствах массовой информации и особенно на телевидении и в шоу-бизнесе, как в пропагандистских ток-шоу, так и в наиболее отвратительных их разновидностях, сосредоточенных на публичном копании в грязном белье знаменитостей, вообще весьма тревожно. Только слепой не видит, кто есть кто. Не говоря уже о «соловьиных трелях» на тему «Я — еврей!». В Сети стремительно нарастают антисемитские настроения. Резко выросли антиукраинские настроения. В выражениях в соцсетях не стесняются. Это — одно из последствий тех истерических ток-шоу, которые, по мнению упомянутого выше историка Валерия Соловья, ведут к «расчеловечиванию общества». «То, что делает российская телепропаганда, — говорит Соловей в своем интервью «Московскому комсомольцу», — это преступление. Преступление против морали, нравственности, против здоровья нации. У меня нет сомнений в том, что люди, которые активно подвизаются на этой ниве, рано или поздно получают воздаяние в строго правовой форме».

Осознают ли это российские манипуляторы массовым сознанием и непосредственные исполнители их воли? Появившаяся в Интернете информация о том, что их заработки составляют от нескольких миллионов до многих десятков миллионов рублей в месяц, вызвала в обществе неподдельное возмущение.

Валерий Соловей отвечает на всё это так: «Да, тем, кто выступает фронтменами пропаганды, мы их фамилии хорошо знаем, им платят огромные деньги... Это вполне реалистичные оценки. Но человек не может жить в состоянии когнитивного диссонанса, не может получать деньги, сознавая, что совершает зло. Чтобы избежать такого диссонанса, он убеждает себя в том, что поступает правильно. В психологии это называется рационализацией — попытка найти достойное объяснение своему недостойному поведению. Многие пропагандисты искренне считают, что действуют в интересах государства, на благо России. Не забывая, однако, готовить себе «запасные аэродромы» — в Италии, Великобритании, других странах. Покупают там недвижимость, переводят деньги. Потому что в глубине души, очень глубоко, понимают, что за то, что они делают, когда-нибудь придется отвечать. Им кажется, что долларовая подушка защитит их в будущем. Но они ошибаются. Как только в России изменится политическая ситуация — а рано или поздно это произойдет, такова историческая логика, люди, которые несут ответственность за расчеловечивающую пропаганду, окажутся под угрозой правового преследования».

Предупреждение серьезное. Дело, действительно, далеко зашло. Пора разобраться всерьез с теми, кто вознамерился с помощью ядовитых теленаркотиков расчеловечить, расчленивать наше общество на орды ненавидящих друг друга людей без рода и племени. Время не ждет.

НЕОЯЗЫЧЕСТВО КАК ПРОЕКТ РАЗРУШЕНИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В июле 2017 г. группа военнослужащих 57-й отдельной мотопехотной бригады ВСУ, ранее входивших в националистическое движение «Правый сектор» и исповедующих неоязычество, отмечая древнеславянский праздник «Выбор жертвы Перуну», в одной из лесных зон населенного пункта Первомайское (вблизи Авдеевки) соорудили святилище языческому богу Перуну и принесли на нем в жертву ранее считавшегося пропавшим без вести Прохорчука Евгения Викторовича 1979 года рождения... Какому «богу»? Это, по существу, не скрывалось. Декорации «революции достоинства» изобиловали плакатами с сатанинской символикой. Именно этому «богу» приносят свои жертвы неоязычники, де-факто служат ему, пылая иступлённой ненавистью к христианству.

Весьма примечательны истоки неоязычества на Украине. Основатель секты РУН Віра (Родная Украинская Национальная Вера) Лев (Иван) Силенко родился в 1921 г. в с. Александровка Кировоградского района. Будучи офицером Красной Армии в звании лейтенанта, в 1941 г. он добровольно перешёл на сторону немцев. Принимал участие в карательных акциях. После

ДОСЬЕ "МГ"

окончания войны Силенко осел в американской зоне оккупации, где познакомился с Владимиром Шаяном. Филолог, сторонник идеи пан-арийского ренессанса, мистик, создатель религиозной доктрины «Рідної Віри», Шаян начал свой путь как верный член ЦК КПЗУ (коммунистической партии Западной Украины) и сотрудник журнала пролетарских писателей «Окна». Однако затем увлёкся теософией и в 1943 г. организовал во Львове военно-религиозный «Орден рыцарей Солнца». Поддерживал связи с ОУН и УПА. В одном лагере для перемещённых лиц он провёл инициацию второй фаланги рыцарей, в которую ввёл Силенко под именем Орлигора.

В 1966 г. Силенко и Шаян организовали в США (Чикаго) религиозную организацию обновленного украинского мировоззрения — Объединение Сыновей и Дочерей Украины Родной Украинской Национальной Веры. Символом РУН-Веры является изображение троещности (трезубца), который означает мир видимый (Яв), духовный (Нав), законы природы, обычаи (Прав). Сотни организаций, их последователей, вполне успешно действуют в США, Канаде, Украине и в России. Примечательно, что Силенко, кадровый сотрудник разведки 3-го рейха, стал близким другом семьи Чумаченко и в определённом смысле духовным наставником Екатерины — третьей жены Виктора Ющенко. Надо ли говорить, что украинское неоязычество неизменно пользовалось особым попечением американских спецслужб? Как и пресловутое униатство, оно стало важным инструментом для разрушения русской идентичности. Последнее, по существу, является целью всех неоязыческих проектов в России, Украине и Белоруссии.

25 июня 2016 г. на реке Мухавец возле Брестской крепости было спущено на воду судно, построенное в подражание кораблям викингов, — драккар «Слейпнир». Организаторами этого неоязыческого мероприятия стали клубы ВИР «Железный желудь» и «Перуново коло» («Перунов круг»). Финансировало же строительство «Слейпнира» Агентство по международному развитию госдепартамента США.

«Религиозный фактор давно играет существенную роль в деятельности националистической оппозиции в Белоруссии, — отмечает обозреватель портала «Русская планета» Юрий Григорьев. — «Единой веры» у оппозиции, разумеется, нет. Но вот к православию в ее рядах предпочитают не обращаться — для белорусских националистов оно априори ассоциируется с «московской церковью». И в оргкомитете «Белорусской христианской демократии», и в прочих подобных организациях доминируют католические и протестантские предпочтения.

Неоязычники весьма агрессивны и находятся в пресловутом тренде. Мода на экзотическое язычество, особенно среди молодежи и «продвинутых» представителей среднего класса, растет. Второе дыхание ей придали события на Украине и связанный с этим всплеск этнонационализма. Зачастую неоязыческое движение маскируется под клубы и кружки любителей этнографии и исторической реконструкции.

Так, выше упомянутые «Перуново коло» из Кобрина или «Железный желудь» из Бреста, как и другие им подобные объединения, зарегистрированы как военно-исторические клубы. Поэтому в рамках этих организаций происходит не только невинное воссоздание элементов древней одежды или снаряжения, но и обучение владению холодным оружием, приемам и тактике индивидуального и группового боя с ним. На Украине группы «реконструкторов» с соответствующей идеологией привлекались в качестве одного из силовых ресурсов при совершении госпереворота. Фотокоррры на майдане запечатлели фантастические боевиков, атакующих «Беркут», видны люди в средневековых доспехах, с металлическими мечами и секирами. При необходимости подобная ситуация может повториться и в Белоруссии.

Воспитанник клуба исторической реконструкции «Фенрир» из Гомеля Михаил Жизневский в 2013 году оказался на майдане в рядах УНА-УНСО. Ранее белорусский подросток был вынужден оставить военно-патриотический класс в средней школе и из-за невысокой успеваемости перейти в ПТУ. Михаил никак не мог найти свое место в жизни и в результате оказался в «Фенрире». После того, как один из организаторов клуба оказался замешан в финансовом скандале, вместе с ним бежал на Украину. В феврале 2014 года белорус Михаил Жизневский погиб в центре Киева от огнестрельного ранения, вместе с армянином Сергеем Нигояном, открыв список первых жертв майдана. В Киеве нынешней властью ему поставлен памятник, его могила под Гомелем превратилась в место паломничества белорусских и украинских националистов. По неофициальной версии, Жизневский был убит боевиками майдана в целях информационной провокации».

О том, что США прямо финансируют неоязыческие организации РФ, говорилось не однажды. Один из идеологов современного неоязычества Николай Левашов прожил в Штатах 20 лет, но в 2006 г. внезапно вернулся в Россию и организовал антихристианский проект по «Возрождению Руси». Другой гуру неоязычества, Александр Хиневич, создал неоязыческую секту «Инглингов» после своей поездки в 1992 г.

в США. Глава северокавказских родноверов Яромир Букреев 10 лет прожил в Майами. Примечательна и запись разговора бывшего главы парламента Грузии Таргамадзе и российского левого экстремиста Удальцова сотоварищи. Таргамадзе сообщает, что заинтересованные лица готовы выделить финансирование: «Они хотели, чтобы им наняли эти залы для тренировок, основную форму там какую-то делать, вот такие вещи. В принципе, их идея такая... их идея немножко растянутая, немножко такая... для них идеалистическая. То есть они хотят довести до того, чтобы там 100 или 200 тысяч человек собрать всех в одинаковых формах с коловратками и так пойти на Кремль».

Должно заметить, что неоязычники весьма часто находят общий язык с необольшевиками. Весьма «плодотворно» сотрудничают они, к примеру, в рамках организации «Русский Лад». «Многие неоязычники, — указывает Ян Лец, — чтят свои советские корни. К примеру, Дмитрий Гаврилов («волхв» Иггельд), Константин Бегтин («волхв» Огнеяр), Сергей Лифантьев («сам себе волхв» Скрытимир) и др. являются страстными почитателями большевизма. Огнеяр считает, что «язычество и коммунизм — это одно и то же», а надпись на его сайте указывает, что это — «территория СССР, свободная от оккупации». Язычники-лингвофрики толкуют слово «пролетарии» как «прошлых лет арии». Некоторые даже считают Сталина «великим волхвом-жидобором», за несколько лет «поднявшим Русь с колен»».

Данное взаимопонимание имеет глубокие корни. Ибо неоязычество является проектом КГБ ничуть не в меньшей мере, нежели ЦРУ.

Обратимся к истории неоязычества в СССР.

Предтечей возрождения «древнеславянской веры» стал Михаил Тухачевский. Ещё в 1918 г. этот знаменитый палач тамбовских крестьян выдвигал идею восстановления язычества с целью уничтожения христианства. Сразу после революции он направил в Совнарком записку с предложением объявить язычество госрелигией РСФСР. «Латинско-греческая культура — это не для нас. Я считаю Ренессанс наравне с христианством одним из несчастий человечества. Гармонию и меру — вот что нужно уничтожить прежде всего. Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошившей Россию, мы встряхнем ее, как пыльный коврик, а потом встряхнем весь мир. Я ненавижу Владимира Святого за то, что он крестил Русь и выдал ее западной цивилизации. Надо было сохранить в неприкосновенности наше грубое язычество, наше варварство. Но и то, и другое еще вернется. Я в этом не сомневаюсь», — говорил Тухачевский.

По воспоминаниям его товарища по плену, будущий советский маршал был очень увлечен «конструированием из цветного картона страшного идола. Горящие глаза, вылезавшие из орбит, причудливый и ужасный нос. Рот зиял чёрным отверстием. Подobie митры держалось наклеенным на голову с огромными ушами. Руки сжимали шар или бомбу, что именно, точно не знаю. Распухшие ноги исчезали в красном постаменте... Тухачевский пояснил: «Это — Перун. Могущественная личность. Это — бог войны и смерти. — И Михаил встал перед ним на колени с комической серьезностью. Я захохотал. — Не надо смеяться, — сказал он, поднявшись с колен. — Я же вам сказал, что славянам нужна новая религия. Им дают марксизм, но в этой теологии слишком много модернизма и цивилизации. Можно скрасить эту сторону марксизма, возвратившись одновременно к нашим славянским богам, которых христианство лишило их свойств и их силы, но которые они вновь приобретут. Есть Дажьд-бог — бог Солнца, Стрибог — бог Ветра, Велес — бог искусств и поэзии, наконец, Перун — бог грома и молнии. После раздумий я остановился на Перуне, поскольку марксизм, победив в России, развяжет беспощадные войны между людьми. Перуну я буду каждый день оказывать почести».

Совнарком предложение Тухачевского рассмотрел, но предпочёл основание новой коммунистической «религии» играм в «древнеславянство». «Религия» эта, впрочем, немало походила на древние культы в их слепом поклонении матери, обожествлении вождей, мавзолеями...

Тема язычества вновь явилась в повестке дня во времена хрущёвских гонений на Православие. Примерно со второй половины 50-х запускается проект возрождения отдельных языческих обычаев под видом «социалистической обрядности». Основой для этого послужили народные праздники дохристианских верований. Именно тогда в быт советских людей вошли праздники «Проводы зимы» и «Русская берёзка», был возрожден праздник «Купалы».

О роли советской пропаганды в деле «возрождения родноверия» свидетельствуют неоязыческие идеологи. В частности, «волхв» Иггельд указывает: «В послевоенный период возрождается и традиционный языческий культ Победы и оружия, отголоском которого становятся знаменитые монументы русским воинам-победителям и освободителям в Сталинграде, Киеве, Берлине. Наконец, параллельно с вводом языческого обряда кремации, вместо православного трупоположения, по всем городам-героям России и освобожденной Европе вспыхивают неугасимые костры. Народ, как и

тысячу лет назад, чувствует ушедших в мир иной у этой поминальной крады — Вечного огня. И я, и вы, и мы все до сих пор раз в год всей страной совершаем, по сути, самый настоящий обряд у этого Огня и приносим к нему языческие требы, венки из вечнозеленой ели (как символ возрождения), и видим близ почетный караул, охраняющий священное пламя Нижнего мира от посягательств. Известны средневековые свидетельства о том, как наказывались жрецы Перуна и Велеса, не уследившие за божественным огнем. И ныне мне забавно видеть у этой языческой крады иерархов церкви. ...Неизбежной кульминацией в возвращении языческой традиции становятся Олимпийские игры. Я прекрасно помню их со всей языческой пышностью и античной подноготной. Проведенные в Москве в 1980-м, они оставили неизгладимое впечатление у современников ощущением радости. Божественный огонь, зажженный по традиции в Элладе от лучей Гелиоса, сошедший из Вышнего мира, был пронесен по городам и дорогам нашей Отчизны».

А это показания «волхв» Огнеяра: «Если мы глянем на герб Советского Союза, это чисто языческий герб, он содержит огромное количество языческой символики, серп — символ матери Земли, молот — символ отца Сварога, их соединение — священный союз, и озаряющее землю солнце. Велес — символизируемый снопами, красная лента с надписями на национальных языках, что мы едины в русском, советском народе. Там очень много языческой символики».

В начале 70-х была выдвинута популярнейшая у неоязычников концепция о мировом заговоре евреев против язычников, главной частью которого стало христианство, обратившие русских в иудейское рабство. Автором данного «откровения» стал... специалист по семитским языкам и преподаватель Высшей партийной школы при ЦК КПСС Валерий Емельянов. Стоит вспомнить ещё одного старейшего неоязычника-коммуниста и пламенного обличителя «жидохристиан». Алексей Добровольский («волхв» Доброслав) был примерным комсомольцем, но в 1957 году вышел из комсомола в знак протеста против «наплевательского отношения к памяти Вождя» (Сталина). Просидев какое-то время в «психушке», Доброслав стал сотрудником КГБ, чего впоследствии не скрывал. До самой смерти Добровольский считал себя «анархо-коммунистом» и «народным социалистом». «Социалистическая Революция, в которой октябрьский переворот 1917 года был не более чем составной частью, произошла совсем не случайно именно в России, — писал он. — Попытка построения социализма Россией, первой из всех стран мира,

была естественным продолжением действия общинной традиции развития России как самобытного культурно-исторического целого».

Пик неоязыческого проекта пришёлся на времена «андроповщины». Ярый борец с русизмом, Юрий Владимирович использовал для подавления его все средства. И, конечно, не мог пройти мимо столь эффективной методы, как подмена здорового русского самосознания антирусским языческим дурманом под видом «возвращения к древнерусским традициям». Таковая подмена представлялась особенно важной на фоне тысячелетия Крещения Руси и пробуждения религиозных стремлений в обществе. Не русскость (земное) становилась частью Православия (небесного), но ровно наоборот. Этот перекокс крайне характерен для русского патриотического движения и является его уязвимым местом. По нему-то и ударили «лубяньские волхвы», предложив заменить «культурный элемент» русскости в виде Православия — «древней верой». И вот уже бородатые активисты стали распространять с рук «подпольную» литературу с мантрами об истребивших великую языческую культуру и поработивших Русь «жидохристианах»...

В рамках указанной подмены советским руководством было инициировано широкое празднование 1500-летия Киева в 1982 г. Следом на экраны вышел фильм «Русь изначальная», насыщенный антихристианскими мотивами. Советская печать наполнилась всевозможными трудами о «непознанном», в которых славяне отождествлялись с индоиранцами, всеми вообще праиндоевропейцами и даже этрусками. Так была заложена языческая псевдоистория, ставшая довольно популярной у атеистической воспитанной молодёжи. Само собой, не забывался и главный миф — о том, как «крававые» христиане поработили свободных русичей, истребив исконную-посконную древнюю культуру.

Тему подхватили и писатели-фантасты, и «учёные». Из среды инженерно-технической интеллигенции вышли первые «славянские волхвы»: А.Добровольский, Н.Сперанский, Г.Якутовский, А.Рядинский, К.Бегтин и др. Появились первые неоязыческие кружки под видом просветительских, оздоровительных и политических движений. Уже в 1986 г. было официально зарегистрировано ленинградское «Общество волхвов», членами которого стали ученики... преподавателя марксизма-ленинизма Виктора Безверхого («волхва» Остромысла) из числа курсантов военных и милицейских училищ. Разумеется, общество поддерживало добрые отношения с

Ленинградским обкомом Коммунистической партии. Именно оно стало колыбелью для ряда нынешних родноверческих сект.

Как известно, для прихода антихриста его предтечам и служкам нужно привести мир в подобающее сему «торжеству» состояние. И главное условие этого — дехристианизация мира. Именно дехристианизации служили все откровенно богоборческие революции. Именно дехристианизации служит насаждаемая ныне антихристова толерантность, миграционная экспансия, содомизация и т.д.

Россия — основа христианского мира, сердцевина её, и именно поэтому ведётся против неё столь ожесточённая война. Против неё и собственной её основы — Православия. Без Православия нет и не будет России. Конечно, как и у всех цивилизаций, у нашего народа был дохристианский период. И нет никаких оснований ни стыдиться его, ни вычёркивать из истории. Ибо он ничем не хуже воспеваемой во все времена языческой античности. Некоторые традиции дохристианского периода благополучно растворились затем в народной культуре и обычаях, а богатый фольклор послужил основой для русских сказок. Но какие бы ни выдумывали мифы свидетели «Велесовой книги», Государства Российского не существовало в дохристианский период. Объединение разрозненных и враждующих меж собою племён в государство происходило уже по принятии Русью Христа.

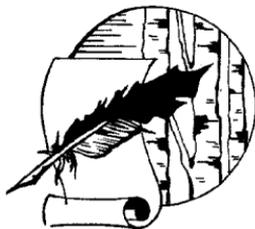
У язычников, как у всех христорборцев, популярно утверждение о рабской психологии христиан. Но где же, товарищи, видели вы рабов, создающих великие цивилизации, могущественные царства размером с одну шестую часть света? Где видели вы рабов, побивающих Мамаевых полчища, тевтонских рыцарей, Фридриха Великого и шведов, Оттоманскую Порту и лучшую в мире армию Наполеона? Это Александр Невский и Дмитрий Донской, Пожарский и Минин, Суворов и Ушаков были рабами? Христорборцы видят слабость в мученичестве... «Слабость», которая помогала стоять в правде, вынося любые страдания и лишения... Всякий лагерник, прошедший ад ГУЛАГа, подтвердит, что не было более стойких и непримиримых ко злу, ко лжи заключённых, нежели верующие христиане. Эти люди не ломались. Не теряли своего человеческого достоинства. И даже своего языка, который теперь теряем мы, поминутно коверкая его.

Россия, её наука и искусство были созданы верующими православными христианами: её святителями и преподобными, её государственными мужами и воинами, её поэтами и учёными. Или уж так мало просвещены были Ломо-

носов и Менделеев, что не могли постичь «истин», обретаемых нынешними неоязычниками из дрянных брошюр издания ЦРУ/КГБ?..

Сегодня против русского народа ведётся глобальная война по всем фронтам. Война против русской идентичности, русского самосознания. И для этого рука об руку в ход идут все химеры: коммунистическая, языческая, сепаратистские всех мастей. Цель: чтобы православные русские люди перестали быть русскими людьми. А стали родноверами, «поморами» или «сибиряками» — кем угодно, но не русскими. Кем угодно, но против России. России — исторической, а не вымышленной.

Таким образом, заблудшие души в своём искании русской идентичности без Христа улавливаются в сети непримиримых врагов России и используются для её разрушения. В своём обращении к Русским людям Блаженнейший митрополит Виталий (Устинов) писал: «Каждый человек создан по образу и подобию Божию — он всегда является тайной. Наш великий писатель Достоевский сказал, что все его труды являются только слабой попыткой узнать человека, который остается тайной даже до сего дня. Наш русский литературный язык освящен церковно-славянским богослужебным языком, от которого он и происходит. Пушкин сумел сберечь это благое начало, вставляя иногда в свою речь только одно церковнославянское слово — как хороший ювелир вставляет бриллиант в золотую оправу. Вся наша русская культура, выраженная русским языком, корнями своими держится православной веры. Без православной веры народ России превращается в русскоязычный электорат. Но православная вера спасет Россию.

СТИХИ
ПОЭТОВ УЛЬЯНОВСКА

Виктор МАЛАХОВ

Родился в Челябинске. С 1978 года живет в Ульяновске. Автор 9 сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Лауреат Ульяновской областной поэтической премии имени Николая Благава 2017 года.

СЛОВА — РАСТЯЖИМЫ?

По нашим понятиям слова растяжимы,
Они, как резины у нас и пружины.

И, как ни старайся, теперь нас не слышишь
На сказанном нами же некогда слове.

Мы запросто вам обоснуем условность
Понятий: Отечество, истина, совесть...

С подручным аршином, косою саженью
Мы многое можем предать растяженью.

В руках у иного умельца-Прокруста
Слова поддаются и тянутся с хрустом.

А вырвется если словцо на свободу,
Кто рад ему будет — такому уроду?

Легко ли теперь нам почувствовать снова
У мира в основе лежащее Слово?

Краями ушей мы, конечно, слышали:
Что нечто подобное было вначале!

И, стало быть, мы подрываем основу,
Когда с небреженьем относимся к слову.

ЧАРЫ МОРОЗА

Разряжена морозом в кружева,
Природа наша зимняя жива!

Мы часто говорим: «Мороз сковал...»
А он творил, кудесил, волхвовал!

Благодаря морозу-кузнецу
Мир — словно девушка, готовая к венцу!

Пляжу на мир и глаз не оторву!
Пляжу и будто грежу наяву.

И дорог ослепительный алмаз,
Но не дороже восхищённых глаз.

* * *

Осень. Первые морозы.
Сердцу милые картины:
Ярко-жёлтые берёзы
И багряные осины.

Красота вокруг такая
И такой простор для взгляда!
Чем тебе не кущи рая?
Что ещё для счастья надо?

Красота осенней чаши...
Всё готово для причастья...
Разве мало в настоящем
Верных поводов для счастья?

Николай МАРЯНИН

Родился в 1956 году в селе Три Озера на Средней Волге. Окончил Ульяновский политехнический институт. Работал на заводе, в обкоме ВЛКСМ, в областных и центральных газетах. Поэт, журналист, краевед. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России. Награждён медалью Н.М. Карамзина. Живёт в Ульяновске.

ТРИ ИСЦЕЛЯЮЩИХ СЛОВА

Как и положено людям,
мы до последнего дня
верим, надеемся, любим,
в сердце смиренность храня.

И вопреки суесловью,
мир погрузившему в дым,
с верой, надеждой, любовью
в очи безумцев глядим.

Маясь в безвременья сите,
шепчем сквозь сдавленный плач:
верьте, надейтесь, любите —
даже в петле неудач!

В единоборстве упругом,
испепеляющем кровь,
станут спасательным кругом
вера, надежда, любовь.

Чтобы почувствовал снова
дух, устремлённый к нулю,
три исцеляющих слова —
верю, надеюсь, люблю!

ПАМЯТЬ ВЕТРА

Огненным вихрем в пучину небес
адская птица над бездной взлетела...
Ветер, не вой моей воле вразрез,
не изнурай моё грешное тело!

Крылья сметают земное тепло
с горных вершин и степных травостоев...

Ветер, ты снова, как высшее зло,
дуешь навстречу из мрачных покоев!

В тысячный раз разгорается бой
света и тьмы на граничных откосах...
Ветер, мне биться помогут с тобой
сила души и спасительный посох!

Хаос невидимый клонит цветы,
душит простор сквозняком бесприютным...
Ветер, какой же злопамятный ты!
Хоть на мгновение стань мне попутным!

Кроткий, угрюмый, во мгле бытия
с музыкой в сердце шагаю не в ногу...
Ветер, ищу покаяния я.
Не заслоняй же мне к Богу дорогу!

* * *

И откуда ты в эти луга
залетела, моя пустельга?
И зачем каждый день поутру
ты трепещешь на зябком ветру?
Оперение рыжее и
соколиные очи твои
над землёй — как осколки звезды
и предвестники скорой беды...
Я твой верный и добрый слуга:
что ж ты плачешь, моя пустельга?
Что ты крыльями яростно бьёшь,
камнем падая в жёлтую рожь?
Не терзай мою душу, скажи,
что таится в некошеной ржи,
и какая такая печаль
на Россию накинута шаль?
Жизнь под солнцем, увы, недолга:
взвейся ж в небо, моя пустельга,
унеси свою горькую весть
в те края, где счастливых не счесть.
А на этой уставшей земле
всё и так уже меркнет во мгле,
остужая тепло очага...
Что ж ты плачешь, моя пустельга?

ОТКРОВЕНИЕ

Синий луг в ромашках утопает,
рассыпая радугой лучи...
Это звёзды летние мерцают
маяками вечности в ночи.

Вольный ветер льёт прохладу в лица,
корчится в волнах на берегу...
Это время скачет, как волчица,
хмуро огрызаясь на бегу.

По степной тропе бредёт прохожий...
Это, придержав души полёт,
сам Господь, на конюха похожий,
под уздцы Вселенную ведёт.

Мария ШАКУН

Родилась в Ульяновске. Окончила факультет гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета. Публиковалась в журналах «Мономах», «Карамзинский сад», «Стрежень», «Симбирскъ», «Берега» (журнал молодых писателей ПФО), в антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века». Автор сборников «Городские сны» (1998) и «Время ангела» (2002). Член Союза писателей России. Живёт в Ульяновске.

* * *

Мне снился ангел с длинной чёлкой,
Косою чёлкой в пол-лица.
Вот он стоит в одежде чёрной —
И улыбается.
Я говорю, мол, где пророки,
Где символисты с футуристами?
А он всё повторяет строки
И смотрит искоса
Куда-то далеко и мимо,
Так далеко, что плакать хочется,
Не отделяя сути мира
От сути творчества.

* * *

Даже в самой правдивой повести —
Только ложь, как её ни прячь.
Всё, что есть у нас, — наши горести,
Наши радости, смех и плач.
И участвуют в вечном промысле,
Поднимаясь из глубины,
Всё, что есть у нас, — наши помыслы,
Наши чувства и наши сны.
Не ищите — и не обрящете,
Хлеб насущный даётся днесь.
Всё, что есть у нас, — настоящее.
Настоящее — всё, что есть.

МОСКОВСКИЕ КАНИКУЛЫ

Коллизии Москвы — движенье бесконечно,
Неоновая муть и огоньки болот.
Коллизии судьбы — неведомое нечто
Не выведет меня, а дальше заведёт.
Коллизии Москвы — стоять на повороте,
Чего-то не уметь, чего-то не хотеть.
Коллизии весны — котята в подворотне
И лёгкое пальто на согнутом локте.
Коллизии Москвы — никто не дышит в спину,
Не заставляет гнать, как белка в колесе.
Коллизии любви — я больше не покину,
Быть может, никого. И, может быть, совсем.

Ольга ДАРАНОВА

Родилась в Ульяновске. Окончила историко-филологический факультет Ульяновского государственного педагогического института имени И.Н. Ульянова. Статьи, рассказы и стихи публиковались в журналах «Симбирскъ» (Ульяновск), «Сура» (Пенза), «Волга-21 век» (Саратов), «Бийский вестник» (Бийск), «Родная Кубань» (Краснодар), в газете «Литературный маяк» (Вологда). Автор книги стихов и малой прозы «Флейта осени» (2018). Член Союза писателей России.

* * *

Ах, эти летние прогулки!
Солнцестояние души!

Кустарник в старом переулке
Царапнул руку: «Не спеши...»

Я с радостью умерю шаг свой!
Я слышу тех, кого уж нет...
И слабый звук калитки шаткой
Встревожит сон ушедших лет.

Там рдеет мальва, плющ прижался
К уютной дедовской стене,
И запах родины остался...
Так пахло в стародавнем дне!..

Я с этой стариной в созвучье,
Мне здесь покойно и светло,
Где руку жжёт листок колючий,
Где утро жизни протекло.

И, залитые летним солнцем,
Мы здесь однажды и всегда...
Как этот сад, как неба донце,
Как дней бесценных череда.

Как истина, проста дорога,
И чувств глубинных вскрыта суть.
Земная жизнь — как это много!
Как короток он, этот путь!

За счастье жить, за праздность эту
Благодарю, благодарю.
Не верю я, что кану в Лету,
А верю в то, что воспарю.

Голубкой стану, веткой вишни,
Травой, жасминовым кустом,
Дождём прольюсь и еле слышно
Я буду с вами в дне ином...

* * *

Как поживаешь, дочка?
Боль моя у височка,
Думка моя ночная,
Главная радость земная.

Как я скучаю, слышишь?
Рай, когда рядом дышишь,
Спишь безмятежно, тихо,
А я берегу от лиха.

Май, рвутся к жизни почки,
Скоро у дочки — дочка...
А вроде недавно было —
Грудью тебя кормила.

И словно в небо — дверца,
Когда засыпаешь у сердца...
К головушке припадаю,
Запах твой пью, вдыхаю.

Бабушка, мать и дочка...
Не разорвать цепочку.
Так вот и прирастаем
Земной и небесной стаей.

Татьяна МЕЛЬНИК

Родилась и живет в Ульяновске. Окончила Ульяновский электромеханический техникум, работает в Ульяновском городском архиве. Публиковалась в журналах Москвы, Ульяновска, Волгоградской области, в антологиях и сборниках ульяновских поэтов. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России.

* * *

Я — не ведьма и не колдунья!
Сплетни прочь!
Это просто — на свечку дунь я —
Будет ночь.

Я — не ведьма! Я верю в Бога
И молюсь.
Просто рвётся — взгляни я строго —
Нитка бус.

Это просто — рукой коснись я —
Сгинет боль.
В прошлой жизни рабу Анисью
Знал любой.

Я — не ведьма! Я просто слышу
Каждый стон
И откликаюсь, пусть даже свыше
Крикнут: «Стой!»

Это просто — заплачь я — листья
Сбросит клён.
Просто — ласково улыбнись я —
Ты влюблен.

* * *

Мной не любимый, в меня не влюблённый,
Что ж расставаться так страшно и больно?
Нам не смириться с предательской ролью,
Мной не любимый, в меня не влюблённый.

Сплетни над нами, как вороны, кружат —
Каждый из нас пред молвой безоружен.
Просто нужна я, и ты — просто нужен.
Просто мужчина и женщина дружат.

Вновь отряхнут оперение клёны...
Что ж ты подводишь, мой разум хвалёный?
Дай поцелую висок побелённый,
Мной не любимый, в меня не влюблённый.

* * *

Ну вот и снова дни короче.
А я так не смогла успеть
Всласть насмотреться в неба очи,
Рассветом душу отогреть,

Из родника взахлёб напиться,
Запомнить утра аромат,
Наслушаться весенней птицы,
Налюбоваться на закат.

А завтра вновь дожди и осень.
Мой самый длинный день прошёл.
Живу. Вся будто под вопросом.
С неналюбившейся душой.

Татьяна ЭЙХМАН

Родилась в селе Поповка Ульяновской области. Окончила медицинский факультет Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. С 1979 года работает врачом в Карсунской районной больнице. Руководитель литобъединения «Родники» при газете «Карсунский вестник». Автор нескольких поэтических книг. Лауреат литературной премии имени Н.Н. Благова. Член Союза писателей России.

КОЛЬЦО

Золотое кольцо распилю.
Письма старые брошу в камин.
Не люблю, не люблю...
Не люблю...
Доживай эту осень один!

И пока догорает огонь...
И потом, когда взвует метель...
Не люблю.
Только память не тронь.
Не вернусь ни в сентябрь, ни в апрель

Улетаю. Прости, без затей
Расстаёмся. Над пропастью дня
Не люблю...
Хочешь, водки налей,
Только к тосту не будет меня...

Трепещи от секунд, циферблат!
Осыпайся с вазонов, эмаль!
Не люблю, не люблю...
Виноват?
Не виновен? Чуть-чуть тебя жаль.

Ухожу. Под подошвою грязь.
И полощет дождями в реке...
Не люблю!
Ухожу, торопясь,
Зажимая упрёки в руке.

Убегаю. Прости, на ходу
Не услышишь последнюю речь:

Не люблю.
Только мне на беду
Постарайся себя уберечь.

НА ПИРСЕ

Две чайки белые на пирсе...
Здесь было лето. Вышел срок.
Летят оранжевые листья
На ширь асфальтовых дорог,
На вьющиеся нитки тропок,
На заводи, на холод луж,
Чернеющих у водостоков,
Дрожащих в ожиданье стуж...

И я не жду тепла отныне,
Болит, пульсируя, висок,
Но скоро боль моя застынет...
Причал мой пуст и одинок.
Отпело лето, отзвенело,
Уплыло по речной волне.
Летящим листьям нету дела
До боли, что живёт во мне.

...А мне казалось, жить так просто,
А мне хотелось долго жить,
Плыть по реке, купаясь в звёздах,
И нитку лунную ловить.

Александр ДАШКО

Родился в 1994 году в Ульяновске. Член Союза писателей России. Советник министра культуры Ульяновской области. Работает во Дворце книги — Ульяновской областной научной библиотеке. Автор сборника стихов «Болевой порог» (Ульяновск, 2015). Публиковался в журналах «Симбирск», «Сура», «Бийский вестник», «Парус» и других изданиях. Лауреат областной поэтической премии имени Н.Н. Благова.

* * *

Ах, Сокольники зимние
новогодьем горят.

На катке в легком инее
кружат стаи девчат.

И с улыбкою ветреной
ускользают по льду.
Я вперед, в разноцветное,
по аллее иду.

Огоньки рассыпаются,
словно тысячи звезд.
Жаль, тебя я, красавица,
в этот парк не привез.

Снегопады, как школьники,
пишут в неба тетрадь,
Нам с тобою в Сокольниках
надо чаще бывать....

* * *

Весна пропахла дымом и цветами,
и опаленной солнечной травой.
Мы быстро примираемся с мечтами,
как отцветает ландыш полевой.

Но наша нерастраченная вера
находит постоянство и приют:
как галстуки последних пионеров
пионы заповедные цветут.

Они под зноем необычно стойки,
наследники разрозненной страны
нас радуют цветением геройским,
в них столько веры, правды и весны.

И не в садах, и не в блестящих скверах,
а в поле, не надеясь на уют,
как галстуки последних пионеров
пионы заповедные цветут.

* * *

На Радоницу сухо и тепло,
спят облака в небесной колыбели.
И я смотрю сквозь чистое стекло
на светлые апрельские недели.

Забыл про всё. И вспоминаю тех,
кто далеко, но всё же очень близко.
А солнце, затерявшись в высоте,
для всех усопших стало обелиском.

Поет весна прохладным ветерком,
уходит вдаль Пасхальная неделя.
И мы когда-то будем далеко,
на Радоницу встретимся, в апреле.

И перестанем дни свои считать,
и тихо скрипнет ржавая калитка.
Потомков юных чистые уста
прочтут полузабытую молитву.

МАРКС И РОССИЯ

Как писал Ленин, «исторический опыт всех революций подытожил Маркс, дав краткую, резкую, точную, яркую формулу — диктатура пролетариата». Именно к этому, по Ленину, сводилось строительство социализма в России. Именно этот тезис «великого» Карла был реализован на практике.

Тем не менее в советское время Маркс был поставлен высшим непререкаемым авторитетом. Память о нем хранили портреты, памятники, названия улиц и проспектов. О его героической судьбе издавались гигантскими тиражами книги, включая полное собрание сочинений Маркса и Энгельса. Был выпущен даже телесериал «Молодые годы Карла Маркса».

А в сети политпросвещения советские люди неустанно долбили труды апостола коммунизма: «Капитал», «Коммунистический манифест», «Критика Готской программы», «18 брюмера Луи Бонапарта». Даже мы, студенты факультета журналистики, изучали деятельность Маркса как редактора «Новой

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

рейнской газеты», хотя советская пресса не имела ничего общего с немецкой середины XIX века.

Если бы Советская власть продержалась до наших дней, 200-летний юбилей Карла Маркса отмечался бы с всемирным размахом. И новое поколение советских людей заучивало бы не только знаменитое ленинское «Учение Маркса все- сильно, потому что оно верно», но и менее известное признание вождя в любви к основоположникам: Маркс и Энгельс «были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение».

Но это миф. Ленин выдавал желаемое за действительное. Мало кто даже из современных западных политиков говорит о России с такой проникновенной ненавистью, как это делал Карл Маркс.

«Московия играет роль раба».

Маркс называл Россию не иначе как страной варварской, нецивилизованной, достойной только презрения. Стоит только внимательно вчитаться в его бесчисленные сочинения...

«Нас ждет борьба с варварскими ордами Австрии и России...» Или: «Даже в совершенно варварских странах буржуазия делает успехи...»

Россия по Марксу — «оплот мировой реакции», «угроза свободному человечеству», «единственная причина существования милитаризма в Европе», «последний резерв и стеновой хребет объединенного деспотизма в Европе», «враги революции сконцентрированы в России».

Да, пророк Маркс и мысли не допускал, что в России возможна пролетарская революция. По его мнению, в ней «может быть только тот или иной бунт, причем достанется немецким платтям, а революции никакой и никогда не будет». Маркс искренне удивлялся, когда ему говорили, насколько он популярен в варварской стране: публиковали работы, перевели «Капитал». И с настороженностью относился к революционным деятелям из России, считая их царскими агентами. Правда, в 1881 году, после убийства Александра II, он оживился: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе». Но за передовой отряд революционного движения Маркс принял кучку террористов.

Неудивительно, что его фундаментальная работа «Тайная дипломатическая история XVIII столетия» впервые появилась на русском языке только через сто с лишним лет, во время перестройки. Ведь это, по сути, манифест ненависти к России:

«Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочел политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить план завоевания мира».

По сути, это клевета: Петр Первый никогда не строил планы завоевания мира. Да и считать его рабом могут разве что беллетристы-графоманы с очень богатой фантазией.

«Оттеснить Россию в Азию».

Молодой Маркс уделял много внимания Крымской войне, в которой переплелись разные интересы многих государств. Но одно в этой войне было бесспорным: агрессором выступала Турция, которую поддержали Англия и Франция. И именно их сторону безоговорочно принял человек, полный «самой радужной веры в русскую революцию».

Боевые действия в Крыму еще не начались, а Маркс уже предвкушает победу турецко-англо-французской коалиции. И в статье «Восточная война» строит геополитические планы: «Без сомнения, турецко-европейский флот сможет разрушить Севастополь и уничтожить русский Черноморский флот; союзники в состоянии захватить и удержать Крым, оккупировать Одессу, заблокировать Азовское море и развязать руки кавказским горцам. То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято в Черном море: необходимо любой ценой добиться союза со Швецией; если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии присоединения этой провинции к Швеции. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт». Грандиозный план. Но конечная цель Маркса еще глобальнее: «Россия была бы оттеснена к границам Азии». Автор жалеет, что этого не удалось сделать Наполеону. И отдает Британии особую роль в будущей войне: «Англия имеет возможность нанести удар России в ее самом уязвимом месте. Не говоря уже о том, что она может заставить шведов завоевать обратно Финляндию, для ее флота открыты Петербург и Одесса... Без Петербурга и Одессы Россия представляет собой великана с отрубленными руками».

А еще Маркс много размышляет, как и какие санкции могут сделать Россию сговорчивой и покорной: «Отрезанная от английского рынка, Россия через несколько месяцев

подверглась бы тяжелейшим потрясениям... Россия, которой так боятся, вовсе не так опасна». Не правда ли, современно звучит?

«Очистить всё Закавказье и Кавказ».

Автор учения о диктатуре пролетариата, так приглянувшегося большевикам, делил страны на продвинутые в промышленном отношении — и значит, по его расчетам, перспективные для революционного взрыва и все прочие, в которых пролетариат ни при каких обстоятельствах никогда не возьмет власть. К первым он относил Англию, Францию, Германию, США. Ко вторым — по сути, весь остальной мир, включая Россию. Потому поддерживал экспансию Англии, в какой бы точке мира она ни проявлялась. И всех, кто вставал на пути Англии, рассматривал как силы реакционные.

Россия может помешать британской торговле с внутренними районами Азии? Британской колониальной политике? Значит, надо вытеснить Россию с Черного моря и тем самым обеспечить свободный проход судов через Дарданеллы. Англия ни в коем случае не должна допустить, чтобы придунайские страны оставались в сфере влияния России: «Сначала надо добиться, чтобы Россия очистила Крым, всё Закавказье и Кавказ до Терека и Кубани, чтобы была сожжена Одесса, разрушена гавань в Николаеве и очищен Дунай до Галаца». Марксовский план, как всегда, избавлен от сантиментов. Во имя главной цели он готов даже встать на сторону горцев Кавказа, укоряя западных правителей: «Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа».

С надеждой Маркс смотрел и на США, где тоже рос и креп пролетариат — будущий, как он был уверен, могильщик буржуазии. Потому немец приветствовал захват Соединенными Штатами новых и новых территорий на континенте. И, соответственно, предъявлял претензии царскому режиму — порой просто анекдотические: «Россия поощряла Гражданскую войну в Соединенных Штатах, так как конкуренция со стороны янки подрывала вывоз русских сельскохозяйственных продуктов на рынки Европы».

Очень напоминает обвинения современной России во вмешательстве в выборы президента США...

«Ослепление дошло до предела».

Маркс не терпел малейшего благосклонного взгляда на Россию. Когда последователи Прудона позитивно высказались о нашей стране, Маркс буквально размазал их по стенке: «Они восхищаются Россией как великой страной буду-

шего, как самой передовой державой во всем мире... Они обвинили Совет Международного Товарищества в том, что он... объявил великодушный русский народ вне пределов цивилизованной Европы...» Но еще больше Маркс поражался тому, что западные правители не видят исходящей от России угрозы всему существу: «Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела... Ее методы, ее тактика, ее приемы могут изменяться, но путеводная звезда этой политики — мировое господство, остается неизменной».

Маркс относил Россию к тупо-упрямым образованиям. Она представлялась ему зловещей державой, которая «заключает договоры, чтобы создавать предлоги для завоевательных войн, и ведет войны, чтобы отравлять атмосферу договорами». Верить России нельзя. Чувствовать себя в безопасности, пока рядом Россия, нельзя. Нет иного выхода, кроме как пойти на нее войной и смести с исторической арены. Либо альтернатива — заставить служить прогрессивным государствам.

В брезгливом отношении Маркса к стране, так превозносившей его, и к народу, ее населяющему, есть что-то и глубоко личное. Когда Герцена пригласили выступить в Лондоне на митинге, посвященном международному рабочему движению, Маркс резко выступил против участия русских эмигрантов: «Маркс сказал, что меня лично не знает, — вспоминал Герцен, — но находит достаточным, что я русский и что, наконец, если оргкомитет не исключит меня, то он, Маркс, будет вынужден выйти сам...»

Непримиримого критика царского режима, напечатавшего в «Колоколе» перевод «Манифеста Коммунистической партии», Маркс называл «презренным москвитом», человеком с «гадкой русско-калмыцкой кровью». А публикация в «Колоколе» вызвала лишь саркастическую реакцию Энгельса: он назвал поступок Герцена «литературным курьезом».

Монументальный курьез.

Я прочитал все работы Маркса, в которых так или иначе речь идет о России. Тяжелое чтение, надо сказать. Не находит доброго слова о стране, о русском народе деятель, памятник которому установлен в центре Москвы.

Увековечивание основоположников состоялось 7 ноября 1918 года по предложению Ленина. Он же выступил и на открытии памятника напротив Большого театра. Но фигуры были изготовлены из гипса и быстро рассыпались. На их место положили гранитный блок с текстом: «Первый камень памятника великому вождю и учителю всемирного пролета-

риата Карлу Марксу». И только 29 октября 1961 года установили гранитный памятник с выбитыми в граните и на века лозунгами:

«Учение Маркса всеильно, потому что оно верно. Ленин».

«Имя его и дело переживут века. Энгельс»

«Пролетарии всех стран соединяйтесь!»

Я против сноса памятников кому бы то ни было. Они отражают свою эпоху. Потому и памятник Карлу Марксу в столице страны, которую он ненавидел, надо оставить. Только добавить на постаменте несколько гранитных цитат Маркса о России.

Так будет честно.

Взгляд сквозь годы.

С 1883-го по 1885 год в Лондоне произошло 13 террористических актов. Взрывы в редакции газеты «Таймс», два взрыва в метро, взрыв на вокзале «Виктория». 30 мая 1884 года — взрыв в Скотленд-Ярде. Взорвали бомбу в парламенте.

Кого обвинили в терактах? Правильно, русских.

29 января 1885 года Фридрих Энгельс разразился статьей «Императорские русские действительные тайные динамитные советники» в журнале *Der Sozialdemokrat*: «У меня нет оснований сомневаться в том, что лондонские взрывы 24 января 1885 г. дело рук России... Всем известно, что официальная Россия не отступает ни перед какими средствами, если только они ведут к цели... О том, что может сделать официальная Россия для устранения мешающих ей лиц при помощи яда, кинжала и т.п., достаточно примеров дает история Балканского полуострова за последние сто лет...»

Мотивы России пойти на страшные преступления Энгельс раскрывает играючи: «Русское правительство пускает в ход все средства, чтобы заключить с западноевропейскими государствами соглашения о выдаче русских революционеров эмигрантов». Проще говоря, теракты — это способ надавить на английское правительство, чтобы оно выдало русских смутьянов.

Элементарно, Ватсон! — воскликнул бы знаменитый лондонский сыщик. И его коллеги не подкачали. Не пойдя на поводу у Энгельса, Скотленд-Ярд нашел настоящих устройств взрывов — ирландских националистов. Организация «Клан-на-Гейл» пыталась терроризировать население Англии, чтобы заставить британское правительство предоставить Ирландии право на независимость.

Под статьей Энгельса наверняка подписался бы и его старший соратник, но он умер незадолго до терактов. Впрочем, желающих повесить на русских любые взрывы, катастрофы и даже отравления (по типу «дело Скрипаля») хватает и без Маркса.

МОМЕНТ ИСТИНЫ В АВГУСТЕ 39-го

С некоторых пор сам факт заключения советско-германского договора ставится чуть ли не в вину России: дескать, вместо того, чтобы объединиться с миролюбивыми странами Европы (такими как Англия и Франция), СССР снюхался с нацистами. Первой жертвой этого тоталитарного сговора стала несчастная Польша, которую, мол, зверски раздербанили немцы с русскими. Ну а потом агрессоры сами сцепились друг с дружкой в борьбе за мировое господство.

Эта байка стала весьма популярной у либеральной общественности, которая любит тупо делить мир на демократический, то есть хороший, и тоталитарный, то есть плохой. К хорошим странам относятся, естественно, англосаксы и их союзники, к плохим — фашистская Германия и Советский Союз.

Да, договор о мире и дружбе между СССР и Германией действительно был заключён. Однако такие же договоры с нацистами в 1930-е годы заключали многие европейские страны. И первой среди них оказалась Польша — та самая «невинная жертва» двух кровожадных агрессоров. Так что ничего крамольного Со-

ветский Союз в 1939 году не совершил: аналогичные пакты до него подписали правительства многих стран Европы.

А во-вторых, нелишне было бы вспомнить о событиях, которые предшествовали заключению пакта Молотова—Риббентропа, и о причинах, которые подтолкнули советское руководство принять предложение Германии. События эти происходили в августе 1939 года и на языке дипломатов именовались англо-франко-советскими переговорами о совместном противодействии агрессии в Европе.

Начать такие переговоры предложил Советский Союз — ещё 23 июля того же года. Две недели англичане и французы делали вид, что размышляют над советским предложением. Затем сделали вид, что согласились. Как показали дальнейшие события, ни англичане, ни французы изначально не собирались заключать какое-либо конкретное военно-политическое соглашение с СССР.

Впоследствии достоинством общественности стали и секретные инструкции, которые выдали английским переговорщикам в британском МИДе. Суть их сводилась к следующему: тянуть время. А попутно подсовывать советской стороне заведомо невыгодные для неё условия, чтобы в случае отказа взвалить вину за срыв переговоров на Советский Союз. Именно это и произошло.

Итак, 12 августа 1939 года в Москве начались переговоры между представителями Англии, Франции и СССР о создании системы коллективной безопасности на случай возможной агрессии со стороны Германии и её сателлитов. Эти переговоры, о которых на Западе сегодня не очень любят вспоминать, вполне могут стать образцом дипломатической клоунады.

Начнём с того, что английскую делегацию возглавил отставной адмирал Дракс, бывший комендант Портсмутской крепости. Удивительное дело: решается вопрос исключительной важности, имеющий колоссальные последствия для судеб миллионов людей, а британцы присылают в Москву отставного адмирала, который к тому же не имел полномочий на подписание соответствующих договоров. Спрашивается, какого чёрта он вообще припёрся в Россию? Поболтать о будущем Европы?

Кстати, именно это обстоятельство сразу же повергло в недоумение советскую делегацию. Её, в отличие от британцев, возглавлял не отставной адмирал, а нарком обороны маршал Климент Ворошилов. В состав делегации входили также начальник Генерального штаба Б. Шапошников, нарком Военно-морского флота Н. Кузнецов, командующий ВВС Крас-

ной Армии А. Локтионов и заместитель начальника генштаба И. Смородинов. Как говорится, почувствуйте разницу!

Естественно, обменявшись формальными любезностями, Ворошилов попросил у британских коллег подтвердить свои полномочия. В ответ Дракс долго и нудно говорил о своем желании вести переговоры, а его полномочия, дескать, должны были подтвердить в британском посольстве. Ворошилов снова чётко поставил вопрос: вы можете что-либо решать или наша встреча носит сугубо познавательный характер?

Тогда Дракс заявил, что не имеет возможности, в отличие от советских коллег, быстро сноситься со своим правительством. Вот если бы переговоры проходили в Лондоне, то можно было бы быстро нашлепать какую-нибудь бумагу, подтверждающую его, Дракса, полномочия.

Честно говоря, не устаешь удивляться, когда читаешь стенограммы этих, с позволения сказать, переговоров! Нам еще со времен горбачевской перестройки упорно внушали, что маршал Ворошилов был простым красным кавалеристом, не искусственным в тонкостях военного, а тем более военно-дипломатического ремесла. Может, так оно и было. Но кем в таком случае был адмирал Дракс, который полдня пытался ответить на простой, казалось бы, вопрос: есть ли у него полномочия вести переговоры?

К слову сказать, французы в этом смысле оказались куда более искренними и деловыми, чем их коллеги из Туманного Альбиона. Глава французской делегации генерал Думенк по первой же просьбе Ворошилова зачитал текст, из которого явствовало, что его, генерала Думенка, уполномочили вести переговоры в Москве председатель совета министров и министр национальной обороны Франции. Более к Думенку ни у кого вопросов не возникало.

А Дракс всё прикидывался идиотом, ссылаясь на большое расстояние между Лондоном и Москвой, мешающее ему, дескать, получить письменные полномочия. В конце концов, чтобы не тратить времени зря, Ворошилов объявил, что переговоры начались, а с главы английской миссии взял слово, что тот представит свои письменные полномочия, как только в этом возникнет необходимость.

Необходимость, однако, так и не возникла. За семь дней переговоров маршал Ворошилов так и не сумел добиться от адмирала Дракса внятного ответа ни на один из поставленных вопросов. Сначала от англичан добивались оглашения их военных планов, а именно: каким конкретно образом британская армия намеревается противодействовать немецкой агрессии в Европе.

К концу второго дня переговоров англичане всё-таки слегка приоткрыли свои военные секреты. Например, с гордостью сообщили о том, что недавно ввели обязательную воинскую обязанность и готовы сформировать в случае необходимости большую армию в количестве... 16 дивизий. Нечего сказать, серьезный план противодействия агрессору!

Французы и в этом отношении оказались более порядочными. Генерал Думенк огласил вполне достойные цифры французской военной мощи, которую можно реально задействовать для борьбы с агрессором. Так, в случае войны Франция была готова выставить 110 дивизий, 4 тысячи танков, 3 тысячи пушек крупного калибра, а также подтянуть, если понадобится, войска из Северной Африки. Кроме того, генерал Думенк заверил советскую сторону в том, что войска прикрытия в случае надобности займут укрепленные районы в течение шести часов, а полностью французские вооруженные силы будут сосредоточены у границы с Германией максимум через 10 дней.

Ну а Советский Союз? Что он был готов противопоставить немецкой агрессии? Борис Шапошников поделился с коллегами советскими планами ведения войны. В тот момент против Германии СССР мог выставить 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, а также 5 тысяч тяжелых орудий, до 10 тысяч танков и 5 тысяч самолетов. Полное сосредоточение войск у западных границ СССР произойдет максимум через 20 дней после начала военных действий. В случае, если Германия нападет на Францию и Англию, СССР обязался немедленно направить против агрессора две трети от всех сил, которые выставят против Германии англичане и французы. Иначе говоря, на подмогу союзникам СССР был готов бросить 90 дивизий и огромное количество боевой техники.

Такой же серьезной военной помощи советская сторона ожидала и от союзников в том случае, если возникнет угроза нападения Германии на Советский Союз, а именно: две трети от тех сил, которые выставляет СССР. Кроме того, на стороне Советского Союза, Англии и Франции должны выступить Польша и Румыния, с которыми англичане и французы были связаны союзными договорами. Это означало бы дополнительно ещё не менее полусотни пехотных и кавалерийских дивизий. Таким образом, общее число дивизий, задействованных против Германии, должно было превысить 250. Этого вполне хватило бы, чтобы надавать Гитлеру по зубам еще осенью 1939 года.

Вот такой план предложил английским и французским товарищам начальник советского Генерального штаба. Кста-

ти, так и не дождавшись от англичан сколько-нибудь вразумительной информации. Единственная проблема, которая всерьез мешала претворить эти планы в жизнь, заключалась в отсутствии у СССР границы с Германией. Потенциального агрессора от Красной Армии отделяла территория Польши и Румынии.

В связи с этим возник вопрос о пропуске советских войск через территорию этих стран в случае начала совместных военных действий против Германии. Поскольку правительства Польши и Румынии отказались предоставлять свою территорию для пропуска советских войск, Ворошилов обратился к английским и французским властям с просьбой оказать дипломатическое давление на поляков и румын в решении вышеуказанного вопроса.

Выслушав вполне дельные предложения советской стороны, Дракс, как водится, начал тянуть кота за хвост. Дескать, решить вопрос о пропуске советских войск будет нелегко, поскольку Польша с Румынией суверенные государства. Как будто кто-то это оспаривал! Ворошилов резонно заметил, что без решения этого вопроса все наши усилия заранее обречены: Красная Армия просто не сможет вступить в войну с Германией.

Дракс снова завел свою любимую песню о государственном суверенитете и международных соглашениях, которые, дескать, свято чтут на Западе. Так продолжалось несколько дней кряду. Впоследствии, уже через много лет, выяснилось, что англичане хитрили. Ворошилову они устами Дракса внушали мысль о том, что не могут давить на поляков в этом вопросе. А поляков в то же самое время науськивали не соглашаться ни с одним из советских предложений, обещая взамен полную поддержку в случае германской агрессии. Поляки, разумеется, верили: они вообще готовы были верить хоть черту лысому — лишь бы насолить Москве. А потому все попытки советского правительства договориться с польскими властями заканчивались категоричным и грубым отказом Варшавы.

К концу первой недели переговоров с англичанами и французами стало ясно: «союзники» договариваться с Россией не желают. Если французы ещё хоть что-то внятно предлагали, то англичане выглядели на переговорах откровенными шутами.

К сожалению, несмотря на деловитый тон генерала Думенка, французская делегация на переговорах ничего не решила: всем заправлял от имени союзников адмирал Дракс, а французы смотрели ему в рот и боялись сказать лишнего без

его санкции. Такая позиция французской стороны не нова: Франция уже давно пляшет под британскую дудку, напрочь забыв о своем былом величии. Весьма скоро после переговоров французы жестоко поплатились за свою чрезмерную любовь к англичанам. Равно как и поляки — за своё агрессивное упрямство и нежелание вступать в переговоры с СССР.

Итак, после семи дней пустого сотрясения воздуха советское руководство пришло к выводу, что продолжение переговоров бессмысленно. 21 августа англичане и французы покинули Москву. А еще через два дня в Москве был подписан договор о ненападении между СССР и Германией сроком на десять лет.

В отличие от англичан и французов немцы, получив согласие советской стороны, отправили в Москву не отставного адмирала, а имперского министра иностранных дел, имевшего все полномочия для подписания документов такой важности. И нет ничего удивительного в том, что советское руководство предпочло иметь дело с серьезными политиками, а не с отставными клоунами. В той ситуации это было единственной возможностью оттянуть начало войны, выиграть хотя бы несколько лет, чтобы завершить перевооружение армии и укрепить обороноспособность страны.

«ОТРЕЧЕНИЕ» ГОСУДАРЯ И НАША СОВЕСТЬ

Отношение весьма значительной части современного общества к Царской семье, продолжает оставаться негативным и проявляться в тех отрицательных отзывах и наветах, которые были сформулированы еще февральскими революционерами и их сторонниками. Русское общество так и не подошло к необходимости покаяния за «Иудин грех» — клятвопреступление и предательство Государя, за его свержение и за само цареубийство.

В июле 1918 года большевики только «поставили точку» в деле убийства Государя. А само убийство Царской семьи началось тогда — в те мартовские дни 1917 года. И все мартовские революционеры и их сторонники повинны в этом убийстве в первую очередь.

События, произошедшие в царском поезде 2 марта 1917-го года, необходимо рассматривать, в первую очередь, с духовной точки зрения — так, как бы видел это Господь, т.е. глазами Божиими. Это не то, что видели и описали в мемуарах присутствовавшие и не присутство-

СИМВОЛ ВЕРЫ

вавшие свидетели, а такая общая во всей полноте картина, которая в целом дает полное представление о совершившемся событии.

Многие историки и богословы в своих выступлениях пытаются свести это событие всего лишь к наличию показаний очевидцев или к поведению Государя, к его молчанию, или к появлению и предъявлению того «фигового листка», именуемого «манифестом» или «актом об отречении», которые якобы подписал Государь. Но такая методология подхода к исследованию данного события не просто неприемлема, она ведет на ложный путь — путь, который и был заготовлен как для современников, так и для будущих поколений хитроумными революционерами-заговорщиками.

Само словосочетание «Отречение Государя» зародилось в стане заговорщиков. Причем именно так и было все сделано, как планировалось, чтобы все поверили. И даже сами заговорщики уверились в том что «отречение состоялось», и те из них, кто остались живы, в последующие годы своей жизни уверяли в этом всех окружающих. Так же и немногие из тех, кто духовно был на стороне Государя, почему-то не удостоверившись, поверили революционерам и в последующие годы оперировали термином «отречение». На самом деле проект «отречение» являлся самой настоящей операцией прикрытия свершившегося государственного переворота и свержения Государя.

Я учился в советской школе в семидесятых годах прошлого столетия и отчетливо помню, что по истории СССР учительница нам рассказывала в нескольких словах о т.н. буржуазно-демократической февральской революции 1917 года и том, что «Государь был безвольный и слабый человек. Он просто поехал в Ставку, а возвращаясь оттуда, заехал в Псков и там вследствие революционных событий добровольно решил отречься от Престола». И все.

Современная российская историческая наука в той или иной степени в различных вариациях также повторяет этот выдуманный белоэмигрантскими и советскими историками сюжет и настаивает на его исторической правдивости. С небольшим добавлением о том, что на Государя было оказано определенное давление, которое он якобы мог спокойно преодолеть, обратившись к верным ему войскам с тем, чтобы выйти из устроенной ему псковской ловушки победителем. Но вот — «смалодушничал, не проявил твердой воли и отрекся». Таков посыл и всех статей, книг, аудио- и видеовыступлений, связанных с такой точкой зрения на те, далекие события.

Недавний пример — весной этого года на одном из Ютуб-каналов вышли два видеосюжета под названиями «Предала ли Церковь Царя в 1917 году?» и «Отрекался ли Царь от Престола? (Правда ли, что отречения не было?)». Также недавно на Ютуб-канале известного петербургского политика вышел сюжет, в котором он заявил, что Государь «должен был погибнуть на своем посту», но не отречься. А один из современных церковных историков договорился до того, что, оказывается, Государь «даже не захотел узнать мнения Церкви по поводу своего отречения». Мол, это он сам «запросил с помощью телеграфа мнение командующих фронтами, и от всех получил положительный ответ, что действительно нужно отречься. После этого и было принято окончательно решение. Мнения Синода он не спрашивал».

Профессиональные историки лишены опыта системного управления людьми и ресурсами и то, что им непонятно, прикрывают собственными домыслами. Начитаются каких-то мемуаров революционеров и сочувствующих им лиц и составляют на этом основании свои «кривые» выводы. Но даже и в мемуарах однозначно указано, что мнения командующих фронтами запрашивал самостоятельно генерал Алексеев без ведома Государя. Не давал ему Государь никаких указаний насчет таких запросов. Эти запросы предусматривались в плане заговорщиков — и именно для того, чтобы показать Государю, на чьей стороне военачальники и армия.

Вот в связи этими мнениями, построенными на весьма поверхностных исторических материалах, и хочется поразмышлять на тему — кому и что должен был Государь? Кому и что он должен был сказать или мог сказать? Мог ли он вообще что-то сделать? Мог ли вообще технически он погибнуть «на своем посту», как, например, император Павел Первый? Итак, давайте еще раз пройдем по всем слагаемым этих событий марта 1917 года, ее творцам и участникам — по степени их участия в этой катастрофе.

На сегодня известно, что примерно в течение 7—8 лет в период с 1910 по 1917 год заговорщики совместно с резидентами западных спецслужб через СМИ и наемных агитаторов вели кампанию по дискредитации Царской семьи, а соответственно и органов Государственной власти. Заговорщикам удалось убедить родственников Государя, значительную часть русского общества, священство в том, что Россией правит вечно пьяный и развратный громила-мужик Распутин, а Государь и Государыня только беспрекословно исполняют его требования. Конечно, какой нормальный человек будет терпеть такое положение вещей во власти? Но какой нормаль-

ный человек, не удостоверившись в таких обвинениях, поверит? А ведь поверили. Значит — были уже ненормальные? Но что значит ненормальные? Это люди духовно ослепленные — или частично, или полностью.

16 декабря 1916 года был убит друг Царской семьи Григорий Распутин. Развратники и безбожники убили праведного православного христианина. Контрольный выстрел сделал офицер английской военной разведки. Этому убийству радовалось почти всё российское общество во главе с Царскими родственниками. Это, как говорят, был «первый выстрел революции».

В рамках реализации плана заговорщиков Государь в конце февраля обманном путем был вызван в Ставку, где генерал Алексеев уговаривал его принять требования революционеров. Государь не поддался на эти уговоры. Даже большевистский журналист Михаил Кольцов отметил стойкость Государя: Он пишет, что Алексеев вышел от Государя «ни с чем, вернее с повышенной температурой. Старик сваливается в постель, он ничего не может сделать с упорным своим монархом». Государь для подавления бунта в Питере снаряжает отряд генерала Иванова и покидает Ставку. А Иванов, по словам самого Гучкова, был с ним «в добрых отношениях». Да еще генерал Алексеев вдогонку соответствующую телеграмму послал. Поэтому миссия эта была обречена на провал изначально.

В ночь с 27 на 28 февраля к Государю пришла телеграмма от выборных членов Государственного совета, в которой они настаивали на решительном изменении Императором «направления внутренней политики согласно неоднократно выраженным желанием народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета министров». Подписали: барон Меллер-Закомельский, Вернадский, граф Толстой, Ольденбург и др. — более 20 подписей. Здесь, как говорится, комментарии излишни. Государственный Совет был на стороне революционеров.

1 марта на станции Дно на Государя было организовано покушение на убийство. Заговорщики реально хотели его убить, планируя столкновение еще одного поезда с царским. Но бдительность жандармов, которые выявили поддельный путевой лист, и ответственность дежурного стрелочника помешала. Здесь замечу, что если бы государь погиб естественным образом в результате несчастного случая, то это заговорщиков вполне устроило. Но принародно в Ставке или в Пскове его никто не стал бы убивать, наоборот — его уже

берегли, ибо только так можно было довести операцию под названием «отречение» до логического и победного конца.

2 марта приходят сведения, что дворец в окружении восставших войск. Личный конвой предал и ушел, оставив Царскую семью на растерзание войскам, подконтрольным заговорщикам. Государя ставят перед фактом, что его семья находится в руках революционных войск, которые, если Государь не будет вести себя покладистой, при соответствующей команде готовы ворваться во дворец и применить насильственные действия по отношению к Государыне и Царским детям. Генерал Лукомский утром 2 марта заявил о том, что «выбора нет, и отречение должно состояться» и что «вся Царская семья находится в руках мятежных войск», и если Государь не согласится, то «произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям...»

Причем, хоть всё и завуалировано словом «эксцессы», все понимают, о каких насильственных действиях, особенно по отношению к Царским дочерям, идет речь. Государю также объявляют, что подвоз снабжения в действующую армию будет остановлен. Армия останется без продовольствия и боеприпасов. Также сообщается, что командующие фронтами откроют эти фронты для германских войск. После обеда 2 марта Государю предъявляют телеграммы от Главнокомандующих фронтами и Великого князя Николая Николаевича о том, что все они поддерживают требования заговорщиков и находятся на их стороне. Родственники Государя после истории с убийством Григория Распутина также жаждут его низвержения и имеют глубокое взаимопонимание и тесные взаимоотношения с заговорщиками. Священноначалие также вошло в контакт с Временным комитетом Государственной думы, т.е. не с Государем, а с террористами, устроившими революцию. Государя, что называется, «обложили со всех сторон».

Предположим, что Государь пошел на уступки для спасения своей семьи и армии: вступил в переговоры, что-то пообещал или даже подписал карандашом какую-то телеграмму, воспринятую и предъявленную впоследствии революционерами как «акт отречения». Историки говорят, что подпись карандашом на такого рода документах — это обычное дело. Но это неправда. Ни одного Манифеста таким образом не издавалось. Получается, что для графа Фредерикса, который якобы заверял эту бумагу, чернила нашлись, а для Государя нет? Карандашом подписывались различные телеграммы с боевыми задачами, приказами, распоряжениями и прочей т.н. «рабочей» документацией. Если это телеграмма, то

тогда карандаш уместен. Но сами же историки утверждают, что этот документ есть самый настоящий манифест или царский акт. Во всех СМИ и на информационных тумбах этот документ был опубликован как «Манифест». Это был т.н. «массовый вброс», массовое дезинформирование общества при помощи документа, которого на самом деле не существовало. И этот подлог историков и богословов не смущает. Да и про то, что сама подпись Государя могла быть искусно подделана, тоже немало сказано.

Вспомним тот факт, что Шульгин и Гучков ночью 3 марта сами послали телеграмму из Пскова на имя Начальника Главного Штаба: «3 марта 1917 г. Просим передать Председателю Государственной Думы Родзянко: Государь дал согласие на отречение от Престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции... Манифест последует немедленно в Пскове... Гучков. Шульгин». Как же так? В кармане у Гучкова, уже находился тот самый, т.н. «манифест об отречении» от 2 марта — документ, который нам сегодня предъявляют как неопровержимое доказательство отречения, а он ночью 3 марта, уже после всех событий, шлет в Питер телеграмму о том, что «Государь дал согласие на отречение от Престола» и что еще какой-то манифест «последует немедленно в Пскове»?

А в т.н. стенограмме отречения Николая II, составленной начальником походной канцелярии Нарышкиным, записано: «Депутаты попросили вставить фразу о присяге Конституции нового императора, что тут же было сделано Его Величеством». Но никаких слов о «присяге на Конституции» в известном нам историческом документе нет. Есть только слова о том, чтобы принести «ненарушимую присягу». Это может означать, что Государь, возможно, подписал какой-то другой документ, который заговорщиков не устроил, и вместо него они подложили то, что теперь называют «актом об отречении».

Государь пишет в дневнике о том, что он передал Гучкову и Шульгину «подписанный и переделанный манифест». Ну и где этот манифест! Что в нем написано? Вместо «манифеста» нам предъявляют какой-то документ, под названием «акт об отречении», да еще существующий в нескольких экземплярах, каждый из которых называют оригиналом. Но из дневника же видно, что Государь никаких «актов» не подписывал. Таким образом, имеется целый ряд данных, которые не соответствуют друг другу, но вместо того, чтобы исследовать эти факты, о них просто умалчивают.

С другой стороны, Государь сам обладал высшими военным и юридическим образованиями и прекрасно сознавал,

что никакой легитимной передачи власти он не осуществлял. Он что, должен был легитимно передать власть этим террористам, разбойникам и убийцам? Государь не имел никаких иллюзий, касающихся личных нравственных качеств и управленческих способностей своего брата. Он прекрасно понимал, кому достанется власть.

Вот если к вам придет разбойник с подписанной карандашом бумагой от вашего отца, который находится у него в плену, о том, что отец всё свое богатое наследство передает не вам, а разбойникам, — вы этот факт смиренно примите и поверите, что отец это сделал добровольно? И будете всех убеждать, что такие действия законны?

Для церковного человека не должно иметь значения, подписывал Государь карандашом этот документ или его подпись подделали. В любом случае этот документ является фальсификацией. Кто мешал революционерам, раз уж Государь, по их мнению, «добровольно отрекся от Престола», оформить манифест, оформить всю передачу власти легитимно — когда он вернулся 9 марта в Царское Село и фактически был их пленником? Никто не мешал и ничто не мешало, кроме всеобщего умопомрачения, которое длится и по сей день. Революционный дух продолжает жить в наших душах и не дает возможности увидеть реального положения фактов и обстоятельств обсуждаемых событий. Мы продолжаем мыслить категориями революционных иллюзий. Теми категориями, которые навязали политические преступники.

Одной из центральных фигур заговора выступал А.И. Гучков, действовавший под руководством западных спецслужб во главе с английским лордом Мильнером. Гучков писал, что он планировал «захватить императорский поезд между Царским Селом и Ставкой, вынудить у Царя отречение, затем одновременно при посредстве воинских частей арестовать существующее правительство и объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят правительство». Как мы знаем, эта часть была выполнена: императорский поезд оказался отрезанным и от столицы, и от армии.

Напомню что 2 марта власть в стране уже была захвачена. Подтверждения о том, что Государь был свергнут еще до 2 марта, существуют, но о них либо не упоминают, либо игнорируют. 1 марта начальник императорского железнодорожного полка генерал Цабель сказал Государю: «Ваше величество объявлены низложенным. Родзянко объявил по всей России о вступлении в силу нового порядка». В журнале Совета Министров Временного Правительства от 2 марта 1917 года записано: «...после произошедшего государственного

переворота основные законы Российского государства должны считаться недействительными».

2 марта, еще до появления «акта об отречении», председатель Госдумы Родзянко издал приказ, в котором объявил «старую власть низложенной». Таким образом, 2 марта власть была уже захвачена заговорщиками, и на их стороне выступили все государственные учреждения — ВСЕ, кто должен был защитить Государя и его право на власть.

Воспоминания участников событий в вагоне Императорского поезда полны недосказанности и противоречий. Дворцовый комендант Воейков пишет о том, что он «присутствовал при том тяжелом моменте, когда Император Николай II вручил свой Манифест об отречении от Трона». Шульгин — о том, «что около часу ночи, а может быть, двух принесли второй экземпляр отречения». Это в принципе подтверждает слова Воейкова, если он присутствовал при вручении первого экземпляра. Причем Шульгин указывает, что Государь подписывал текст на трех-четырёх **телеграфных бланках**.

Генерал Данилов пишет, что «через час или полтора в вагон генерала Рузского были доставлены подписанные Государем манифест об отречении в двух экземплярах...», то есть что Государя при этом уже не было. А Рузский пишет, что Государь при этом был: «...явился Фредерикс с напечатанным на машинке актом отречения, который Царь тут же подписал. Комиссары предложили Фредериксу контрассигновать подпись». Гучков пишет, что Государь был только при согласовании текста, а о дальнейших событиях умалчивает.

И, наконец, полковник Мордвинов сообщает, что когда «манифесты были наконец около часу ночи переписаны, как их от Государя принесли в купе к графу Фредериксу ...», т.е. что Государя при этом не было. Что касается подписи графа Фредерикса, то генерал Воейков утверждает, что Министру Двора «предложил» поставить подпись Государь. Но вот генерал Рузский пишет, что это «предложили» комиссары. Это же подтверждает и полковник Мордвинов. Единomyслия, как мы видим, нет, хотя все присутствовали при описываемых событиях лично.

Мемуарная литература не может являться и приниматься в качестве «железных» доказательств объективности того или иного события, ибо мемуаристы всегда субъективны. Все мемуары претендуют на исключительную достоверность, хотя, по сути, выражают только точку зрения человека в зависимости от его духовно-нравственного состояния. Например, генерал Дубенский, которому принадлежит известная фраза о том, что «Государь отрекся — как эскадрон сдал».

Его написанные в эмиграции воспоминания, как считают историки, существенно расходятся с показаниями, данными им в августе 17-го года Чрезвычайной комиссии Временного правительства «по тону, по целому ряду любопытных деталей». А его отношение к Государыне, про которую он посмел сказать, что «она страдала психозом», выдает всю низкую сущность и подлость его натуры. И этого прохиндея нам навязывают в свидетели.

Журналист Михаил Кольцов заключает: «Почти все в своих зарубежных воспоминаниях рисуют яркие картины своего героизма, верноподданнического упорства в отстаивании династии. Всё это, по их словам, разбилось о мягкую «христианскую» уступчивость царя, его непротивление и мирный характер. Конечно, это историческая ложь, нуждающаяся в разоблачении. Достаточно даже беглого знакомства с генеральскими мемуарами, чтобы разглядеть толстые белые нитки, которыми они шиты. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал царя один царь. Не он погубил, его погубили».

В воспоминаниях свидетелей т.н. «отречения» царит сплошной хаос и значительные противоречия. Их показания надо разбирать построчно.

Государя предали, нарушив воинскую присягу, все высшие командующие Российской армии и спецслужб — Алексеев, Рузский, Корнилов, Брусилов, Колчак, Эверт, Непенин, Сахаров и другие. Отдельно нужно сказать о генерале М.Д. Бонч-Бруевиче. С начала войны он непосредственно руководил, а впоследствии курировал деятельность разведки и контрразведки Северо-Западного и Северного фронтов. Это он совместно с Гучковым и при поддержке Велико-го князя Николая Николаевича состряпал т.н. «дело полковника Мясоедова». С марта 1916 года на генерала Бонч-Бруевича было также возложено командование военным гарнизоном г. Пскова, где была подготовлена ловушка для Царского поезда.

Нам предлагают посмотреть на эту поездку Государя, как на обычную рабочую, но неудавшуюся прогулку. А на самом деле — это была глубоко продуманная многоходовая операция специальных секретных служб, от которой ожидался вполне планируемый результат — либо физическое устранение Государя, либо устранение под видом его добровольного отречения, иначе страна не поймет и не примет новую власть.

Государь знал о заговоре против него. 31 декабря 1915 года от агента русской разведки за границей под псевдонимом

«Вебер» пришла шифровка следующего содержания: «В армии существует крепкое ядро офицеров, желающее и организуемое государственной переворот и способное его провести. Цель: установление действительно конституционной монархии с Великим князем Михаилом во главе. Царствующий Государь должен быть устранен от престола в подходящий момент. В проведении плана уверены. Обеспечено действие некоторых крупных генералов. Вебер».

1 марта Великий князь Михаил в телеграмме призывал Государя: «Забыв всё прошлое, прошу тебя пойти по новому пути, указанному народом». Из этого заявления видно, что Великий князь выступал на стороне главарей заговора Львова и Гучкова. Протоиерей Георгий Вахромеев в своей книге «Подвиг Царского служения» пишет: «Очевидно, что Михаил уже давно был в сговоре с изменниками и знал о нескольких вариантах низложения с престола своего брата».

Мать Государя Императрица Мария Федоровна также считала, что ее сын-Император всё делает не так, поскольку он попал под влияние своей супруги. В дневнике от 21 августа 1915 года мать Государя называет свою невестку «психически ненормальной» и «сумасшедшей». А в январе 1917 года она пишет о святой Императрице, что она «своеволием только увлекает всех нас в пучину несчастий», «всех ненавидит и мечтает о мести».

Великий князь Николай Михайлович был самым яростным критиком Государя. То же самое, можно сказать о Великом князе Александре Михайловиче. Он также выступал на стороне «прогрессивных сил». В своем известном письме к Государю от 1 января 1917 года сетовал: «Приходишь в полное отчаяние, что Ты не хочешь вынуть голосам тех, которые знают, в каком положении находится Россия, и советуют принять меры, которые должны вывести нас из хаоса, в котором мы все сегодня находимся». Великий князь Александр Михайлович пишет в воспоминаниях о реакции Государя на т.н. «отречение Михаила»: «...замечание исходило от человека, который только что отдал шестую часть вселенной горсточке недисциплинированных солдат и бастующих рабочих, лишило меня дара речи». Это же ложное утверждение. Великий князь лукаво не упоминает, что на стороне «этой горсточки» выступили как он сам, так и все родственники Царской семьи, священноначалие, интеллигенция и силовые структуры Российской империи. А ведь этой фразой жонглируют все противники Государя.

Великий князь Сергей Михайлович, который в то время занимал должность полевого генерал-инспектора артилле-

рии при Верховном главнокомандующем, был на стороне заговорщиков и полагал «что наиболее подходящим лицом был бы Родзянко, пользующийся доверием». Великий князь Георгий Михайлович 14 марта из Гатчины пишет сестре Государя Великой княгине Ксении: «Ты не можешь себе представить, насколько больно читать этот помой, который выливается во всех газетах на бывшего Императора... К ужасу моему, я прочел отвратительную статью моего старшего брата, т.е. с его слов написанную корреспонденцию, а затем «интервью» Кирилла и, наконец, третьего дня Павла. Боже мой, какая гадость, это низко и недостойно, это месть, но кому они мстят? — Лежачему. Они теперь его не боятся и мстят».

Все Великие князья соучаствовали в заговоре против Государя. Может, и не напрямую, но косвенно все приложили руку к его свержению, ибо все они ненавидели его святую супругу. А за что? За то, что ее нравственная чистота была на высоте, недоступной для их земного меркантильного понимания. Они ненавидели ее за то же, за что Каин Авеля убил. И именно поэтому все они испытывали нескрываемую радость по поводу свержения Государя.

Нам еще свидетельствуют, что Государь плакал при разговоре со своей матерью в вагоне 4 марта. И даже насмеются над этим, подразумевая, что он плакал от безысходности — по слабости и малодушию. Да не от слабости Государь плакал, а от горя. Оттого что прекрасно понимал и предвидел все последствия, которые обрушатся на Русскую землю в связи с клятвопреступлением народа. За эти слезы Государя мы уже более ста лет расплачиваемся слезами и кровью — морем слез и морем крови. И конца этому не видно, ибо мы не только не подошли к покаянию, но даже и не понимаем, и не хотим понимать всей глубины той катастрофы, которая произошла 2 марта 1917 года.

А теперь о том, предала ли Церковь Царя в 1917 году?

Церковь, которую основал Христос, конечно, не могла предать Государя, ибо она свята по определению. Но Церковь наполняют люди. А люди слабы и грешны. Да что уж там про обычных людей говорить, если нам известно, что сам апостол Петр отрекся от Христа. Правда, потом покаялся. Что же удивляться тому, что от Государя отреклось практически всё священноначалие и духовенство Русской Православной Церкви? Судить о том можно даже не по тем дням, в течение которых совершалось свержение Государя, а по всемо последующему периоду послереволюционных событий.

Некоторые современные церковные историки и богословы называют данное заключение безосновательным и даже

виноватого нашли в лице современного историка Михаила Бабкина, опубликовавшего множество свидетельств этого отречения. Не будем здесь обсуждать выводы Бабкина, но представленные им данные действительно заставляют задуматься над антимонархической позицией духовенства, которое во всеобщем революционном порыве приветствовало «зарю новой жизни» и «свободу от цезарепапизма».

Известно, что имели место факты массовой сдачи священством своих личных наперстных коронационных крестов в пользу Временного правительства, как объяснялось — «на нужды Родины». На Поместном Соборе редкие голоса в защиту Государя и совершившегося клятвопреступления не принимались во внимание. После большевистского переворота были собраны деньги на выкуп Царской семьи из под ареста, но священноначалие не благословило передавать эти средства охране. Т.е. имелась реальная возможность спасти Царскую семью от расстрела, но эту возможность не только не использовали, но и намеренно уклонились от нее. Ну и что Господу оставалось с ними делать после этого?

Наш современник — митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) в своей книге «Апокалипсисы революций» касательно т.н. «акта отречения», пишет: «...этой подделки оказалось достаточно, чтобы 4 марта в своей проповеди архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов) заявил, что отпечатанный в газетах «Акт» об отречении — это якобы «документ, которым Царь Сам освобождает нас от присяги, данной на верное служение», а посему «освобожденные Самим Государем от присяги Ему мы имеем в лице Временного правительства, Государственной Думой учрежденного, вполне законную власть», которой «должны повиноваться, как повиновались не за страх, а за совесть Государю своему». «Очень удобный повод оправдания греха клятвопреступления» — отмечает Владыка Константин. Далее он пишет: «Синод, полностью потерявший понимание значимости Богоустановленной власти, не поднял голос в защиту Царя, настойчиво повторяя, что Царь сам отрекся. А кто из членов Святейшего Синода был свидетелем этого эпохального события или навестил Царя и спросил у него лично?»

Ниже Владыка приводит цитату из статьи Павла Троицкого «Русская церковь в февральской революции»: «Синод не просто узаконил клятвопреступление, не отменив предыдущую присягу и начав приводить к новой. С церковной точки зрения даже свергнутый с престола Государь оставался Помазанником Божиим». О последствиях таких действий

митрополит Константин высказывается весьма точно: «Так, отрекшись от монархии, представлявшей интересы Церкви, она подписала себе смертный приговор, который очень скоро был приведен в исполнение». «Февральская революция рассматривалась иерархами и клириками Русской Церкви не как общенациональная трагедия, а как простая смена одного государственного строя другим, лучшим. Наше тогдашнее священноначалие обнаружило полное забвение учения Церкви о государственной власти, о симфонии Церкви и Царства, о грехе клятвопреступления» — заключает Владыка Константин.

Известный текст был опубликован во всех печатных изданиях, как «Манифест». Но в Священном Синоде этот документ уже рассматривали, как «акт». И этот факт тоже никого не смущает. Вопрос о том, что произошло свержение Государя, ставили еще на послереволюционном Поместном соборе. 22 января 1918 года священник Владимир Востоков заявил: «Мы свергли Царя!.. Собор... должен сказать народу святую правду, ...что в феврале-марте произведен насильственный переворот, который для православного христианина есть клятвопреступление, требующее очищения покаянием. Только после всенародного искреннего покаяния умирится и возродится страна, и Бог возвысит нам Свою милость и благодать».

Член Поместного собора профессор Глаголев 2 августа 1918 года на заседании IV Подотдела заявил: «Если бы государь по доброй воле удалился на покой, то тогда не могло быть речи о клятвопреступлении, но для многих несомненно, что в акте отречения Николая II момента свободной воли не было».

Священник Василий Беляев на одном из заседаний подотделов Собора рассказал, что он «имел публичный разговор с одним из старообрядцев, который всех православных назвал клятвопреступниками за то, что они не будучи освобождены от присяги Императору Николаю II признали Временное правительство».

Таким образом народная совесть уже тогда подавала сигналы — взывала о том, что произошло не отречение, а свержение Государя, и что имело место клятвопреступление.

Вот это и есть настоящий диагноз всем тем, кто свергал Государя, и тем, кто радовался его свержению, и всем, кто до наших дней покрывает это преступление ложным утверждением о том, что якобы Государь отрекся от Престола и даже при этом «не спросил мнения Церкви». А как мог Государь спросить мнение Синода, мнение Церкви, будучи под арестом? Да и кто кому и что был должен: Государь

Синоду? Или все-таки Синод — Государю? Кто кому присягал и клялся в верности служения?

А историки и богословы нас пытаются уверить, что это, оказывается, Государь чего-то не спросил у тех, кто должен был ему повиноваться и защищать его без всяких вопросов и запросов. Перед кем должен был оправдываться Государь в том, что Россия ему изменила? Кого он должен был известить о своем свержении? Кому он должен был доказывать свою правоту? Заговорщикам или предателям, которые его свергли? Или своим близким, которые и дня не прожили бы, заявив об этом во всеуслышание? Тем, кто пачками посылал в Госдуму телеграммы, приветствуя «зарю новой жизни» и праздновал Пасху посреди Крестопоклонной недели? Так почти вся Россия праздновала. Всё это Государь глубоко понимал. Поэтому и молчал. Объясняться с предателями было бессмысленно. А подвергать опасности своих близких — тем более. Ему ведь даже умереть нельзя было в этой ситуации. Кто бы тогда защитил его семью?

Это перед Государем заговорщики еще как то скрывали свое истинные намерения, а Великому князю Михаилу конкретно сказали, что все члены Дома Романовых «немедленно будут вырезаны», если тот не поступит так, как требуют революционеры.

Когда в 1941 году на русскую землю пришли фашисты, то кто-то из духовенства встал на защиту родной земли, а кто-то радовался приходу захватчиков и стал с ними сотрудничать и служить им.

Потом еще предатель генерал Власов появился. Сегодня в нашей Церкви находится немало защитников Власова. Мы утратили различие в нравственных критериях. Что можно, допустимо, а что нет. Что губительно. И вот, оказывается, среди священства есть служители, которые оправдывают действия Власова и считают его чуть ли не мучеником и героем борьбы против большевизма. Да не в большевиков власовцы стреляли, а в обычных русских мальчишек. Поэтому и останется на них клеймо Иуды навсегда. И большевики тут совершенно ни при чём. Для идейного власовца предательство — это не грех. Это норма. Это средство для выживания и оправдания своего двоедушия.

Властитель дум современной интеллигенции Эдвард Радзинский оправдывает творцов революции и называет их «светлыми людьми». И ему верят — его поддерживают. А на самом деле это были предатели, действовавшие по указанию западных спецслужб, — враги русского государства и русского народа, ибо западные державы имели свой «шкур-

ный» интерес: не допустить победы России в Первой мировой войне. Но народ по своей слепоте и богооставленности выбрал революционеров в качестве своих духовных вождей, а вовсе не нравственно чистых Государя и Государыню с их безупречными детьми.

Все слои общества пронизаны были всеобщим духовным помрачением. Под личиной патриотизма и призывами к спасению родины свержение Государя вызвало всеобщее ликование и пасхальную радость. Практически весь русский народ испытывал эту радость посреди Крестопоклонной недели Великого поста. Вследствие всеобщего умопомрачения почти всё общество слепо поверило революционерам, не предъявившим никаких подлинных документов в качестве доказательств т.н. «отречения Государя». Телеграммы с поздравлениями по поводу свершившейся революции — сегодня тошно читать, но куда денешься? Это факты. Это наша история. Выбрали врагов и предателей? А как поступают с предателями? Вот так Господь с нами и поступает.

Митрополит Иоанн (Снычев) в своей статье под названием «Путь ко спасению» указывал, что «дух Православия есть дух целомудрия, нестяжания, кротости, трезвения, смирения и любви». Государь и его семья были людьми целомудренными, нестяжательными, кроткими, трезвенными, смиренными и имели дар любви. И именно поэтому они были противны, ненавистны и непонятны развращенному революционному сообществу и тем, кто ополчился против них. Непонятны они и сейчас для многих из нас — тех, кто продолжает мыслить революционными категориями и считает их нормой в своей системе ценностей. А особенно для «церковных власовцев».

Все родственники Государя, вся аристократия, военные, духовенство и российская элита именно так понимали и именно так изображали в своих последующих эмиграционных мемуарах деятельность Государя. В их понимании — они все были правы в своих действиях, а не правы были именно Государь с супругой. Сегодня это же мнение разделяют все их наследник: как прямые, так и духовные. Но доступный нам сегодня исторический материал опровергает это преступное мнение. Правы как раз были Государь и Государыня, а все, кто выступил против них, оказались предателями, клятвопреступниками и губителями России.

Какие слова надо еще найти и произнести, чтобы пробудить нашу совесть, чтобы мы поняли — если наше общество и сто лет назад, и сейчас считает правильным и возможным поступать так, как поступили с Царской семьей, то и Гос-

подь вправе поступить так же с каждым, кто так считает. Это наглядно показала вся история XX и начала XXI века. И если наша совесть уже не работает — атрофировалась, то давайте хоть призовем элементарную логику. Ведь Господь смотрит не просто на слова, на действия человека. Он смотрит на расположение его сердца. На то, как было расположено сердце каждого человека в те мартовские дни 1917 года. Оно тогда радовалось или плакало? Ликовало или скорбело?

И сегодня Господь смотрит на сердце каждого из нас, на наше отношение к тем мартовским событиям. Ибо, по словам Христа, «каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф.7: 2). И какой мерой мы меряем жизнь и убийство Царской семьи, такой Господь и отмеряет каждому из нас.

Наши церковные историки и богословы также предлагают нам забыть о том, что в реальности случилось 2 марта 1917 года, пытаются убедить, что эта дата никак не связана датой убийства Царской семьи. Предлагают всё забыть, принять лживые доводы революционеров. Но наша совесть и боль от совершившегося злодеяния, от предательства, свержения, унижения, убийства Государя и его семьи твердит: «Не могу»!

КРЕСТЬЯНСКАЯ РУСЬ: МЕЖДУ ИКОНОЙ И ДУБИНОЙ

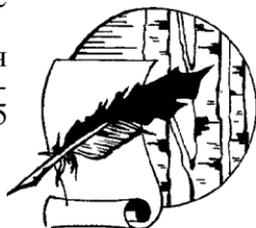
К 130-летию со дня рождения С.А. Клычкова (1889 — 1937)

1

Сергей Клычков не расстреливал никого. Он навоевался в Первую мировую. В то время, когда его кумир Александр Блок тосковал в тыловом обозе, а его будущий друг, санитар Сергей Есенин, читал Великим княжнам стихи в Царкосельском госпитале, Сергей Клычков набирался немецкой шрапнели на передовой. Где-то рядом с шашкой наголо летал Николай Гумилёв. Остальные нюхали кокаин и пили запретный самогон в артистических кафе Петрограда, спорили об особом русском пути и революции. В одно из таких кафе, «Бродячую собаку», частенько заходил ещё не то чтобы Троцкий, но уже и не Бронштейн. Прислушивался...

Человеком «ослепительной красоты» называла Клычкова Ахматова, «голубоглазым цыганом» Цветаева. «После расстрела Клычкова, — записала Надежда Мандельштам, — люди в Москве стали как-то мельче». Стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...» Есенин посвятил именно ему.

...Сергей Клычков после возвращения с фронта мечтал только об одном — писать. Революции ему хватило ещё в 1905

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

году, набегался с Конёнковым (в будущем — прославленным скульптором) по баррикадам декабрьской Москвы. Батальон Семёновского полка, усиленный казачьими сотнями, желание «похулиганить» отбил надолго. Военных впечатлений с фронта — тоже хватило. Хотелось писать.

Оставшиеся двадцать лет жизни Клычков посвятил только этому. Он успел очень много: книги стихов, три романа, несколько прозаических сборников, статьи, рецензии...

Его, Алексея Ганина, Сергея Есенина, Петра Орешина, Павла Васильева, Николая Клюева зачислили в разряд «новокрестьянских поэтов». И зачистили всех. Ганина и Есенина в 1925 году, остальных — в 1937-м. Клычкова арестовали в августе, расстреляли на Бутовском полигоне в октябре. Два месяца ускоренного делопроизводства. «Обжалованию не подлежит».

Для меня всегда было загадкой — почему? Автор антисоветских «Собачьего сердца» и «Мастера и Маргариты» писал письма Сталину, ставился во МХАТе, Пастернаку вождь даже на домашний телефон звонил, разговаривал. Бердяев с Ильиным уплыли на пароходе подальше от Советов. Мережковский вообще вылез из одних тапочек в своей квартире в Петрограде и залез в другие в своей квартире в Париже, точно такие же, купленные по случаю. Лихачёв «отпрашивался из ГУЛАГа» на выходные — «поработать в библиотеке».

Возможно, отгадку даёт Кожин, когда приводит воспоминания Черчилля. Премьер Великобритании спросил Сталина:

— Наверное, господин генералиссимус очень сильно переживал, когда под Сталинградом решалась судьба войны?

Вождь ответил:

— Гораздо страшнее было в годы кулацких восстаний...

Речь идёт о крестьянском сопротивлении действиям новой власти. Как известно, по всей России в 20—30-е годы полыхало более 200 крестьянских восстаний, некоторые из них, например, Антоновское на Тамбовщине, власть душила боевыми отравляющими газами — против своего народа. Если, конечно, для Тухачевского и компании это был «свой» народ.

Но голосом именно этого народа и были Есенин, Клюев, Клычков... И если Есенина из песни уже не выкинешь, то остальные и в 90-е годы двадцатого века не дождались своего подлинного возвращения. Всё их куда-то норовили и нороят утащить: к рушникам и туесочкам, в чащобный дым сектантства и солярных свастик, к лешим и домовым. Даже песни на стихи Клычкова известных рок-групп на альбомах приписывали Мандельштаму. Так оно «культурнее»...

В минувшие выходные на родине Сергея Клычкова в деревне Дубровка Талдомского городского округа Московс-

кой области был праздник, посвящённый 130-летию поэта. Открылся отреставрированный музей-усадьба Клычкова, выступили поэты, певцы и народные коллективы.

Всё вроде бы ничего. Кроме одного. Русская культура и её родниковый голос — Сергей Клычков — и сегодня в стороне. Оно и понятно — он писал о святости. И искал её в своём народе. Это не модно. И «не культурно». Вот если б свальный грех и голые пионерки — тогда б деньги на восстановление усадьбы не пришлось искать целых двадцать лет. Русские и так свою родину любят, зачем им и их культуре ещё и деньги давать? Примерно так размышляют любители гоголь-моголь-центров и лебедей Розенталя во власти. Пока не слышат рёв моторов Panzerwaffe в полях Подмосковья, тогда, конечно, другое дело, тогда — русский народ, спасай нас! Главное, чтоб не поздно было...

2

Революции и гражданские войны не вскрывают лучших черт человеческой природы: каины и авели кровавого междоусобья не так библейски отчётливы, как их древние прототипы. Поэтому после русской революции 1917 года перед отечественной словесностью, расколотой на «два отечества», встаёт обращённый к прошлому вопрос — что остаётся свято на фоне «пошлой и унылой» империалистической войны (в рамках жестокой и бессмысленной Гражданской) на фоне террора, в какие цвета его бы ни окрашивали?

Образы праведников появляются в те годы у многих русских и советских писателей — образы отшельников и святителей, мучеников за веру и страстотерпцев выходят из-под пера «буревестника революции» А.М. Горького и «последнего помещика» И.А. Бунина, поэта-монархиста С.С. Бехтеева и убежденных коммунистов И.А. Ильфа и Е.П. Петрова.

О контексте «революционной святости», о «новом обществе» и «новом человеке», для которых создавались «новые святые», необходим отдельный разговор. Но оставалась *идея святости и праведности* в её тысячелетнем на Руси и двухтысячелетнем, включая опыт Рима и Византии, православном культурном контексте и в своём развитии в русской словесности.

Начало XX века принято считать временем выхода на историческую сцену нового действующего лица — масс. Появляются соответствующие философские трактаты («Восстание масс» Ортеги-и-Гассета), манифесты (итальянские и русские футуристы), социально-экономические модели (марксизм в ленинской трактовке). Западный мир «дозрел» до появления нового персонажа в своих исторических судьбах.

В России, в отличие от «третьего сословия» и пролетариата Запада, основную, подавляющую, станovouю для всей государственности роль играет крестьянство — 7/8-х населения.

Класс мелких собственников с неведомым Западу тысячелетним укладом, проникнутым религиозным духом, несмотря на «мир» и «общину» — не обезличенный (как это полагается «массе»), но глубоко индивидуальный в своём множестве, такой класс даже при немыслимом натиске на него «новой власти», пассивно сопротивляясь уничтожению, просуществовал ещё значительный исторический период, так и не став удобной для манипуляций массой.

Только в начале 70-х гг. XX века городское население в СССР превысит сельское, и в России выйдет на политическую сцену раскрестьяненная «масса».

«Масса» — понятие антихристианское, недоличностное (обезличенное) и к идее личной святости равнодушное, претендующее максимум — на кумира. XX век и есть история масс и кумиров.

В России, что заметно и в прозе «писателей-деревенщиков» в XX веке, её крестьянская (христианская) составляющая и духообразующая, «море народное» — на протяжении пяти с лишним веков (со времени создания Московского царства) являлась именно глубинным хранителем идеи святости. В «народе» искали утраченную правду народовольцы и славянофилы — эти крайности русского духа. Там её прозревали Н.С. Лесков и Ф.М. Достоевский, домышлял Л.Н. Толстой, оттуда ожидал возмездия и очищения А.А. Блок.

Именно эта стихия и выдвинула Сергея Антоновича Клычкова — поэта и прозаика, который в самые непопулярные для богоискательства времена посвящает основной массив творчества (романы и беллетристические сборники) развитию идеи святости, осознанной как проблема святости.

Первый роман трилогии С.А. Клычкова (замышлялась как девятикнижие под названием «Живот и смерть» с эпическим охватом всех сторон крестьянской жизни на протяжении многих столетий), появившийся в 1925 году «Сахарный немец» (сокращенный вариант опубликован под названием «Последний Лель»), начинается в окопах Первой мировой войны. Главный герой романа — зауряд-прапорщик (впоследствии подпоручик) двенадцатой роты Миколай Митрич Зайцев или попросту Зайчик. Он, как отмечается многими исследователями, глубоко автобиографичен (помимо сходства в «военной биографии» автора и героя, прозвище его недвусмысленно перекликается с лирикой Клычкова, где часто звучит мотив «заячьей души»: «За бедную заячью душу Я так благодарен судьбе»).

Ходивший сам в паломничество к Светлояру в поисках чудесного Китеж-града, Сергей Клычков проводит своего героя через множество искушений и испытаний в поисках «блаженной разголубой страны», вождя «безгрешного царства» русского крестьянства. Но, увы, герой романа оказывается недостойн чудесного Китежа. Больше того — и его сослуживцы-односельчане, собравшиеся в блиндаже, только лишь поначалу представляются Зайчику похожими на их ротную икону Всех Святых, но, внимательно приглядевшись, он замечает, что «...у каждого есть что-то в лице, что искажает заду-маный образ и заставляет от него глаза отвести...<...>

На какой же иконе не найдешь глубоко проведенных морщин?

Только там они прямы, как борозда после старого пахаря, который кладет борозду к борозде, как страницу к странице, а на блиндажной иконе они у всех покосились, скривились, сошлись и смешались, потому что, видно, писал ее разгульник живописец не для того, чтоб на стену, пропахшую ладаном, в тихом притворе повесить, а для того, чтоб на столб, крашенный в черную краску, прибить в знак, что в этом месте широкой дороги царит разбой и убийство.

Ходу прибавь, пешеход! Ямщик, подхлестни лошадей!

Берегись!

Берегись!

Берегись!»

И здесь ритмическая проза Клычкова становится историческим приговором! Зауряд-прапорщик Зайцев видит в чертухинских мужиках, сослуживцах по роте, будущих мародеров и насильников, которые, толпами дезертируя с фронтов Первой мировой, затопят в 1917 году сначала столицы, а потом и все крупные города и железнодорожные магистрали империи и составят основную погромную силу обеих — Февральской и Октябрьской — революций, а позже — костяк многочисленных банд и «армий» кровавого русского междуусобья.

Второй роман клычковской трилогии «Чертухинский балакирь» посвящен испытанию на праведность староверчества на примере судьбы братьев Андрея и Спиридона Емельянычей, которые не видят истины («неправды много») в православном чине. Исследователь прозы Клычкова Наталья Солнцева так описывает результаты поиска автором праведности в «чашобах сектантства»: «Вера Спиридона построена на этом убеждении. Земле — земное, и самое важное и праведное — мужицкая жизнь. Это — правда превышная. Во исполнение ее Спиридон покидает монастырь, возвращается в лесную родную сторонку, уносит из монастыря один лишь «недотяпин армяк», устраивает в подызбице свою церковь, скит «столоверческий».

Земле — земное. На земле мир плоти необорим, плоть всегда торжествует, главенствует, Непомерна плоть у молещика Спиридона, про остальных и говорить нечего. Тщетно он отбивает поклоны, спит на голых досках, звонит на чердаке, читает святые молитвы — слишком могутны его плечи, широка и окладиста борода, и силушка плотская по жилочкам течет. Ни пестом, ни крестом не отмахнешься от непомерной плоти. Совсем недалек был Спиридон Емельяныч от спасенья. Святой Пётр уже уготовал ему на том свете почетное место сторожа, а Устинька, первая жена, приходила из загробного царства уголять его плоть, чтобы дотянул он кое-как до святого, но и Спиридон не выдержал — соблазнился. Ласки Устиньки, моления оказались напрасными: пришла ведьма, бобылка Ульяна, совратила Спиридона. Пожар мельницы, в котором сгорает Спиридон, скит и иконы вполне соответствуют замыслу писателя».

В своём третьем романе — «Князь мира» — Клычков ещё глубже откатывается в глубь веков — ко временам отмены крепостного права («Чертухинский балакирь» заканчивался предвоенной Россией); временам, когда «неразменный рубль» (образ наступающего капитализма) полновластным господином входил в русскую жизнь.

Возникнув в первом романе трилогии («Сахарном немце») образ неразменного рубля становится центральным в третьем («Князе мира»), и если неудача с поисками праведника в первом романе отсылает нас через многочисленные оговорки о «праведности старой веры» (Андрей Емельяныч, книга «Златые уста») ко второму роману, посвященному староверам Андрею и Спиридону Емельяновичам, то уже из «Чертухинского балакиря» мы точно знаем: единственным святым праведником в крестьянском эпосе С.А. Клычкова становится Иван Недотяпа, и жизнь его разворачивается перед читателями именно в третьем романе трилогии («Князе мира»).

Описание этого «мужичьего святого» даётся так: он объявляется уже по зиме — в дырявом армяке, сквозь дыры которого «лоснились завитками и кольцами тяжёлые вериги», обувь была соответственной, да и сам он «с лица походил на икону безвестного страстотерпца». Заставшая его в странной задумчивости Лукерья неспроста называет про себя Недотяпу юродивым: «Вот юрод, сбоку рот...» Как и положено юродивому, он говорит загадками и присказками: «округ народа чёрная сила <...> доброе дело совершить нельзя, всякое доброе повернётся на злое, потому что святость у нас только у аналая». Да и вообще «святости в народе не осталось, а если и осталось, так самая малость». Из его слов мы узнаём:

он направляется ко Гробу Господню «в Ерусалин-град по обещанию», где и надлежит Ивану Недотяпе закончить свой подвижнический путь, перенеся оттуда на Афон негасимый огонь в рукаве армяка (о чём нам уже известно из предыдущего романа). Путь этот ему предстоит проделать пешком, странствуя и питаясь подаянием. Позже мы узнаем, что афонский молчальник скажет про него: это был ангел Божий в человеческом обличье — важные для уяснения святости Недотяпы слова, потому что именно «земными ангелами» и «небесными человеками» зовут в Православии... монахов.

Подвиг юродства на Руси (и вообще на православном Востоке) был *иноческий* по преимуществу. С.А. Клычков описывает кончину Недотяпы и его погребение «по монашеству» под именем Варсонофия. Поэтому предположение о том, что незадолго до смерти Иван Недотяпа принял монашеский постриг (со сменой имени на «Варсонофий»), не кажется маловероятным.

В итоге мы видим: в крестьянском эпосе С.А. Клычкова через толщу и пестроту времён и персонажей, через самобытность староверческого уклада и трагическую правду о русском сектантстве, через сумятицу предреволюционных военных лет сияет всего лишь один образ — образ «мужичьего святого». И это не «сказочный Лель» в погонах подпоручика царской армии и не истовый мельник Спиридон Емельянович в еловом чаду лесной литургии, *этот совершенно каноничный* (хотя и выдуманный) *русский святой* — крепостной мужичонка, *Христа ради юродивый* Иван Недотяпа, в монашестве Варсонофий.

И это неслучайно — ведь в годы «революционного половодья» и лихолетья начала XX века, когда С.А. Клычков создаёт свою трилогию, оказывается взысканным именно *смирное и бесприютное юродство* и странствование по миру. Что более чем объяснимо — ведь не только «социально активное христианство» Гоголя, но и «осёдлая» праведность Лескова становятся в богоборческом государстве (физически уничтожившем к тому моменту около ста тысяч монахов и священнослужителей) совершенно невозможны. Остаётся — юродить (чаще всего, странствуя, как недавно канонизированная блаженная Матрона) и смиряться, отдавая кесарю «кесарево» и сберегая в душе Богово.

Опять же более чем объяснимо и то, что как раз незадолго до «нового закрепощения» (коллективизации) Клычков возвращается в своём художественном осмыслении к временам крепостного права и именно там находит созвучную подступающей действительности реализацию идеи святости.

ДУБЕНСКАЯ ДЕВКА

(Глава из романа «Чертухинский балакирь» (издан в 1926 году), в которой леший Антютик рассказывает Петру Кирилычу «чащобную версию» происхождения Вселенной, откуда берутся лешие и другие тайны, а также берётся помочь балакирю засватать мельникову дочку...)

Что у мужика деревенского язык, что у серой коровы на шее ботало, всё едино!..

Потому-то и перестали сами же верить во все эти совсем и нескладные враки про бороды, хвосты и рога, а они, то есть вся эта нежить и небыль, взяли да и кончили с нами всякое дело. Доведись это и нам: кому же придет большая охота ввязаться с разным треплом, которому только и заботы, как бы тебя понезаметней обойти да обакулить!..

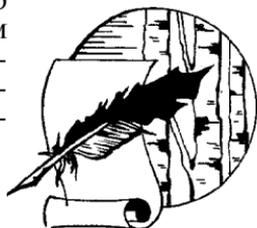
Обман — великое дело!..

От обмана нарушается вся жизнь на земле!..

Вот Петр Кирилыч говорил нам потом, какие они с виду бываю и как эти лешие вообще рождаются на свет. Оказывается, из ничего ничего не бывает, и у лешего, как и у всего, тоже есть корешок...

* * *

Разговор этот у них завелся, когда Петр Кирилыч поднялся с земли, а рядом с ним стала расти у него на глазах зеленая кочка, пока не выросла такая высокая и плечастая, что шапка на ней пришлась Петру Кирилычу в самую ровень.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

— Пойдем, Петр Кирилыч, — говорит Петру Кирилычу леший, — нечего зря провожаться...

При этих словах леший махнул длинной лапой в ту сторону, где лежит Боровая дорога, и перед ним, как по команде солдаты, кусты, ели и сосны, какие тут были, посторонились и стали еще прямее друг против дружки. Смотрит Петр Кирилыч, пролегла сразу, как шнуру у портного в руках, прямая тропа, похожая очень на просек, только не просек, потому просек проложен не тут, а гораздо правее. Эта тропа так и осталась с тех пор, хотя рошу не раз уж сводили, пока совсем ее не dokonали.

Пропали лесные тропки — было их в старое время в лесу, как паутины в углу: там зверь пройдет, там богомолец — заросли они травой и мхом затянулись... Только на Антютиковой тропе и по сию пору растут один белоус да костырь, как щетина, потому много позднее прогнал Антютик по этой тропе всех больших зверей из нашего леса — куда, неизвестно!

Заказал, вишь, старый леший на этой своей тропке никакой съедобной траве не расти, чтоб была она ему в вечную память!..

Вот только знают ли про это про всё Ивашка Баран да еще Сенька Денщик? По этой тропке они в сенокосное время теперь на лисапетях на Дубну к Боровому плесу ездят купаться?.. Начальство!

Наверно, что нет!..

А мы вот всё помним и знаем!..

* * *

Идет Петр Кирилыч рядом с Антютиком и разглядывает его во все глаза: как это, дескать, леший выглядит во всей его полной натуре?

Допрежь всего у него нет никакого хвоста... Этот хвост прицепили ему совсем противу природы... Видит еще Петр Кирилыч, что леший одет вроде как он, в таком балахоне, каких уж теперь совсем и не носят, потому что вышли из моды, но только если по разности на него будешь смотреть, сначала на ноги, скажем, а потом на башку, так станет чудно — ни на одном человеке того не увидишь: будешь долго смотреть, а никак не решишь, что это — мужик стоит перед тобой али баба...

Когда его Петр Кирилыч об этом спросил, то есть почему это он похож то на мужика, то на бабу, так Антютик ему только и сказал:

— Этого, — говорит, — ты, Петр Кирилыч, сейчас не поймешь, а вот когда я тебе сосватаю дубенскую девку да тебя со Христом поженю, тогда и увидишь, что это такое: это, — го-

ворит, — оттого, что в нашей лешей природе никакого сунгуза не бывает!..

А что это такое за сунгуз такой, Петр Кирилыч расспросить его постеснялся, а повёл речь издалека и о другом...

— Скажи, сделай милость, — говорит Петр Кирилыч, — вот когда меня мать, царство ей небесное, на этот свет родила, так Петром назвала, а как у тебя будет имечко?..

— Как же, как же, — отвечает леший, — без имени никакой вещи на свете не существует... Зовут, — говорит, — меня мужики Анюттик, а бабы Анчутка...

— На Анютку похоже, если как бабы!..

— Только, видишь ли, меня мать не родила!..

— То есть как же это так не родила? — удивляется Петр Кирилыч. — Откуда же ты на свет выскочил?..

— Я же тебе говорил, Петр Кирилыч, что у нас всё по-другому... У нас всё касательно того-сего идет без сунгуза... Трудно мне тебе объяснить: мы родимся совсем по-другому!..

— Вот бы послушать! — говорит Петр Кирилыч...

— Э?.. Разъело губу?.. Любопытна же эта ваша порода, страсть... Только себе на погибель, потому человеку... многое лучше не знать!..

— Нет, уж ты, Анюттик, мне рассказал бы... Если тебя там сумление какое берёт, что, дескать, потом всем разболтаю... так, ей-ей, во мне, как в могиле!..

— Да мне-то што... тебе и так ни в чём не поверят... скажут: балакирь!..

— Верно, Анюттик! — печально согласился Петр Кирилыч...

— По этому самому: слушай...

Лес, кажется, так и наклонился к земле, низко распушили свои подолы столетние ели, сосны взбучили шапки, и березы выставили на ветер маленькие ушки, которые только-только обозначились в ветках, слушают они, видно, вместе с Петром Кирилычем своего лесного хозяина и никак наслушаться не могут.

— Родимся мы не в естестве, а от молонья... Вот когда молонья ударит в какую-нибудь елку в лесу или сосну, только в такую, у которой непременно не меньше ста поясков на комле... Знаешь, по чему у дерев считают года?..

— Понимаем! — отвечает Петр Кирилыч.

— Так вот, когда в такую стогодовалую елку ударит молонья, и расщепит ее напополам, и сожжет ее по самую землю, так в горелом пне после нее долго потом сидит небесный огонь, как в материнской утробе... Наподобие как и у человека: семя жены, по писанию!..

— А-а-а... — протянул Петр Кирилыч, — семья жены?..

— Да... Проходит так год, а может, и больше, и два, и десять лет может пройти — какая погода — пень этот стоит и стоит, пока у него, у пня, не вырастут руки и ноги и в самом верху из-под мха, которым он за эту пору весь обнесется, не прорвутся гляделки с зеленым таким огоньком, каким горят все гнилушки в лесу... Только опять надо тут различать... различать надо так же, как и в человеке, — один человек гожий, а другой такой, что, кажется, сотню раз лучше бы было, если бы он совсем на свет не казался, — так и с каждым пнём в лесу: один пень и пень, ни на что другое не годный, как только подкуривать им в подовинье, а другой пень годящий — его в печку не сунешь и голыми руками не возьмешь...

— Н-нно! — не удержался Петр Кирилыч.

— А что? Не веришь? Никакой вагой такого пня не скорчует, когда на него, то есть как это сказать: на пень — значит, уже не на пень, а на нашего брата на вырубке где-либо наткнешься...

— А ведь это вот как часто бывает... семь потов сгонит, а хоть бы с места.

— Да ты, Петр Кирилыч, лучше слушай... Известно, будешь даром потеть и наутро зря пораньше придешь: никакого пня на этом месте тебе не найти, потому пенек за эту ночь... убежит!..

— Убежит?..

— Убежит!.. А тут увидишь совсем гладкое место, и на этой плешине будет цвести земляника, сиречь ягода, которая только там и растет, где леший погрееет на месяце спину... Пригрееется леший, заснет, а заснувши под месяцем, и не заметит, как стукнет об землю золотое кадило и поплывут по полю и лесу туманы, и в этом кадильном дыму леший будет на этот день уж не леший, а... пень!..

— Пень? Скажи, сделай милость! — дивится Петр Кирилыч...

— Только опять про то же: надо его различать, а то в лесу разведешь землянику, а печку зимой будет нечем топить!..

— Не знаю уж доподлинно кто, а кто-то мне про всё это рассказывал в полной подробности... — замысловато закинул Петр Кирилыч, до того ему всё было интересно выпытать да разузнать. Благо такой случай...

— Не знаю уж, какой Фрол тебе плел... только, Петр Кирилыч, слышишь ты это впервые... потому этого человеку не дадено знать... У человека и разум человеческий, а у зверя — звериный... а у нас вот ни то ни другое, но... если то и другое сболтать... да ты, я вижу, мало что понимаешь?..

— Как не понять? Понимаем!.. Только дивлюсь вот, как у тебя всё это выходит кругло!..

— Не-е-ет!.. Ничего ты, Петр Кирилыч, я вижу, не понимаешь! В мире, Петр Кирилыч, всё круглое. Недаром же ты сам дивился на месяц: выплывет в иной раз — как от хорошего токаря большое блюдо кто вынесет... Да, брат, делали всё это не плетари какие-нибудь, а золотые умелые руки: без ошибки!.. Потому круглый месяц, круглое солнце, кругло и колесо... у телеги, потому что телега иначе не стронется с места, а на то она и телега, как на то же и месяц, и солнце, чтоб не стоять на одном месте, а катиться и катиться по небу. Куда?.. Вот этого, брат, никто уж не знает, потому у этой дорожки нигде нету конца.

— Астроломы знают!..

— Астроломы — дуrolомы: не знает никто... Мир, Петр Кирилыч, как большая кадушка, и в этой кадучке засол без прокиса... Знаешь, как бабы солят огурцы?

— Ну вот бы не знать... Сперва воду до ключа греют, а потом соли кидают...

— То-то и дело, что соль... А сколько вот, чтобы огурцы не прокисли?

— Не мало, не много, а так... чтобы враз...

— Ну вот, по этому по самому любая баба больше знает о мире, чем астролом... Потому астролом огурцов не умеет солить... И как бабы солят их, тоже не знает... Всё дело в яи... чке...

— А-а! То-то Мавра солит с яйцом...

— Видел: яйцо в рассоле плавает, вниз и вверх само по себе, куда ни захочет... само.

— И верно, хороши у нее огурцы...

— То же самое вот, к примеру, и наша планида. Плавает она в рассоле в кадучке, большой зеленый такой огурец, и жизнь на ней как огуречный душок: потому хороший... рассол...

— Так же, значит, и... звёзды?..

— Полно, Петр Кирилыч, какие там звёзды: клюква это растет... Это нам отсюда кажется: звёзды!..

— И блюдо круглое...

— В мире, Петр Кирилыч, всё круглое... Потому, Петр Кирилыч, человек, если ты сам на себя поглядишь хорошенько, к примеру сказать, тоже круглый...

— Круглый?..

— Круглый... Только, Петр Кирилыч, круглый дурак... потому думает про себя, что он очень умный, а на самом-то деле, что и к чему у него всё перед глазами — не понимает и никогда не поймет...

— Где понять... — согласился Петр Кирилыч, взглянув на небо.

— Да, не поймет, — повторил Антютик, тоже пощурившись кверху, — потому у того, кто это всё делал, остался... секрет...

— А кто это... будет?.. — хитро спрашивает Петр Кирилыч.

— Не знаю, Петр Кирилыч, — ответил Антютик, — ей-богу, не знаю!..

«А вот отец Миколай, верно, знает!» — подумал про себя Петр Кирилыч...

— Ну вот, Петр Кирилыч, как у нас с тобой всё это складно вышло, — вдруг заговорил Антютик весёлым шепотком, — потрепались малость и незаметно пришли...

Взял Антютик Петра Кирилыча за руку и остановился...

— Ты пригнись-ка к земле... послушай хорошенько, как твоя краля поет: голосок у неё соловьиный!..

Петр Кирилыч пригнулся и по росе услышал, как в прибрежных кустах защелкал первый, должно быть, только что прилетевший на Дубну соловей — водилось их на Дубне в старое время, сказать теперь, — не поверят!..

Запел соловей и разлился весь сразу, словно серебристый горох на воду рассыпал, а потом опять причмокивать начал и словно на маленьких хрустальных пальчиках прищелкивать: дескать, хорошо!.. Хорошо, черт возьми, на Дубне!.. И под его щелканье шумит в плотине вода, и замороженный лес шумит, и под соловьиные пересвисты и перечмоки вдруг в самых ушах у Петра Кирилыча запел нежный и печальный девичий голос, как бы издали зовущий и плачущий вдалеке, отчего и у Петра Кирилыча, должно быть, больно заколотилось в груди, в глазах потемнело и всё заволочлось в весенний душистый туман:

*Над серебряной рекой, на златом песочке
Долго девы молодой я искал следочки...
А следов как будто нет... Их и не бывало...
На кого же, дева-свет, меня променяла?..
Не с того ль легла тоска в сердце молодое,
Что златой песок река унесла водю?..
Что серебряной рекой увел по песочку
Барин, парень городской, мельникову дочку?..*

— Хорошо поет, Петр Кирилыч! — говорит Антютик, так и расплывшись своей скуластой рожей.

Смотрит Антютик на Петра Кирилыча, и не может Антютик понять, что это такое творится с Петром: весь он согнул-

ся и припал к земле, и руки рвут чуть заметную травку на ней, и в глаза ему словно кто налил чистой дубенской воды, отчего они стали еще светлее и чище, и синева в них переливается такая же глубокая и густая, как и у Анютютика зелень...

— Петр Кирилыч, — говорит ему Анютютик, — вот теперь и ты мне скажи, потому что и я теперь не понимаю... Я, видишь, знаю, отчего у вашего брата бывает под носом мокро, это и у зверей тоже, когда сопливая болезнь у них заведется, а также в звериной старости это бывает, но вот почему и кто это тебе в глаза сейчас налил такой чистой воды, убей меня — не пойму!..

Анютютик пригнулся к Петру Кирилычу и лизнул ему по глазам языком. Такой у него язык теплый, большой и шершавый, как лошадиный...

— Ба!.. Да она, эта вода-то, соленая!.. Отчего это, Петр Кирилыч, скажи?..

— Не знаю, ей-богу, не знаю... Вспомнилось что-то, а что... и сам я, Анютютик, не знаю, — тихо говорит ему Петр Кирилыч в самый его ноздрятый нос.

— Вот, — говорит Анютютик, — эта самая дубенская девка и есть... Теперь нам бы только ее половчее засватать... Тебе полно лежать, ну-ка, вставай... Вставай, а не то я...

Петр Кирилыч обмахнул глаза рукавом и поднялся.

— Ты тут, Петр Кирилыч, стой за кустами, а я... сейчас... живою рукой!..

— А ты ее, Анютютик, не испугаешь?.. Уж больно ты... того... неказист!..

— Это нешто: ночью нам даден зарок — войти в любой образ, хошь в овечий, хошь в человечесий... На то и луна, Петр Кирилыч, по небу плывет... Стой тут, Петр Кирилыч, а я сейчас... живою минутой.

Сказавши это, Анютютик сначала присел до самой земли, словно уминал что под собой, потом вдруг припрыгнул выше самой высокой елки в лесу и оттуда гукнул на всю округу так, что семиверстными шагами далеко по лесу загугукало перекатное эхо, и на него длинным мыком отозвался, словно в большую трубу протрубил, старый чертухинский лось, зовя к себе заблудшую на жировке лосиху, гукнул еще раз так, что ели пригнулись над головой Петра Кирилыча и по кустам прошел тихий ветер и дрожь, потом со всей высоты грохнулось оземь и у самых ног Петра Кирилыча ушел в землю...

Петр Кирилыч боится и рукой пошевелить, и каждый суточ в лесу тоже присмирел, и не шелохнется ни одна ветка, стало в лесу в этот час тихо и затаенно, как в церкви в двенадцатый час...

АТЕИСТ НЕВЗОРОВ

С некоторых (относительно недавних) пор хулители Русской Православной Церкви почувствовали полную безнаказанность и потому — открыто распоясались. Может быть, они не ведают, что творят? В том-то и дело, что прекрасно ведают и соблазняют великое множество малых сих. Перед нами — один из таких искусителей (воспользуемся услугами всезнающего интернета и методами высшей социологии неподражаемого Григория Климова).

Александр «Глебович» Невзоров. С его отчеством возникает масса вопросов, на которые нет связанных ответов даже у самого носителя. О его отце точных сведений нет, хотя ряд источников и называют Невзорова сыном ленинградского художника Глеба Сергеевича Богомолова. Сынуля, однако, с этим не соглашается: «Отец мой вообще не известен. Существует куча претендентов, но поверьте, это всё байки и сказки, и люди, которые так себя называют или даже прописаны в этом качестве в «Википедии», таковыми не являются».

И далее: «Из этих самых пап выстроилась очередь человек сто пятьдесят. Но я так и не подобрал достойного кандида-

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

та». 26 июня 2015 г. в эфире «Эхо Москвы» Невзоров заявил, что согласно наиболее вероятной версии его отцом является представитель индейского племени команчей (!), который находился в Ленинграде за 9 месяцев до его рождения во время проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Но ведь тогда — никакой он не «Глебович», а сын если и не полка, то усиленной интернациональной роты (150 чел.!!!), обязанности командира которой исполнял чистокровный команч. Можно лишь строить догадки о возможных результатах экспертизы ДНК, но вот Григорий Климов вынес бы однозначный вердикт: «легионер»!

Итак, наш герой родился 3 августа 1958 г. в Ленинграде. По роду деятельности — репортер, журналист, телеведущий, публицист, кинопродюсер, режиссер, сценарист, писатель, телепродюсер, педагог. Как отдельную позицию выделим — политик, депутат Государственной думы четырех созывов (1993—2007). И одновременно в графе образования — Московская духовная семинария, из которой специалист столь широкого профиля был отчислен с 4-го курса!..

Но мы перестанем удивляться, когда углубимся в дальнейшее изучение биографии Александра «Глебовича». Воспитывался бабушкой и матерью? Слишком уж просто. У него был шикарный дедушка со стороны мамы — генерал МГБ Георгий Владимирович Невзоров, который возглавлял в 1946—1955 гг. Управление МГБ СССР по борьбе с бандитизмом Литовской ССР.

Многие еще помнят культовый советско-литовский фильм «Никто не хотел умирать». Финальные кадры: по деревенской улице едет конная повозка с трупами убитых «лесных братьев». Подобной наглядной агитацией занимались в ту пору истребительные отряды под командованием дедушки.

А чем он занимался до 1946 года, пока выслуживал генеральские погоны? Так или иначе, но руки у него были отнюдь не в клюквенном соке. О наследственности пламенных революционеров и палачей читайте у Г.Климова.

Мама — Галина Георгиевна Невзорова (1936—2001). Журналист газеты «Смена». Вполне себе номенклатурная должность, которая в те годы подразумевала тесное сотрудничество с папиной конторой. «Опекала» приезжих иностранцев, даже команчей...

Пикантнейшая подробность: в третьем выпуске своего цикла «Уроки атеизма» Невзоров сообщил, что в детстве периодически присутствовал вместе с адъютантом дедушки (напомним — генерала МГБ) на конспиративных кварти-

рах, куда, по словам Невзорова, приходили священники, чтобы дать показание («настучать») на тех или иных своих прихожан или собраний.

Вывод: после окончательного истребления «лесных братьев» в Литве дедушка не остался без работы и получил новое назначение — курировать агентуру в РПЦ. Надежный кадр, горячий и несгибаемый член партии, озабоченный подготовкой молодой смены в лице любимого внука.

Но природу не обманешь. Наступили соответствующие гормональные изменения и взросление. То, что до времени находилось в латентном состоянии, вышло наружу (опять по Климову).

С 22 февраля по 15 марта 1975 г. внук Саша был направлен медкомиссией райвоенкомата на обследование в психбольницу №3 имени Скворцова-Степанова. Из истории его болезни (№1613/683, 1975 г.) узнаём, что угодил он туда «*в связи с сомнениями в психической неполноценности для уточнения диагноза и решения вопроса о годности к военной службе. В направлении отмечаются три совершённые в прошлом демонстративные суицидные попытки (резал кожу на предплечьях, травился амиталнатрием), увлекался наркотиками и другими медикаментозными средствами. Во время осмотра на медкомиссии держался вызывающе, был демонстративен (кривлялся, предъявлял галлюцинации). Предварительный диагноз направления: шизофрения и психопатия*» (выделено мной. — К.Б.). И вновь перед нами — характернейшая иллюстрация к трудам Климова, прямо-таки в чистом виде.

Этот документ в редакцию ленинградской газеты «Невское время» предоставил психиатр указанной больницы Михаил Васильев. После публикации 27.07.1991 г. ленинградская городская прокуратура 5 августа того же года вынесла газете официальное предупреждение, сочтя опубликованный диагноз разглашением врачебной тайны. В армии, естественно, Саша не служил.

С учетом данных обстоятельств «церковная карьера» Невзорова, не может не вызывать вполне справедливых вопросов. С 1984 г. он был певчим в церковном хоре, поскольку, по его словам, «разбирался в сольфеджио и хороший имел голос, к тому же тогда очень много платили».

Вот только церковным певчим никогда не платили «очень много», здесь Саша явно привирает. Если, конечно, не учитывать зарплату, которую он одновременно получал в дедушкиной конторе.

На послушание в женском монастыре (кому?), опять же по собственным словам, его подвиг «юношеский протестный

максимализм, никакой веры во всё это, естественно, под собой не имеющий». Ну как тут вновь не вспомнить Климова?..

Как мы уже упоминали, он умудрился поступить в Московскую духовную семинарию. Первым и главным условием успеха здесь является положительная характеристика — рекомендация от приходского священника, а иногда (достаточно часто) и положительный результат собеседования с епархиальным архиереем. О вступительных экзаменах и говорить не стоит. Как смог наш персонаж преодолеть все эти преграды — большой вопрос. Если не учитывать, само собой, всесильную протекцию дедушкиной конторы. Да и результаты медицинского обследования (того самого!) кто-то помог надежно скрыть. С таким диагнозом можно откосить от армии, но в семинарии делать просто нечего.

Уже будучи атеистом, Невзоров утверждал, что не сделал церковную карьеру по причине того, что у него — «нормальная» сексуальная ориентация. Похоже, однако, что и здесь не всё так однозначно. За имиджем брутального мачо может скрываться (до поры, до времени, даже до 4-го курса) активный «гомо» с садистскими наклонностями. Не отсюда ли и «троеженство» Александра «Глебовича»? Перелистайте Климова: подобные экземпляры всегда составляли золотой фонд агентуры дедушкиного ведомства. Так или иначе, для блага Церкви нашего семинариста всё же удалось отчислить.

Основательно наследил г-н Невзоров и в так называемом «патриотическом движении». В январе 1991 г. он снял фильм «Наши» о событиях в Вильнюсе, показанный на Первом канале Центрального телевидения и посвященный бойцам Вильнюсского ОМОНа, сохранившим верность СССР в то самое время, когда Литва объявила о своей независимости. В ноябре того же года на митинге в Санкт-Петербурге Невзоров провозгласил создание Народно-освободительного движения «Наши». Игорь Ильин, работавший в 1992—1993 гг. начальником пресс-центра программы «600 секунд», а также руководивший кампанией по выборам Невзорова в Государственную думу, в 2005 году, заявил: «Что касается движения «Наши», то оно тихо скончалось, так себя по-настоящему и не проявив. Все мы, искренне поверив Невзорову в самом начале, затем поняли, что он просто создает «массовку» для своей программы». Надо сказать, запоздалое прозрение...

Помимо этого сей «активист» числился членом редколлегии газеты «День» (тов. Проханову поставить на вид с занесением в личное дело!), членом Думы Русского национального собора, членом оргкомитета Фронта национального спа-

сения. Подобное «членство» дорого обошлось патриотам. Будучи инфицировано сверху до низу такими *ценными кадрами*, патриотическое движение на рубеже конца 80-х — начала 90-х годов потерпело сокрушительное поражение.

23 сентября 1993 г. Невзоров приезжал в осажденный Белый дом. 30 сентября того же года в своей программе «600 секунд» он, ссылаясь на Михаила Полторанина, сообщил буквально следующее: «4 октября произойдут события, которые следует принять очень спокойно». Речь шла о предстоящем расстреле и штурме здания Верховного Совета России и массовом убийстве его защитников, что в самом скором времени и произошло.

Спустя два десятка лет, в 2013 г. в интервью телеканалу НТВ Невзоров с сожалением говорил о своей «поддержке» сторонников Дома Советов и назвал их «безумной и бесноватой шоблой». Он полагал, что проявил тогда излишнюю «искренность». (Думаю, здесь у самого Григория Климова перо в руках дрогнуло бы...)

Затем, как уже было отмечено выше, в декабре 1993 г. наступил новый этап жизнедеятельности Невзорова: на пике популярности он становится депутатом Государственной думы. Сведующие люди справедливо утверждают, что политика — грязное дело. Как пример: совмещая приятное с полезным, «искренний» Невзоров в 1994—1998 гг. являлся консультантом-аналитиком Бориса Березовского... Факт позднейшего времени: в качестве помощника депутата Невзорова засветился «известный криминальный авторитет Владимир Барсуков».

Но чем дальше — тем всё интереснее. 7 февраля 2012 г. Невзоров был внесен в список доверенных лиц Владимира Путина. После антиправославных высказываний Александра «Глебовича» начальник предвыборного штаба Путина Станислав Говорухин сказал, что было бы правильным решением лишить Невзорова статуса доверенного лица. Несмотря на это, последний остался доверенным лицом и активно агитировал за Путина, назвав его «единственным, кто сможет удержать от катастрофы ежесекундно разваливающуюся империю». В интервью Ксении Собчак на телеканале «Дождь» Невзоров заявил, что легко совмещает свое критическое отношение к РПЦ и поддержку Путина. А в начале 2018 г. он же пояснил, что поддерживал Путина на выборах в знак благодарности за то, что тот в 1990-х годах отговорил своего начальника, мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, закатать убийство Невзорова (!). Вот так «доверенное лицо»!..

Одновременно это же «лицо» называет включение Крыма в состав РФ «мародерством» (однако не считает себя моралистом и не видит «ничего плохого в мародерстве»), поддерживает украинскую армию в борьбе против ДНР и ЛНР.

На творческом вечере в Москве Невзоров заявил, что после украинских событий «написал заявление об уходе из русских». Тут великий русский народ, не сомневаюсь, вздохнул с явным облегчением. Как говорится, в добрый путь!

Автопортрет ведущего интернет-передачи «Уроки атеизма» г-на Невзорова дополняют его высказывания о том, что он нормально относится к эвтаназии и абортам, считает, что каждый человек имеет право на самоубийство. В 2018 г. в интервью «Московскому комсомольцу» он же заявил следующее: «Я вообще ни во что не верю. А какие смыслы и какие причины верить в человека? Да и вообще, зачем верить? Я не очень понимаю смысл веры как таковой (...) для меня вообще ничего святого нет».

...Прав был Григорий Климов: подобное саморазоблачение — это окончательный диагноз. Механизм саморазрушения (программа самоуничтожения) набирает обороты.

г. Минск

СИБИРСКИЕ ПОЖАРЫ

Горит Сибирь... «Фонтанка.Ру» 24.07.2019 г. писала: «Почти 2 млн. гектаров леса охвачены пламенем в Сибири и на Дальнем Востоке. Горят Красноярский край, Иркутская область, Якутия, Ханты-Мансийский округ и Ямал. Масштаб бедствия виден по цифрам. К примеру, за 2018 год по всей России пожары прошли по 3,2 млн. гектаров, а в 2017-м — по 1,4 млн. гектаров... Дым от пожаров чувствуют в нескольких регионах. Среди них Омская, Новосибирская, Иркутская, Томская, Кемеровская области, а также Хакасия, Алтайский край, часть ХМАО. Жители Сибири просят ввести режим ЧС, но, по мнению властей, концентрация вредных примесей в воздухе ещё не превысила норму».

Т.е. еще можно было потерпеть. Но та же «Фонтанка.Ру» сообщала: «В населённых пунктах, в том числе в крупных городах, люди задыхаются от дыма». На сайте rolka.d3.ru читаю: «Концентрация CO₂ там до 7200—9500 ppbv в некоторых местах — это просто безумие! Для понимания: в самых грязных городах мира 1200—1500 — это максимальные значения для вечернего воздуха без особого ветра. За один июнь 2019 года в ат-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

мосферу было выброшено более 50 магатонн CO₂. В июле пожары только усилились».

Не знаю — насколько верна эта информация. Однако, сайт «Новый день» 24.07.19 сообщил: «Гарь от лесных пожаров, накрывшая сибирские города, в том числе Красноярск, может привести к росту смертности. Об этом заявил доктор медицинских наук, председатель общественного совета при Росприроднадзоре Борис Ревич. Эксперт провел параллели с ситуацией 2010 года в Москве, когда столицу заволокло дымом от лесных пожаров. Тогда, по его словам, от аномальной жары и загрязнения атмосферы было зарегистрировано «11 тысяч дополнительных случаев смерти». «Москва вошла в перечень наиболее крупных экологических катастроф в мире», — констатировал медик в комментарии РИА «Новости». Ревич заявил, что сегодняшняя ситуация в Красноярске сравнима с событиями девятилетней давности в российской столице. «Тогда антициклон держался 44 дня, поэтому последствия были такими тяжелыми», — указал он. Однако, как отметил эксперт, «ситуация в Москве легла на относительно благополучную экологическую ситуацию в отношении качества воздуха». Тогда как в Красноярске нынешняя проблема накладывается на уже существующую много лет неблагоприятную ситуацию с высоким загрязнением воздуха из-за работающих промышленных предприятий, заявил он. По словам ученого, большую опасность для здоровья людей представляет сажа, образующаяся в результате горения. Она является канцерогенным веществом. Наличие сажи в воздухе приводит к возникновению множества заболеваний и осложнений у людей, «которые уже страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями, и добавляют проблем с органами дыхания», отметил эксперт».

Паниковать начинают не только в России, но и в соседних странах. «Пекин, 31 июля. Дым от пожаров в Сибири достиг Монголии, вызвав обеспокоенность властей. Об этом сообщил представитель департамента борьбы с пожарами Монгольского управления реагирования на ЧП Пурэвжав Соронцзонболд. «Мы с обеспокоенностью наблюдаем ситуацию с сильнейшими лесными пожарами в Сибири», — цитирует его агентство Синьхуа. По словам представителя ведомства, «смог в понедельник окутал северную часть Монголии и вечером во вторник достиг Улан-Батора».

Но при этом никакой обеспокоенности не испытывают власти России.

«Фонтанка.Ру» пишет: «Лесные пожары почти не тушат из экономических соображений. Леса горят в труднодоступных районах, где затраты на тушение превышают размер возможного ущерба».

Вот еще сообщение: «В Красноярском крае которую неделю горит тайга — один из самых больших лесов на планете. Местные власти утверждают, что спасать «легкие планеты» экономически невыгодно», а губернатор края Александр Усс и вовсе заявил, что это «бессмысленно» и «даже где-то вредно», передает 29 июля «Дождь». Выступление губернатора проходило во время встречи со студентами СФУ на дискуссионном клубе «Диалог на равных». Участники встречи спросили у губернатора, правда ли тушить пожары экономически нецелесообразно. В ответ губернатор сравнил пожары с такими природными явлениями, как метель или айсберг. «Никому же не приходит в голову топить айсберг, чтобы у нас было теплее?» — сказал он. Усс также заявил, что лесные пожары — «это обычное природное явление, бороться с которым бессмысленно», а посылать людей тушить огонь в нынешней ситуации — «подвергать их бессмысленной опасности». По его словам, в крае имеются лишь небольшие очаги возгораний, а вся «драматизация» вокруг ситуации связана «с высоким уровнем задымления». Хотя смог от пожаров в Сибири накрыл часть Поволжья и даже Казахстан. На вопрос, почему не стали ликвидировать очаги в самом начале возгораний, Усс не ответил, сообщает информагентство «Борус». В конце он пожелал всем хорошего ветра и хорошего настроения».

То есть, надо уповать на то, что ветерок подует в другую сторону и станет возможно дышать. И тогда можно жить и радоваться. Но тратить деньги на спасение лесов и людей — безумная расточительность. По крайней мере, в России.

В Греции тоже бушуют пожары, их жертвами стали порядка 50 человек. В ряде районов введен режим чрезвычайного положения. По словам премьер-министра Греции Алексиса Ципраса, огонь принял неконтролируемый характер, поэтому страна вынуждена просить Евросоюз помочь с тушением пожаров. Греческие власти почему-то считают, что тушить пожары — вовсе не бессмысленная затея. Но самое интересное — реакция российских властей. Президент России Владимир Путин направил властям Греции телеграмму со словами соболезнования. «Президент выразил готовность оказать необходимую помощь в преодолении последствий стихийного бедствия», — сообщил сайт Кремля. Получается, что в России тушить пожары — совершенно бессмысленно, а в Греции — необходимо.

Я нашел такую информацию за 2013 год: «Русские олигархи проявляют горячий интерес к греческим островам. Согласно информации, поступившей на Voria.gr, уже 4—5 представителей сливок российского общества, занятых в индустрии нефти и природного газа, проявили интерес к покупке

греческих островов. «Греция является самым прекрасным земельным участком в мире» — согласно международным оценщикам недвижимости. Приобретения Рыболовьевым острова Скорпиос сыграет решающую роль для привлечения иностранных инвесторов. Интерес, по крайней мере, на начальном этапе, проявлен со стороны представителей сливок российского общества». А вот сообщение за 2015 год: «В материалах немецкой газеты Bild говорится, что в этом году по сравнению с 2014-м покупателей из Российской Федерации на греческом рынке недвижимости стало практически в два раза больше». Как говорится: дом там, где сердце...

Кстати, а почему у нас так регулярно горят леса? В качестве причин приводят изменения в Лесном кодексе, изменение климата и т.п. Но есть еще одна причина, о которой говорят уже достаточно давно. Вот сообщение с сайта «Вести.ру» от 11 мая 2007: «Пожары — прикрытие незаконной вырубке леса. Пожары в Читинской области — не только результат стихии, но и дело рук человека, а если быть точнее — «черных лесорубов». Когда оперативные силы борются с огнем, дровосеки спокойно и незаконно рубят деревья».

А вот фрагмент статьи из «Известий» от 3 августа 2011 года: «Лесными пожарами скрывают незаконные рубки. Российские браконьеры осваивают ноу-хау: чтобы скрыть незаконную порубку, они устраивают в лесу поджоги. Такие случаи уже отмечены в Сибири. Как выяснили «Известия», иркутская полиция расследует четыре уголовных дела по незаконным рубкам лесов в Зиминском, Ольхонском и Осинском районах области. Сначала там были совершены поджоги. Площадь возгорания составляла около 10 га в каждом случае. Затем на этих участках вырубались нетронутые огнем заповедные деревья, пригодные к переработке. Мол, пожар всё спишет. Ущерб от каждого из этих преступлений составил более 1,5 млн. рублей. Об этом сообщил «Известиям» заместитель начальника управления Федерального агентства лесного хозяйства Владимир Дмитриев».

А вот сообщение ИА REGNUM от 30 июля: «Лесными пожарами в Сибири пытаются скрыть рубки для Китая. «Трудно не поверить мнению защитников леса о том, что лесными пожарами пытаются скрыть незаконные рубки леса. Китайские лесопромышленники в сговоре с российскими чиновниками и черными лесорубами хищнически уничтожают тайгу Сибири и Дальнего Востока, а потом поджигают сучья и кору. Пожар все спишет!» — отметил депутат Госдумы Владимир Поздняков. По самым скромным подсчетам, ежегодно в пожаре гибнет в три раза больше леса, чем выру-

бается официально, добавил парламентарий. Он также обратил внимание на то, что ущерб от лесных пожаров рассчитывают, исключительно исходя из стоимости древесины, которую можно было бы там заготовить, то есть фактически ущерба нет. «Вред природе и здоровью людей вообще никто не оценивает», — указал депутат».

То есть Сибирь горит потому, что это такой прибыльный бизнес. И тушить нельзя т.к. пожары рентабельны, а вот дышащееся население — совсем не рентабельно. Пусть задыхается, испытывая при этом хорошее настроение...

Вот материал с сайта «Комсомольской правды»: «Громкий скандал вокруг леса разгорается в Красноярском крае. Счетная палата региона подготовила отчет о ситуации в лесоперерабатывающей отрасли. Его результаты поражают. Например, как значится в документе, в 2018 году древесины из края вывезли на 48 миллиардов рублей. А в бюджет региона поступило всего 1,6 миллиарда. Отчет разгромный — отрасль прочно срослась с криминалом, переработка древесины развита слабо, горящий лес не тушат, чтобы потом перепродать. Но публично предоставить этот отчет главе красноярской счетной палаты Татьяне Давиденко не дали. И тогда она все высказала московскому журналисту Андрею Караулову. В том числе, про угрозы в свой адрес: «Уверена, скоро на меня будет заведено уголовное дело».

Параллельно со скандалом в Красноярске утром 6 июня в московском аэропорту Шереметьево был задержан министр лесного хозяйства Иркутской области Сергей Шеверда — по делу о незаконной вырубке леса в природном заповеднике «Туколонь». 116 гектаров реликтового леса из особо-охраняемой территории ушли на древесину. Еще 500 гектаров вот-вот должны были начать рубить. И все это под видом санитарной вырубки

«Министерством (лесного хозяйства Иркутской обл.) было выдано заключение, что лес больной и подлежит вырубке. Причина — жучки, поедающие древесину, — рассказала «КП» пресс-секретарь прокуратуры Наталья Рягузова. — Мы делали видеозаписи с коптера. Кадры поражают — вырубали прямо полями! При этом весь сухостой на месте, а здоровых деревьев как раз нет!»

С привлечением специалистов-экологов прокуратура выяснила, что лес, который собирались вырубать, абсолютно здоров. «Самое интересное, что этот «больной» по мнению министерства лес по документам был продан не на дрова, а как нормальная древесина, но по заниженной цене. Ущерб от таких действий составил порядка 880 миллионов рублей, — ска-

зала «КП» Рягузова. — Нам удалось спасти 500 гектаров древнего, реликтового леса. Это заказник, уникальное место обитания птиц и животных. Особо охраняемая территория, хрупкая экосистема. Возродился ли лес там, где уже успели вырубить, неизвестно».

В целом, как считают прокурорские работники, на всей Прибайкальской территории происходит хаос. Министерство выдает разрешения на вырубку и само же проверяет законность этих вырубок. Доходит до абсурда. В прошлом 2018 году Служба по охране животного мира Иркутской области подала в арбитражный суд на Министерство лесного хозяйства как раз по истории в заказнике «Туколонь». Но в процессе суда Службу упразднили и все ее полномочия передали министерству. Так это ведомство стало и ответчиком и заявителем по делу. Само на себя в суд подало. Какая тут объективность? Поэтому и проходят такие вещи. Мы сейчас проверяем все леса, до «черных» (незаконных) лесорубов даже руки не доходят, так как многие легальные разрешения оказываются незаконными».

Самое интересное — кто эти самые таинственные «черные» лесорубы, что уничтожают леса в Сибири?.. Вот всего лишь некоторые факты. Сайт comprostat.ws пишет: «На 28 банковских счетах Усса хранится более 638 миллионов рублей...» Newsru.com сообщил интересные подробности жизни красноярского губернатора, который не желает тушить пожары: «Племянница губернатора является женой прокурора Красноярска Александра Лейзенберга, а супруга самого Усса Людмила является совладельцем «КрасноярскЛесоМатериалы» (крупнейшее в регионе деревообрабатывающее предприятие). Долями в этой компании также владеют профессор и советник Александра Усса Андрей Карпов и компания с Каймановых островов «Беринг Кэпитал Партнерз Компани». Главой представительства этой компании является сын Усса Артем, который также числится совладельцем двух отелей в Италии». Как говорит Кисилев: «Совпадение? Не думаю!»

И еще одна информация в завершение от блогера [burckina_faso](#): «При уменьшении числа пожаров в десятки раз выросла их площадь. Если до 1991 года общая площадь не достигала и миллиона гектар, то в 2018 году площадь выгоревших лесных и нелесных земель достигла 8,6 млн. гектаров по всей стране. В этом году наверное побьют и этот печальный рекорд. Всего же с 2000 года официально выгорело 47,2 миллиона гектаров лесных и нелесных земель. А это площадь такой страны, как Туркмения.

«Российский писатель»

МОШЕННИЧЕСТВО КАК СИСТЕМА

В последние годы СССР и первые годы постсоветской истории «прогрессивные» ученые-экономисты грамотно убеждали население, что стоит только перейти на либеральный хозяйственный уклад — и свободный рынок всё расставит по своим местам. Конкуренция, дескать, приведет к повышению качества продукции, а борьба за клиента заставит субъектов экономической деятельности всемерно улучшать сервис и снижать цены. Каждому гражданину бывшего СССР обещали «золотые горы» от приватизации госимущества и невиданные возможности сказочного обогащения в результате индивидуального предпринимательства. Как выяснилось впоследствии, основными бенефициарами новой рыночной экономики стал ограниченный круг приближенных к власти проходимцев, скупивших за бесценок ключевые активы постсоветских стран, а подавляющая часть простого населения утратила даже те немногие блага, которые гарантировала «отсталая» советская экономика, и осталась на обочине новой жизни, едва сводя концы с концами.

В итоге получилось так, что **диктат советской «административно-командной системы» сменился диктатом транснациональных корпораций и олигархических кланов**, гораздо более жестким и бессовестным. И с каждым годом этот диктат приобретает все более организованные и циничные формы прямого грабежа. В работе с клиентами корпорации используют как будто одни и те же методические указания, где четко расписаны процедуры привлечения потребителей (заоблачными обещаниями и выгодными условиями) и их последующей психологической обработки с целью извлечения максимально возможной прибыли.

Рассмотрим три основные сферы экономики, с которыми сталкиваются среднестатистические граждане в наше время: банковские (кредитные) учреждения, операторы сотовой связи и продуктовые супермаркеты. В каждой из этих сфер наглядно проявляется хищнический характер современной рыночной экономики, которую так продвигали либералы 90-х годов прошлого века.

1. Если ранее банки сами платили клиентам за то, что те держали свои накопления в их учреждениях, то теперь на-

метился переход к обратной схеме: клиенты платят банкам за то, что те изволят разрешить хранение у себя клиентских сбережений. Как же такое возможно в рыночной экономике? При свободной конкуренции любой банк, который вдруг резко решил ухудшить параметры обслуживания и ввести, например, отрицательный процент для депозитов, просто бы обанкротился. Однако этого не происходит в связи с тем, что все банки принадлежат узкой группе лиц и соответственно проводят скоординированную политику, ими определяемую. Решат хозяева-банкиры ввести дополнительные поборы (всякого рода тарифы за смс-информирование, частый просмотр баланса, «обслуживание» забытых клиентами счетов и карт, выдачу выписок и др.), то эти поборы введут все крупнейшие игроки на банковском рынке, так что клиентам будет деваться некуда. Антимонопольное законодательство вроде бы и запрещает сговоры хозяйствующих субъектов, но в основной массе случаев никем не соблюдается.

Каковы же сейчас установки банков по работе с потребителями? Привлечь дурака-клиента, навязав ему «выгодные» условия кредитования, разные виды карт, страховок и депозитов, а затем посадить «на крючок» и доить, как постоянного должника. Договора о банковских услугах, которые клиенты подписывают и редко читают полностью, включают массу написанных «мелким шрифтом» подпунктов, которые фактически нивелируют права потребителей и непомерно увеличивают права банкиров. Поэтому если обманутый клиент вдруг начнет возмущаться, что у него со счета списывают непонятно куда деньги или появляются непонятно откуда взявшиеся задолженности, то ему показывают соответствующие пункты договоров и контрактов, где всё четко обосновано.

Более того, сейчас банки оставляют за собой право в одностороннем порядке изменять условия и тарифы обслуживания для клиентов даже без их ведома. Дело уже дошло до прямого и массового мошенничества, когда вместо депозитов потребителям оформляют страховые полисы или впаривают инвестиционные облигации. И это ведь речь идет о более или менее «респектабельных» организациях или банках. О том, как бессовестно ведут себя мелкие кредитно-финансовые учреждения, где выбивание кредитных долгов с клиентов и изымание у них залоговой недвижимости поставлено на поток, думаю, хорошо всем известно.

2. Не отличаются особой щепетильностью в процессе отъема денег у потребителей и операторы сотовой связи. Рынок мобильных услуг в постсоветских странах, как правило, поделен между 3—4 основными поставщиками, которые имеют возможность диктовать свои «условия игры». Хозяева мобиль-

ной связи наживаются на клиентах путем постоянно повышающихся тарифов, навязыванием дополнительных платных услуг (например, во многих стартовых пакетах заложены сервисы платных мелодий-гудков), переходом с помесячной (30-31 день) до четырехнедельной (28 дней) формы абонентской платы. Интернет-форумы пестрят жалобами на то, что у многих клиентов просто пропадают деньги со счетов мобильных телефонов. Кто-то случайно нажал кнопку вызова лежащего в кармане телефона, и у него списалась внушительная сумма. У других просто исчезают деньги со счетов без объяснения причин. Многие пожилые люди, которым бывает нужен мобильник только пару раз в месяц, чтобы принять звонок от родственников или сделать экстренный вызов, вынуждены платить немаленькую ежемесячную абонентскую плату, заметно превышающую стоимость объема оказанных услуг.

3. Еще одной сферой потребительского рынка, где практикуется массовый обман населения, является сектор продовольственных супермаркетов. Если махинации финансистов и связистов касаются карманов своих клиентов, то обман продавцов пищевых продуктов зачастую представляет угрозу для физического здоровья потребителей. На просроченные товары неоднократно переклеивают ценники, испорченные продукты (например, мясо или рыбу) умело «подновляют» с помощью подручных химических средств таким образом, что они выглядят, как свежие. Многие съестные товары поступают на прилавки от производителей уже нашпигованными разного рода красителями, подсластителями, вкусовыми добавками, польза которых для здоровья весьма сомнительна. Если в прошлые времена такой необходимый продукт, как хлеб, черствел за 2—3 дня, то нынешний безвкусный хлеб может храниться и неделю, благодаря консервантам. Зафиксированы многочисленные случаи продажи в супермаркетах продовольствия, зараженного вредоносными бактериями (сальмонеллой и кишечной палочкой). При отделах кулинарии некоторых магазинов имеются специальные лаборатории, где искусство «обновить» залежалый продукт доводится до совершенства. Многие малоимущих покупателей привлекают уценкой или скидками на просроченные продукты, которые впоследствии грозят непредсказуемыми финансовыми потерями при лечении желудочно-кишечных заболеваний.

О таких банальных приемах обмана, как «неправильная» настройка весов, дополнительная плата за тару и упаковку продуктов, обсчет кассиров можно и не упоминать. Все к этому и так привыкли. Индустрии массового мошенничества в продовольственных супермаркетах посвящено немало ин-

формационных материалов в масс-медиа, и желающие могут легко найти соответствующие статьи, чтобы не попасть на удочку профессиональных аферистов.

Помимо описанных выше мошенников «в белых перчатках» существует и теневой сектор мошенничества, в котором задействованы, по некоторым оценкам, сотни тысяч людей. Простых потребителей-«лохов» организовано и массово обманывают при попытках снять жилье в крупных городах, найти высокооплачиваемую работу за границей, продать автомобиль или дачу, воспользоваться курьерскими услугами. Мошенники могут названивать владельцам банковских карт будто бы от имени сотрудников банка с целью выведать пароли и персональные данные, создавать фальшивые веб-сайты онлайн-магазинов. Широко известна криминальная мошенническая схема, когда пожилому человеку в ночное время звонят якобы из правоохранительных органов с сообщением, что «ваш сын попал в ДТП», а «для решения проблемы» нужно срочно передать деньги. Часто обманывают пенсионеров на дому и под видом работников социальных и коммунальных служб. С каждым годом мошеннические схемы совершенствуются и усложняются, приобретая всё более изобретательные «вирусные» формы.

При всей внешней яркости и комфортности антуража нашего «цивилизованного» общества, шагающего в ногу с последними достижениями цифрового прогресса, миллионы простых обывателей влчат жалкое существование на нищенские пенсии, зарплаты и пособия, пребывая в нравственной растерянности и дезориентации. Хозяева современной жизни зачастую используют их как «биомассу» в своих интеллектуально-мошеннических экспериментах. И если во времена советского строя граждане были «винтиками» авторитарного механизма коммунистической утопии, то обыватели нынешнего времени являются «винтиками» еще более безжалостного механизма экономической наживы. Сейчас миллионы наших сограждан с легкостью простаков попадают в сети финансового и кредитного рабства, из которых вырваться самостоятельно уже не могут. Как говорил персонаж одного сериала: «Мама, не ходите до ветру, там волки».

Где же выход? И как теперь быть простому российскому налогоплательщику? Прежде всего — перестать быть наивным, слишком доверчивым и неосведомленным. А для этого надо чаще читать русскую национальную прессу и русские национальные интернет-ресурсы. И наконец научиться отличать русское национальное от русскоязычного и всего хитроумно-обманного, уже имеющего признаки навязанной нам системы.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2019 год
(Июль — август)

Сколько было радости на наших каналах ТВ, особенно у ведущих программы «60 минут» Скабеевой и Попова, по поводу возвращения российских депутатов на заседания Парламентской ассамблеи Совета Европы! Как с гордостью было сказано всеми дикторами и ведущими политических программ, *«полноправного возвращения без всяких условий и оговорок»*. А уж как радовались сами наши депутаты, которым доверили столь «почётное» и столь вожделенное присутствие на этой тусовочной говорильне европейских парламентариев!.. Не успели в ПАСЕ проголосовать за возвращение туда представителей России после двухгодичного их отсутствия, как тут же наш Минфин оплатил всю задолженность РФ перед этой пустозвонной русофобской клоакой и перед Европарламентом за два года. Хлебом не корми наших «избранников народа», только дай им с кем угодно «дружить» и засесть во вражеском окружении!

Однако телевизионная эйфория по такому «великому» событию и плещущая через край радость Ольги Скабеевой очень

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

быстро сменились удрученным молчанием и потухшим взглядом ведущих «60 минут». ПАСЕ на первом же своем заседании после возвращения туда российских депутатов и сенаторов проголосовала за непризнание Крыма российской территорией и за возвращение его Украине. А заодно — потребовала от России отмены признания Абхазии и Южной Осетии независимыми государствами.

Как говорится, за что боролись — на то и напоролись. Другими словами, куда стремились — то и получили. И тут даже не знаешь: то ли удивляться наивности и дурости мечтающих о всемирной дружбе российских депутатов, то ли аплодировать очередной коварной хитрости европейских русофобов, которым скучно было изгаляться над Россией в отсутствие в ПАСЕ ее представителей...

Что Грузия, что Украина, что Прибалтика понимают только кнут. Никаких пряников они не понимают.

Зеленский стал подлинным клоуном не тогда, когда смешил народ, выступая со сцены, а тогда, когда решился на роль президента Украины. Всем, кто имеет глаза, видно и ясно, что в этой роли он действительно, по-настоящему стал смешным. Причем, естественно смешным, даже не вымучивая из себя комика. А всё потому, что он влез в чужую одежду, которая ему велика и в которой он путается, спотыкается и падает. Причем падает не специально, не наигранно, как когда-то на сцене, а потому что наступает на полы кафтана, сшитого не для него, — в нём он выглядит словно карлик или малый ребенок.

В начале года я написал в «Протуберанцах», что Зеленский не способен быть президентом. И это подтвердилось. За прошедший месяц своего президентства он это показал своей растерянностью, своей безграмотностью, своим двуличием, своей детской обидчивостью, своей политической близорукостью, трусоватой изменчивостью и своим неумением адекватно оценить положение страны, которую он по своей природной нагловатости и самоуверенности взялся возглавлять. Сначала сыграл роль президента в специально для него снятом на деньги Коломойского фильме «Слуга народа», в котором он расстрелял собственный парламент. Затем специально для него тот же Коломойский слепил партию под тем же названием. И население Украины купилось на эту туфту, на эту фейковую, набитую ватой куклу, и вместо од-

ного еврея оно выбрало себе в президенты другого, еще более лживого и еще более никчемного.

Эта клоунадная кукла не способна даже создать видимости главы государства, но всё более и более становится тем, кем является по своей природной натуре — мелким, испуганным, кривляющимся клоуном из какого-то дешевого, заезжего шапито. Приехал, поиграл в президента, посмешил народ — и укатил дальше валять дурака и играть роль гоголевского ревизора. Но судьба его — не литературного Хлестакова, а реального авантюриста и неудачливого игрока Мишки Саакашвили. Через какое-то время они встретятся где-нибудь на Брайтон-Бич в Нью-Йорке, чтобы за кружкой пива вспомнить свои золотые времена, когда они имели большую власть в далекой экзотической стране под странным названием — «Украина»...

Разговоры, разговоры...

Несколько лет подряд Украинская авиация бомбила Донбасс, а он разговаривал по телефону с «Петром Алексеевичем»...

Несколько лет подряд Израиль наносил ракетные удары по Сирии, а он то и дело о чём-то разговаривал в Кремле с «большим другом России» Нетаньяху...

Вот и теперь — украинская крупнокалиберная артиллерия долбит по окраинам Донецка, а он разговаривает по телефону с «Владимиром Александровичем»...

Ни дня без трагедии. В ночь на 23 июля в Хабаровском крае под Комсомольском-на-Амуре сгорел детский палаточный лагерь. Четыре ребенка погибли и девять детей пострадали. Всё говорит о том, что это была продуманная акция. Некие «частные организаторы» сварили незаконный палаточный лагерь без всяких на то разрешений. По всей видимости, с целью диверсии. Свезли туда детей без путевок и договоров с родителями и ночью подожгли. Причем подожгли именно девичьи палатки в надежде на то, что ночью девчонки растеряются, запаникуют и самостоятельно не смогут выбраться из огня. И когда начался пожар, никому не сообщили. Детям пришлось самим вызывать пожарных. Повторяю, все действия и бездействия этих «частных организаторов» указывают на продуманную акцию.

По ящику показали совещание у губернатора края в связи с этой трагедией. Все чиновники отбрыкивались от ответ-

ственности и не могли ответить ни на один вопрос губернатора. Видно было, что каждый из них в этот момент думал только о своей шкуре. Безответственность и разгильдяйство полнейшие! Вот это и есть самая настоящая системная причина трагедии, как и системные причины всех подобных предыдущих бед и диверсий, произошедших в стране.

И продолжаться это будет бесконечно при нынешних высокопоставленных либеральных менеджерах, охраняющих эту систему, как зеницу ока.

Но поражает головотяпство родителей — отдают детей неизвестно куда и неизвестно кому. Такое ощущение, что наша зверская действительность ничему не учит наших до невероятности наивных и доверчивых людей. Одна трагедия за другой. Но миллионы телевизиорных зрителей живут в каких-то детсадовских иллюзиях, что лично их они не коснутся. В это безумное время отдавать своих детей в какие-то сомнительные палаточные лагеря могут только законченные идиоты.

* * *

Нашли себе развлечение: каждое заседание американского конгресса заканчивается новыми санкциями против России. А всё потому, что Кремль избрал странную тактику: никак и ничем не отвечать. Вот конгрессмены безнаказанно и развлекаются.

* * *

Как в свое время нам впаривали по ящику Кашпировского и Чумака, так в последние годы впаривают укрофашистских ублюдков. Наглых, развязных, бесцеремонных, озлобленных, безграмотных и агрессивных. Впаривают нам их настойчиво, неотвязно, демонстративно, позволяя им произносить любые гадости о России и о нас с вами, повторять одно и то же вранье, тысячу раз опровергнутое и развенчанное, с хамскими ухмылками оскорблять нашу историю, наших героев, нашу веру и наши национальные чувства. Мы, конечно, понимаем, в чьих руках находится российское ТВ — потому-то и впаривают нам с экрана то Кашпировского, то нагло-циничную Янину Соколовскую. И всё же давно настала пора встать на пикет у Останкинской башни с требованием изгнания с российских телеканалов до предела обрыдших и оборзевших от наглости т.н. «украинских экспертов».

Все эти *обтрюханные ковтуны*, торчащие на российском телевидении, — никакая не демократия, не «толерантность» и не «свобода мнений». Это не что иное, как издевательство над всеми нами, над здравым смыслом и над элементарной

человечностью. Политические «ток-шоу» с участием истерично орущих, рычащих и визжащих укродегенератов — это, на самом деле, позор российского телевидения, позволяющего врагам русского народа изрыгать на всю страну свою ненависть к нам.

* * *

Бывший президент Украины *вальцман-поросенко* ныне проходит в своей «велькой и ридной нэньке» по 14 уголовным делам. Все в течение последних пяти лет молившиеся на него *обтрыханные ковтуны* теперь молятся на следующего шута горохового. Новый зелёный президент Укропии, который в недалеком будущем будет проходить по нескольким уголовным делам под кликухой «Вова Зеленский», пока купается в славе и всеобщем обожании, подобно Гришке Отрепьеву, ненадолго взошедшему на кремлевский трон. Но если и не будет, подобно ему же, валяться в грязи с оторванной головой, то сбежит через какое-то время к тем же своим хозяевам, пригrevшим *вальцмана-поросенко*.

А пока... Пока в несчастной Украине власть образовалась чисто, исключительно, абсолютно еврейской — от «президента» до такой же шутовской Рады. Еврейские мальчики — шоумены, юристы, журналисты, дантисты, фотографы, артисты разговорного жанра и тому подобные «законодатели» теперь будут управлять несчастным украинским народом. Остались в этой Раде и некоторые бывшие порошенковские террористы. Отличный сплав депутатского корпуса... Не говоря уже об окружении, т.е. об администрации зелёного «президента», еврейского парубка Вовы Зеленского... (Кстати, никто из *обтрыханных ковтунов*, торчащих на российском ТВ, в новую Раду не прошел.)

Шут останется шутом, куда его ни посади. Шутовскую природу ведь переделать невозможно. Вот и на встрече с Эрдоганом Вова Зеленский прыгал, как козел, вертелся, как юла, даже проходя перед почетным караулом. И никто бы не удивился, если бы он вышел на эту встречу в своих любимых красных шортах... Это было бы в его естественном шутовском стиле.

Бедная Украина, до чего ты опустилась!.. За кого проголосовали 73 процента облапошенных украинцев?..

* * *

10 августа он прилетел на байк-шоу в Севастополь. В свои 66 лет он всё молодится, хочет быть похожим на современно-го мачо, одетого в кожу, подобно расхристанным байкерам,

на чьи грохочущие рок-музыкой «шоу» по его распоряжению выделяются огромные государственные деньги. Уже не первый год он удостаивает их своим посещением. Байк-шоу для него — это святое... Ну что поделаешь, любит он байки...

Но...

Кто заполонил страну ордой среднеазиатских и закавказских воров, мошенников, грабителей и убийц?

Кто довел ситуацию в Донбассе до полного абсурда?

Теракты на дорогах, осуществляемые сидящими за рулем беспрепятственно прибывающими к нам мигрантами, среди которых, можно не сомневаться, немало завербованных террористов, стали практически **каждодневными**. И ни до кого во власти, судя по всему, это не доходит.

Пора уже публиковать сводки **ежедневной** диверсионной войны, которую власти не желают и боятся признавать. В августе вновь был взорван склад с боеприпасами. На этот раз под Ачинском. Причем дважды — 5 и 9 августа. И тут же была озвучена причина — «удар молнии»... Опять природа виновата. Вслед за «природными пожарами» — «природные взрывы»... 8 августа, произошел взрыв на военном полигоне «Росатома» под Северодвинском Архангельской обл. Вновь погибли и пострадали люди.

При нём варварски сжигается сибирская и дальневосточная тайга. Кто не способен навести порядок в лесном хозяйстве, ликвидировать чёрных лесорубов и остановить **ежегодное** огненное бедствие в Сибири? В СССР никакого горения тайги не было, не говоря уже о катастрофических бедствиях, подобных нынешним.

Несмотря на распиаренные по ТВ сюжеты о ликвидации «природных» пожаров, площадь горящей тайги с каждым днем только увеличивается.

Несмотря на единичные уголовные дела против неких не названных чиновников, «допустивших халатность» в ликвидации таёжных возгораний, древесина из нашей страны вывозится миллиардами кубометров ежегодно — большей частью нелегально и преступно.

В центральных СМИ о конкретных поджигателях леса до сих пор не сказано ни слова, и ни одного поджигателя ни разу не показали по ТВ.

Он так и не ввел чрезвычайного положения в сибирских и дальневосточных регионах, подвергшихся катастрофическим пожарам и наводнениям. О реальных причинах этих пожаров и наводнений со стороны центральной власти не сказано ничего ясного и конкретного, хотя люди, проживающие в этих регионах, причины называют прямо и точно.

Половина населения находится на черте или уже за чертой бедности. Рост цен значительно превышает рост зарплат и пенсий. Коренные жители России не могут найти работу по профессии, а все имеющиеся рабочие места с легкостью отдаются прибывающей из южной Азии дешевой рабочей силой. Вся торговля и сфера услуг уже на 90% занята мигрантами.

При нём в стране созданы тепличные условия для размножения баснословной армии мошенников, здесь нашли вольготное пристанище аферисты всех мастей и оттенков.

При нём сельская Россия стремительно погибает, вымирает, исчезает с карты страны.

При нём с каждым годом в стране росло и продолжает расти число олигархов — долларовых миллиардеров и миллионеров. Сейчас их более двухсот.

Но кто на своих излюбленных пресс-конференциях и «прямых линиях» то и дело пудрит нам мозги байками о каком-то «цивилизационном прорыве»?

Ну что поделаешь, любит он байки... Включишь ящик — а там сплошное байк-шоу...

* * *

На антиправительственные митинги в Москве якобы за «свободные выборы без насилия», не вышел ни один русский патриотический оппозиционер. Митинги, организованные Ходорковским и Навальным на деньги, естественно, американского госдепа, собирали до 20—30 тысяч аполитичной и малограмотной молодежи, обработанной интернетом, телеканалом «Дождь» и радио «Эхо Москвы». Большей частью — школярской и маргинально-тусовочной, которой без разницы, где тусоваться, бузить, «прикалываться», орать на камеру, задирать полицию и делать «крутые» селфи. И хотя поводом для этих митингов стало недопущение некоторых либеральных кандидатов до выборов в Мосгордуму (из-за подтасовок со сбором подписей), на них прибыла либерально-маргинальная молодежь из других городов и даже из других государств, в частности, из Украины.

Конечно же, западные СМИ раздули эти митинги до вселенских размеров, разрезвонили о них на весь мир, объявили антикремлёвскими, антипутинскими, антисобянинскими, антигиталитарными и т.п. Особый интерес западная пресса проявила к несанкционированным сборищам тусовочной молодежи на Тверской улице у здания мэрии — с разгоном и задержанием неких кучерявых активистов и провокаторов, науськивавших безбашенных бузотёров на стычки с полицией и Росгвардией.

Нельзя не сказать, что когда русская патриотическая оппозиция проводит свои митинги, — ни российские, ни зарубежные СМИ не сообщают о них ни слова.

Московскую еврейскую молодежь воспитала синагога, семья и западная антироссийская пропаганда. Внешнее ее воспитание — либеральное, внутреннее — сугубо консервативное, иудейско-сионистское. Московскую русскую молодежь воспитали в основном телеящик, интернет, разнообразные рок-фестивали и, как обычно, безнациональная семья. Это же можно сказать и про иногороднюю русскую молодежь. Но она чаще всего не структурирована, не организована. А масштабные антиправительственные акции, в которых принимают участие молодые люди, проходят всё-таки в Москве. Так что власть сама через антирусское, тоталитарно-либеральное телевидение и антирусские СМИ воспитала русскую молодежь в духе презрения и ненависти к любой власти в России. И потому она вместе с более креативной, более подготовленной еврейской молодежью легко откликнется на призывы «свободолюбивой оппозиции» к антиправительственным акциям. И считает геройством, удалью стычки с защитниками власти и закона.

Эта русская молодежь на 99% не знает, что происходило в стране в августе 1991-го и в октябре 1993 года. Не ведает она, что нынешние кукловоды псевдолиберальных митингов, все эти ходорковские и условные навалыны тогда находились у власти. Никто ей не рассказал, никто ей не поведал с экрана либерального телеящика, что эти ходорковско-навалыны, ратующие ныне за «свободные выборы без насилия», тогда, в октябре 1993-го, не просто разгоняли и избивали дубинками русских патриотов, поднявшихся против преступной банды, засевавшей в Кремле и в Останкино, но и **расстреляли** их из бэтээров и танков. (Как известно, Ельцин выполнил их волю.) Нынешняя тусовочно-митинговая молодежь, воспитанная либеральным антирусским телевидением, этого не знает. И ей не расскажет об этом ни когда-то пригретый, а теперь вдруг «обиженный» властью тележурналист Л.Парфенов, оравший 10 августа на проспекте Сахарова о «баснословном вранье этой власти», ни новоявленная либеральная активистка Люба Соболев, нахраписто рвущаяся в депутаты Мосгордумы, ни похожий на замшелого беса Леша Венедиктов из финансируемого государством проамериканского «Уха Москвы», ни свихнувшийся на русофобии и опущенный в мусорный бак ее «кумир» А.Макаревич и никто другой из ее раскрученных телеящиком «кумиров».

Российская маргинально-тусовочная молодежь, воспитанная этой властью в духе ненависти к России и, естественно, к самой этой власти, будет и дальше оставаться пушечным мясом в битве с Кремлем, с Путиным, с Донбассом, с Крымом, с Русским миром, русской идеей, русским самосознанием под четким и настойчивым руководством хodorковско-навалых кукловодоов. В целом антирусская власть всей своей либеральной идеологией и пропагандой сама упорно готовит своих могильщиков. Сегодня их 20—30 тысяч, завтра будет 100 тысяч, а послезавтра — 500 тысяч. Под ее митинговым натиском еще на один срок пребывания в Кремле наш Солнцеликий и Непогрешимый может и не решиться... И что тогда?

У нынешней власти в перспективе только два выхода: или сдать на милость своим вскормленным ею же могильщикам, или повернуться лицом к русской патриотической оппозиции и вместе с нею укреплять государство, решительно изменяя саму систему и лицо власти.

* * *

Украинские дебилоиды всё ищут какие-то способы вернуть Крым и Донбасс. Но людей они об этом не спрашивают. А ведь люди, живущие в Крыму и в Донбассе, к ним уже не вернуться никогда. И пока это до них не дойдет, до тех пор они, украинские политические дебилоиды, будут оставаться посмешищем для всего мира.

* * *

Украина идет по пути самоликвидации. Чем больше ее телегорлопаны и свихнутые на русофобии «националисты» кричат о самостийности, тем прозрачнее и тем безнадежнее становится для Украины эта самая самостийность. Никакого украинского национализма нет в природе и не может быть по определению. Я об этом писал давно и повторял много раз: т.н. национализм малых наций, существующих внутри одной большой нации, может называться только и исключительно *сепаратизмом*, а точнее говоря, — проявлением эгоистичных, *сепаратистских* поползновений со стороны малых народов по отношению к великой нации, их сохраняющей, содержащей, окультурившей и воспитавшей. Национализм может быть присущ только великим нациям и больше никому. Украина, точнее, малороссы, веками находились внутри великой русской нации, их сохранившей, содержавшей и окультурившей. Без России и русской нации малороссы давно уже исчезли бы из исторического бытия. Во все прошлые

великороссийские времена, их т.н. «национализм» был не чем иным, как только и исключительно *сепаратизмом* по отношению к Великой России. И теперь, отколовшись от нее, малороссы, лишь век назад самоназвавшиеся украинцами, так и не стали ни большой, ни тем более великой нацией, ни самостоятельным государством. Как был их национализм сепаратистским, так и остался таковым, хотя и корчат они из себя неких «тысячелетних укров». А их доведенный до абсурда бандеровский нацизм — не что иное, как запоздалая отрывка европейского фашизма, т.е. отвратительное, пародийное подражание замшелому европейскому фашизму со-роковых годов прошлого века.

Воинствующий, эгоистичный, а проще говоря, неумный украинский сепаратизм обречен на поражение, т.к. не способен к самооценке и к своему истинному самосознанию. Ложное, завышенно горделивое представление малой нации о себе самой всегда ведет ее в исторический тупик и в конце концов — к самоликвидации. И чем громче, чем озлобленнее и агрессивнее ее трюханы, ковтуны и фарионы кричат о ее самостийности, тем быстрее и бесповоротнее она движется к исторической пропасти.

Всё по-прежнему, всё как обычно, всё по плану.. Ничего нового в датском королевстве... Площадь лесных пожаров в Сибири расширяется. Вода на Дальнем Востоке поднимается. В Москве горят заводы, рынки, магазины, монастыри... Израиль бомбит пригороды Дамаска. Хваленые С-400 бездействуют. Уставший президент что-то мямлит о размещаемых в Румынии и Польше американских «томагавках». Лавров что-то мямлит о двух курительских островах, обещанных Хрущевым Японии... Телевизорные «украинские эксперты» жуют жвачку о «российском агрессоре». В ответ телеведущие жуют жвачку о «братском украинском народе»... И готовится обмен террориста на журналиста. При категорическом несогласии журналиста...

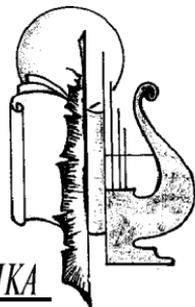
И заканчивается холодное лето — как признак «климатического потепления»...

Всё как обычно.

МУЗА С КРАСНЫМИ КРЫЛЬЯМИ

К 80-летию со дня рождения Т.М. Глушковой

«Татьяна Михайловна Глушкова умерла на первой пасхальной неделе первого года нового тысячелетия. Милосердная христианская традиция сулит людям, уходящим в свете Пасхи, горние обители и высокое успокоение. И, кажется, немногие в поколении Глушковой были более достойны этих редких даров, чем она, потому что немногие жили в таком духовном напряжении». Этими словами начинается статья Валентина Курбатова «Своя от своих», предваряющая поэтическую книгу Татьяны Глушковой «Не говорю тебе прощай...» (М. Молодая гвардия, 2002). Такое утверждение может вызвать недоумение у многих — ведь слова эти сказаны не только об одном из самых ярких представителей литературы последней трети XX века — критике, публицисте, поэте, мыслителе — но и об одном из самых спорных и сложных литераторов, с которым связаны и серьезная полемика, и до сих пор не прошедшие и совсем не пустые обиды друзей, соратников, единомышленников — людей бесконечно талантливых, внесших большой вклад в русскую литературу и лично для меня, да и для многих, никак не менее уважаемых, чем Та-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

тьяна Михайловна Глушкова. И всё же, оставив давние споры и не берясь творить суд, скажу, что, на мой взгляд, в творчестве и жизни Татьяны Глушковой есть нечто такое, что заставляет с пониманием и вниманием принять слова, сказанные Валентином Курбатовым. В судьбах настоящих писателей и в лучшем, что они создали, всегда есть нечто настолько удивительное и драгоценное, что заставляет оставить в стороне всё временное, земное и взглянуться в главное — в проявление Божьего Промысла о человеке, в Божьи Дары и в удивительные вызревшие творческие плоды.

Наблюдение за любым писателем сквозь волшебную призму его творчества и тем более за поэтом через его поэзию позволяет понять не внешнюю, житейскую, отягченную *земным*, а внутреннюю суть его судьбы, Божий замысел о человеке, ибо поэзия для поэта и есть сокровенное, тайное движение его души к вечному. Так происходит и с Татьяной Глушковой — даже беглый, неподробный взгляд на ее поэтическую судьбу, на широкое медленное и вольное течение ее «внутреннего поэтического Днепра», ее «Иордана» от Софии Киевской к Небесному Граду, на мой взгляд, представляет достаточно редкую возможность попытаться увидеть то, что обычно творится прикровенно, и о чём нам, грешным, и рассуждать-то не по чину — как обычному человеку, не священнику и не монаху даются Божьи дары, как они живут и развиваются в человеке, как образуют сердце и суть его судьбы, как творится Промысел Божий.

Детство Татьяны Михайловны Глушковой прошло в Киеве, где ребенком она пережила оккупацию, а позже и смерть родителей. В ее детстве «Всё называется: война. // Всё называется: «под немцем». // Под ним — и осень, и весна, // и две зимы, и та сосна, // и этот луг, и страх под сердцем...» Медленный детский созерцательный взгляд скользит, фиксируя мельчайшие подробности и детали происходящего: «Там снаряд, говорили, упал, // он воронку на площади выел». «А мне туда и близко не велят... // Там поживают мертвые солдаты. // Там, говорят, в дурмане мины спят // и рвутся, без войны уже, снаряды». А надо всем этим — в уже освобожденном Киеве — «черной печали тарелка» и «...гордые радиосводки — // после Курска и после Орла. // И ни крохи у нас, ни шепотки // хлеба, соли — зима подмела!» Но еще выше — над черным репродуктором, над разоренным войной Киевом, над мрачным Днепром — золотые купола Лавры и Софии. «Когда — какие вольные подарки! — // печалью печали утоля, // смотрела в синь сквозной Софийской арки, // а дале были минные поля». София Киевская, Лавра — неизменно вырастают над детством и над войной, высятся над нею своими куполами. «Днепра не-

добрая вода, // руины Лавры над рекою». «И вырастает многоглавый дом — // он звался родиной, он равен был отчизне...» Золотые купола Софии и Лавры сияют и над долгожданной Победой: «Всё называется: весна. // Всё величается: победа — // и пчёлы золотого лета // летят, не гаснут дотемна».

«На широте громадного Днепра, на высоте обугленной Софии» запечатлелось в душе главное, что определило характер и судьбу поэта. Что происходило в Софийском соборе, когда сначала ребенком, а потом подростком Татьяна Глушкова всматривалась в лик древней Оранты — навсегда останется тайной. Божьи пути творятся прикровенно. Но ничего не бывает случайно. А древние святыни часто меняют судьбы прикоснувшихся к ним людей. И уж тем более не могут быть случайными совпадения в глубинной сути происходящего. «Дары Божьи», «таланты», щедро проявившиеся позже в Татьяне Глушковой, в представлениях православной традиции всегда связаны с Софией, с Премудростью Божьей. Дар слова и дар яркого, художнического видения мира, дар лирического восприятия действительности и дар острого критического ума, дар прозорливого публициста и философский дар к постижению гармонических «связей» между явлениями — путей устрояющей весь мир Софии. Ведь сказано: «Премудрость помогает мудрому» (Еккл. 7: 19), и сказано: «Премудрость художница всего» (Прем. 7: 21). В православии Премудрость Божья — это и София Троица, и София Христос, и вместившая в себя Божье Слово Богородица, Дом Софии, и земное воплощение Софии — Церковь Христова. Премудрость, сотворившая мир, творящая души, судьбы и дороги. Война и Победа, встреченная под куполами Софии Киевской, в сознании Татьяны Глушковой навсегда слились со святостью. И определилось главное в ее характере и мировоззрении — мудрость мира была для нее в крепком стоянии, а единственные потери, на которые никогда не могла согласиться ее душа, — это потеря Родины и потеря Победы. Всю жизнь она жила русским словом, пламенеющим желанием правды и постижения истины вопреки всему и любой ценой. Ведь не зря в каноне Софии, Премудрости Божьей, поется: «Концы вселенныя, и вся, яже на ней, и небо небесем Премудрость основа, Та бо всех нас созда, Тою цари царствуют, и сильнии держат землю, и мудрые пишут правду».

В творческой судьбе Татьяны Глушковой София Киевская возникает сразу, отчетливо и судьбоносно: это первое поэтическое поражение и первая поэтическая победа. «София Киевская» — называлась дипломная работа, предоставленная выпускницей Литературного института им. А.М. Горького в качестве диплома: «... над водой, над горой, над тем-

ной зеленю кружит цветом молодого золота купол Софии. Ее пощадила даже война. Ее знают здесь все. И не замечают. Но если бы ее вдруг не стало, город бы опустел», — писала Т. Глушкова в предисловии к своему поэтическому циклу. «Я буду камень слушать в эту ночь, // пока рассвет взбирается по круче, // пока по кругу, медленному кругу // плывет на юг холодная звезда...» Это было вслушивание в камни древней святыни — вслушивание в невидимые пути и потоки, творящие мир, в полноту мира, в неслышимый простым ухом голос Премудрости Божьей: «...и только потом я поняла, что камни — это память о людях, что прикасались к камню руками, прикладывали к ним свой разум, воплощали в нем любовь, горсть, бунт. И тогда слово «предки» я стала понимать как — «отцы». Столетия сдвинулись, и даже самые дальние перестали быть пропастью за спиной» (там же).

А еще в том же поэтическом цикле возникает воздевшая руки к Небу древняя киевская Оранта — Богоматерь, «Молящая», «Нерушимая стена»: «...Оранта! // Оранта, // Оранта! // Руины // и раны // отмолит, омоет // Мария Оранта!..» В древней иконописи Премудрость часто изображалась как Оранта. Верно это и для Софии Киевской: «...но где же в Софийском соборе то, что сызначала дало ему имя, — где главная святыня его?.. Этою основною соборною святынею является палладиум Киева — славная и чудодейственная «Нерушимая стена»... Отсутствие Младенца, воздетые руки, вся постановка тела до такой степени приближают «Нерушимую стену» к Орантам древнейшей христианской иконописи, что делается несомненным, что в «Нерушимой стене» Богородица представлена как Оранта, — т.е. выражает ту же идею, что и древние Оранты... «Нерушимая стена» есть монументальное изображение Церкви... изображение невещественного дома Софии Премудрости Божией» (П. Флоренский. «Столп и утверждение истины»).

Защита диплома проходила в 1965 году, во время хрущевской оттепели, гонений на христианство и разрушения церквей, и в поступке молодой Татьяны Глушковой сразу проявились главные черты ее характера — безоглядная смелость, умение разглядеть в переплетении многих событий самое главное и стоять за него до конца. Была ли Татьяна Глушкова в ту безбожную эпоху, как теперь принято говорить, «воцерковленной» верующей? Как и большинство советских людей — нет. Но и неверующей, как любого поэта, ее назвать нельзя. Ей еще предстояло пройти путь ко Христу. Но разве стремление к добру, красоте и истине — не путь к Богу? Стихотворный цикл о святыне детства для начинавшей в то время увлекаться древнерусской архитектурой Глушковой был главным, принципиально важным поступком. А дальше про-

изошло неизбежное. Известнейший в те годы поэт, руководитель семинара Литинститута Илья Сельвинский в защите диплома Татьяне Глушковой отказал. Институт она окончила со справкой. Но от стихов о Софии Киевской — не отступилась. А потом произошло чудо. Через полгода Т. Глушкова защитила диплом, причем «на отлично». Ее поддержал Сергей Сергеевич Наровчатов, отметивший, что стихи ее связаны между собой чувством, которое мы сухо называем русской темой, и по-хорошему национальны без чванства и ненужной полемичности.

Но ничего не стоили бы эти внешние приметы судьбы, если бы дары, связанные в православной традиции именно с Софией, Премудростью Божьей, ясно и ярко не проявились в характере, творчестве и мировоззрении Татьяны Глушковой. Сама Глушкова всегда осознавала особенности своих дарований и говорила об этом открыто: «Но я всегда умела посмотреть // ясней, чем вы, задумчивей и шире. // Но что-то есть в моем гремучем мире, // о чём сказать больней, чем умереть». Татьяна Глушкова стала не только поэтом — она выросла в острого и тонкого, подчас провидчески зрячего критика, мыслителя и публициста. В центре ее исследований — русская литература, русская культура и русская философия, прежде всего — Пушкин и Константин Леонтьев. Круг вопросов, которые ее интересуют, удивительным образом совпадает с традиционным церковным мировосприятием. В мировоззрении, поэзии и жизни главное для нее — традиция, которая — «совесть поэзии»: «Отношение между талантом и традицией я выразила бы так: *талант — это способность быть в традиции*. Мера таланта — это мера природной, органической сращенности с традицией. Талант — традиционен. Он обречен на традицию, немислим вне ее» (Татьяна Глушкова. «Традиция — совесть поэзии» (1977—1978).

Ее статьи о Пушкине превращаются в вечный гимн верному Божественной Мудрости пушкинскому Моцарту и вечное порицание отпавшего от Божественной Любви пушкинского Сальери: «Судьба Моцарта движется поверх его смерти, поверх этого мига, который для убийцы Моцарта есть «звездный час». Ибо Моцарт неубиваем, как неубиваем дух. Неспроста даже и Сальери нечаянно уподобляет его «некоему херувиму», то есть именно нетленному, бессмертному существу» («Притча о Сальери» (1981). А вот что пишет Татьяна Глушкова о гармонии в понимании Пушкина и Константина Леонтьева: «Перед нами — именно космичное мышление, для которого космос — не афористическая, пусть и безмерно громадная, сумма слагаемых (малых слагаемых мира), но, по сути, и каждое из них, участвующее во всеобщей свя-

зи. Космос предстает здесь именно как система связей — вертикальных, горизонтальных, антагонистических и дружественных, но созидающих вместе некую структуру» (Татьяна Глушкова. «Высшее единство в высшем разнообразии» (О философии гармонии у Пушкина и Константина Леонтьева)» (1997). Это космичное мышление, к которому стремилась сама Глушкова, говоря языком православия, и есть стремление понять и познать пути устрояющей мир Премудрости Божьей. Для Глушковой мудрость художника, устремленного к Премудрости, художнице всего, никогда не была мудростью философов конца XIX — начала XX века, с которыми (в частности, Соловьевым и Бердяевым) позже она много спорила в своих работах. В ее мировосприятии поэта Премудрость так и осталась живым даром Живого Бога, коснувшимся ее когда-то в военном Киеве, великой живой силой, устрояющей мир — Софией Троицей, Софией Христом, вместившей творящее мир Божье Слово Богородицей — Орантой, в тысячелетней молитве молитвенно воздевшей руки над Киевом и Днепром, над жизнью и смертью, над войной и Победой.

«Всем, кого не убила война», вышла не только великая свобода, но и жизнь — с особыми остротой и трепетом ценимое и воспеваемое бытие. Свет Софии не оставлял Татьяну Глушкову никогда, и что, если не посыл к постижению истины, ее бесконечные штудии Пушкина, Блока, русской классики и мировой литературы, работа в Михайловском, поездки по древним русским городам, желание изучить и понять до глубин Россию, увлечение славянофилами, поиск *связей* в русской истории и культуре, поиск *полноты* бытия, а значит, поиск *гармонии*, всеобщего *космичного* мышления. Очень верный и точный портрет Татьяны Михайловны Глушковой тех лет дал Сергей Куняев в своем послесловии к составленной им уникальной книге статей Татьяны Глушковой «О «русскости», о счастье, о свободе» (М. «Алгоритм», 2016 г.): «Ее печатные работы лишь в некоторой степени передают напряжение и богатство мысли и языка, воплощавшееся в беседах о русской классике. Разговаривать с ней о поэзии, о писательских судьбах было подлинным наслаждением. В самых рискованных посылах, сопоставлениях, в самых агрессивных оценках, в самых пристрастных заключениях она была логична и артистична, словно продолжала традицию литературных «table-talk-ов», идущих с начала XIX столетия. В юности, проникнувшись пушкинским духом и ощущением пушкинского бытия во время работы экскурсоводом в Михайловском, она как будто следовала сверхзадаче создания гармоничного единства поэзии, устной речи и эпистолы как единого текста...» Обращает на себя внимание определение, дан-

ное Сергеем Куняевым жанру, в котором работала Татьяна Глушкова: «Впрочем, Глушкова подходила к явлениям литературы не как критик и, тем более, не как историк литературы. Скорее здесь можно и нужно говорить о видении глазами поэта. Но поэта, видящего настолько пристально и читающего настолько вдумчиво, что подобной въедливости могли бы позавидовать иные профессиональные ученые. Во всяком случае, ее прочтение Пушкина провоцирует говорить о ней не как об исследователе, а как о *с о б е с е д н и к е*». Наблюдение принципиально важное: именно *беседой*, вдумчивым *диалогом* с великими мира сего, который постоянно дерзала вести через века и пространства Татьяна Глушкова, объясняются многие особенности ее творчества.

А такие беседы не проходят бесследно. В ее поэзию властно входит отмеченная когда-то Наровчатовым русская тема. Киевская Русь детства возрастает и расширяется до пушкинской великой державы. Стихи семидесятых-восьмидесятых — это созерцание русской жизни, медленное, как родной равнинный Днепр, текущий к своей высокой Небесной цели, — любование Михайловским, дворянскими усадьбами, Псковом, Новгородом, Прибалтикой, Москвой. Татьяна Глушкова — верная ученица и последовательница русских классиков. Она — мастер стиха, стремящийся к классической ясности и прозрачности. Глушкова существует внутри живой традиции. Поэзия ее — постоянное вслушивание в камни русской истории, беседа с «предками», которые в вечном свете киевской Софии давно стали для нее «отцами», как стали родными все ушедшие тысячелетия. И, конечно же, это нескончаемый диалог, непрекращающаяся живая беседа с русскими поэтами. В стихах много реминисценций, переключек, скрытых цитат из Пушкина, Некрасова, Тютчева, Фета, Блока, Бунина, Ахматовой. Но при этом перед нами — живая речь современника со своим, ярко очерченным, ни на кого не похожим стилем, языком и миром. О чем бы ни писала Татьяна Глушкова — это всегда Россия, «...земля, в которую сойду, // которая в наследство мне досталась...» Стихи ее — бесконечное любование Россией в мельчайших ее деталях и проявлениях. Глушкова словно стремится к леонтьевскому пониманию гармонического, к полноте, высокоразвитости жизни, к стадии цветения «*полнокровно* вызревшего явления». Сколько разных пейзажей приходит со страниц ее книг! «Что за ночь! Соловиное пенье, // в небесах — молодые огни, // сам Господь голубые сирени // рисовал в этой влажной тени. // Сам Господь, позабыв про заботу, // как дитя — затаясь в лопухах, // в курослеп рассыпал позолоту, // оставлял жемчуга на ветвях». Сколько всяческих

живых существ обрушивается на читателя! Копошащихся, жужжащих, поющих, свистящих: совы, мыши, стрекозы, черемухи, бурьяны, овсы... «Эта жадность к тому, что живет: // обонять, услышать, наглядеться — // сводит скулы, и стиснут мой рот // прозорливую скрытностью детства...» Тут и кучерские усы овсов, и «черемуховый ветер», и медленная сова, и «Козленка вздыбленная тень: рогатый нимб над головою». Зачастую в этом самовластном, захлестывающем потоке живого теряются, размываются мысль или цель написания стихотворения, возникают длинноты. И вместе с тем создается впечатление, что не образность тут главное — перед поэтом стоит куда более невозможная задача: *явить, живыми* перенести в стихотворение этих многочисленных, равноправных собеседников и соседей по бытию. «Бог мыслит вещами» (П. Флоренский). И на поверку оказывается, что не теоретические размышления, а сияющий поток бытия, бессознательное подражание Творцу и есть попытка подняться до высшего возможного проявления мысли, смысл и цель написания стихотворения.

И всё же поэзию Глушковой семидесятых-восьмидесятых я не назову вершинной точкой ее творчества. При редкостно высоком поэтическом уровне внутренняя свобода лирического полета дается ей не всегда, ее еще не опалило высоким огнем, в котором сгорает ненужное земное, — иногда стихи льются бесконечным потоком, где каждая строфа — хороша, но развития, внутреннего движения, подчас не происходит. Однако лучшее, написанное в это время, безусловно, заслуживает самых высоких похвал и самого серьезного разговора. Лучшим стихам Татьяны Глушковой этого периода присущи афористичность и жесткость, умение без иллюзий, предельно честно, посмотреть на самые горькие вещи: «Нелюбимая — телом страшна, // нелюбимая — слишком зазорна. // Нелюбимая — слишком вольна! // Нелюбимая — слишком покорна!» Трагическая любовь — извечная плата за стихи. Психологические наблюдения в любовной лирике точны, речь льется свободной волной, а лирическое чувство зашкаливает за край. Сильный характер лирической героини зачастую неожиданно мягок и уступчив, ради любви она готова платить и терпеть. Трагедия судьбы, «недоли», часто переживается «от противного», и трудно сказать — смирение или гордыня, бунт или покорность — это пристальное вглядывание в неосуществившееся, жесткое обозначение вещей такими, какие они есть: «Помилуй: это ли — обида, // проклятье дней, трезвон ночей, // что я избавлена от вида // смятенной дочери моей?» В стихах — характерное для поэтов осознание одиночества, своей инакости в мире: «...И я не ста-

ла ни сестрой, // лицом похожею на брата, // ни той покорной женой, // что перед Богом виновата, // и ни возлюбленной — меня // лишь одиночеством дарили: // бежали, словно от огня, // и, охладев, боготворили». Вместе с раздумьями о судьбах поэтов и поэзии в стихи неизбежно врывается трагический голос времени: «Этот русский анапест, что плачет во имя любви, // в темной шали крест-накрест, живет не в эпохе — в крови. // А эпоха ему не соперница и не жена: // ничего-то не ведает в лунах и струнах она!» Всё сильнее предощущение надвигающейся трагедии, личной беды, вместе с точным определением творящегося в стране приходит ощущение катастрофы, нависшей над Родиной: «Я стою на порубке, а слышу и шелест, и свист: //кто погиб не на шутку, особенно нынче речист. // Эта мощь, эта слабость — ужели для жизни дана? // Наливай же, анапест, щербатую чашу вина!» А вместе с предощущением надвигающейся катастрофы оживает оставшаяся в послевоенном Киеве «черной печали тарелка»: «Эта грусть не сейчас родилась. // Это звякнул «Георгий» в коробке. // Это льется над родиной вальс, // заливая маньчжурские сопки». Стихотворение «На сопках Маньчжурии», посвященное Я. Козловскому, одно из лучших у Татьяны Глушковой. Пять строф, вместивших в себя и судьбу поэта, и горькую печаль русской истории:

*А в окне столб луны голубой —
словно хлынуло море на сушу.
Бескозырки плывут чередой
по мою сухопутную душу.*

*Далека ты, родная земля,
не видать в этом желтом тумане.
Гаолян покрывает поля,
точно сплю я сама в гаоляне.*

*Это с черной тарелки певец —
с черной пахоты, из-под Полтавы...
Где ж ты, лирник, рыдальщик, гонец —
вестовой нашей горестной славы?*

Знакомые с детства звуки. Минуты лирической грусти. Последние мирные годы в советской России, в еще не разрушенном СССР. За мгновение до крушения, за мгновение до стояния у Креста. «Победные сводки» детства, лившиеся из «черной тарелки», уходят навсегда вместе с послевоенной эпохой и стареющими солдатами великой Победы, уступая место вестнику «горестной славы», высокой печали и близя-

шейся беды: «Под конец еле слышен рассказ, // заносимый песком и метелью... // Это льется над родиной вальс — // над твоей и моей колыбелью».

Но высшее проявление Премудрости Божьей — добровольная Жертва Христа, Крест, Голгофа. Не случайно на киевских иконах Софии «Премудрость созда себе дом» центральная фигура Богородицы с молитвенно воздетыми руками часто заменяется Распятием. Самая высокая мудрость, доступная человеку, — сораспятие Христу, участие в Его Страданиях, стояние у Креста Христова. Девяностые годы для Татьяны Михайловны Глушковой и стали таким стоянием у Креста Христова и Креста распинаемой России, временем болезни и труднейших испытаний. Была она в своем стоянии не одинока. Какой огромный подвиг совершили в те годы все русские писатели, которые в *информационной* войне, войне умов, войне словом оказались солдатами на передовой и сознательно, в прямом смысле, шли на смерть за свою страну — отдельный, долгий и очень важный разговор. Солдатом на передовой сражалась в те годы и Татьяна Глушкова. В начале девяностых, больная, изможденная страшными болями, от которых не всегда помогали обезболивающие, Татьяна Михайловна Глушкова, преодолевая недуг, писала провидческие зоркие публицистические статьи и стихи. Каждая ее публикация становилась событием. Главное, что волновало ее тогда — вопрос сохранения СССР. Выводы ее публицистической аналитики горько точны, а приговоры разрушителям страны — бесповоротно безжалостны: «Референдум насчет сохранения государства... направлен на растление созидательного духа народа, извращение его психики. Ведь он понуждает переводить в план голосования, в план юридического пересмотра... само патриотическое чувство...» (« Хищная власть меньшинства (Над строками «Парижской хартии для новой Европы»). (1990—1991). Развал СССР Глушкова рассматривает с позиций русской истории, русской государственности, нерушимой христианской нравственности и вечно сиявшей ей из детства Победы: «К этому можно добавить, что вынесенный на референдум вопрос — о целостности государства — до сих пор никогда не решался посредством голосования... Что ставился он в его проблематичном, его отрицательном смысле — обычно не изнутри, а извне государств. Что последний раз он был поставлен относительно нашей страны в 1941 году гитлеровским вермахтом, и известно, какой, скрепленной кровью десятков миллионов людей, безоговорочный ответ дан был тогда русским народом вместе со всеми народами СССР» (там же).

Для поэта, всю жизнь писавшего лирику, обращение к публицистическим стихам зачастую проходит болезненно и грозит неудачами, это «понижение жанра», уход от высот гармонии к «презренной прозе» земного. Но не для Глушковой. Для нее, вслед за Леонтьевым, гармония «не что иное, как процесс борьбы — вопреки идеалу успокоения, идеальному успокоению в «райском блаженстве», на какое наивно уповают «розовые» гармонизаторы...» («Высшее единство в высшем разнообразии»). Стихи девяностых резко отличаются от стихов предыдущих десятилетий — боль, вызванная предательством и разрушением Родины, в Татьяне Глушковой настолько сильна, что она забывает о поэзии как об искусстве, и если форма тут безусловно хороша, то только из-за серьезных достижений и наработок прошлых лет — как поэту форма в этих стихах ей не нужна и не важна, ибо это уже не стихи — кровь, идущая горлом. Публицистическая острота и раскованность в ее стихах сливаются с простотой и ясностью речи, а напряженное лирическое движение стиха, рожденное безграничными любовью и болью, сочетается с остротой ума и обширностью интеллекта. С телеэкранов обманутой, попранной, преданной страны плывет к читателям собирательный образ нового героя — воина мировой информационной войны: «Человек с лицом комедианта, // с умными глазами изювера // говорил мне, будто слава Данта — // слава крестоносца-тамплиера... // Роясь в почве инославных родин, // для хулы на Истинного Бога, // то взывал: «О меченосный Один!», // то бубнил про дряхлого Сварога». Информационная война по самой природе своей противоположна всем сражениям прежних времён, ибо победа в ней достигается не личными подвигом и доблестью, а *живым словом*. Но в войне, ведущейся против России *живым словом*, главным врагом и тайной целью может быть только Бог Слова, сердце России — Христос. Это война ада — против Христа, тьмы — против света, Сальери — против Моцарта, предательства — против Победы, лжи преисподней — против Правды Премудрости Божьей. Старый мир рушится, идущий ему на смену новый предапокалиптический мир — это уже не светлый мир Пушкина, а страшный мир Блока с холодом и мраком «грядущих дней»: «Но, куда спали человеки // иль над Божьим Именем смеялись, // — не приметно вспучивались реки, // камни в темный воздух подымались... // Сын глумился над отцовым прахом, // дочь гнушалась матерью живую. // Разум одурманивали страхом // голод и дыханье моровое».

8 декабря 1991 года вошло в историю как день подписания Беловежских соглашений. Без единого выстрела была раз-

рушена великая страна. В те дни, превозмогая запредельную физическую боль, Татьяна Михайловна Глушкова продолжала работать на Победу. Как-то она сказала, что если бы не физическая боль, она не смогла бы перенести душевную боль от потери Родины. В апреле 1992 года ею было написано стихотворение «Час Беловежья»:

*Когда не стало Родины моей,
я там была, где ни крупицы света:
заслонена, отторгнута, отпета —
иль сожжена до пепельных углей.*

*Когда не стало Родины моей,
я шла тропой к Неземной Отчизне.
Но даже там, как на горючей тризне,
не пел волоколамский соловей...*

*Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!.. А только бы восстала
страна моя из немощи своей.*

Самоотречение поэта и любовь к Родине сделали это стихотворение одним из поэтических символов тех трагических дней.

Последняя битва за СССР — страшные события 1993 года — для Татьяны Михайловны Глушковой с первого мига — область сверхчеловеческого напряжения. В те дни, преодолевая болезнь и невыносимую физическую боль, Татьяна Глушкова напряженно следила за трагедией — читала всё, что писала пресса, разговаривала с участниками событий, спрашивала о впечатлениях и мельчайших деталях происходящего, переживала за выпускающую подпольные номера со свидетельствами расстрела редакцию газеты «День». 31 октября 1993 года она написала по-тютчевски краткие и точные строки: «Все так же своды безмятежно-сини. // Сентябрь. Креста Господня торжество. // Но был весь мир провинцией России, // теперь она — провинция его...» Пророческие слова о поражении, катастрофе, горестной русской судьбе последующих десятилетий. Стихотворение называется «Воздвижение». Происходящее фиксируется точно: отдание праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня приходится как раз на день расстрела — 4 октября. В феврале 1994-го в пришедшей на смену запрещенному «Дню» газете «Завтра» появилась огромная полосная подборка Татьяны Глушковой, посвященная октябрьской трагедии 1993

года. Позже, в предисловии к книге «Всю смерть поправ», Татьяна Михайловна Глушкова напишет: «Эти стихи сразу сложились в единую книгу. Книгу-реквием по погибшим в Останкине и Белом доме. Книгу-гимн мужеству павших. Книгу о Родине». «Реквием» — понятие, для Татьяны Глушковой бесконечно важное. Многие страницы ее исследований посвящены пушкинскому Моцарту. Его реквием понимается ею как высшее проявление творческого духа и высшая подчиненность Божественной воле. Теперь скорбная честь написать реквием выпала ей. Очень точно сказал об этом поэтическом цикле Владимир Бондаренко: «И всё же я уверен, в русской поэзии Татьяна Глушкова останется прежде всего своими... поздними гражданственными стихами редкой силы напряжения, которые осознались ею как поэзия последнего срока. Никто более в девяностые годы не смог перешагнуть столь дерзко и самоубийственно эту пропасть от пусть одинокого, но живого «я» до предсмертного апокалиптического «мы», созвучного с октябрьскими баррикадами у Дома Советов». Скорбная траурная строгость формы и смысла сочетается в этом поэтическом цикле с предельными открытостью и самозабвением. Резко публицистичные, обличающе-гневные стихи захватывают внутренним накалом сострадания, любви и бесповоротной готовностью принести себя в жертву ради России. Это неукоснительное следование традиции — и есть Муза Гнева русской классики. Вспоминаются пушкинское «Клеветникам России», лермонтовское «Смерть поэта» — «И вы не смаете всей вашей черной кровью...», блоковские «Скифы», ахматовский «Реквием», но прежде всего — знавший о невозможности «Служить добру, не жертвуя собой», Некрасов, который писал о назначении поэта в стихотворении «Пророк»: «Его еще покамест не распяли, // Но час придет — он будет на кресте; // Его послал бог Гнева и Печали // Рабам земли напомнить о Христе».

Ярко, зрительно, подробно, как всегда у Татьяны Глушковой, передается атмосфера тех трагических дней — летящие золотые листья, палящие танки, горящий чёрный Дом Советов, и — кровь, кровь, кровь: «Еще встает за окнами рассвет, // еще струится осень золотая. // Но нет Москвы. А есть — воронья стая // над стогнами страны, которой нет». Перед нами высшее проявление зла. Зрительные образы расстрела и погрузившейся в безысходный мрак Москвы страшны, они вплетаются в скорбную музыку прощания с погибшими, нарастают черной движущейся лавиной: «...и вижу: труп плывет у парапета, // отторгнутый речною глубиной». «Не убраны в полях разливы хлеба. // Не убраны тела до Покрова».

*Ни в воду вы не спрячете концы,
ни в грудь земли, ни в хляби небосвода...
Бредет в острожном рубище Свобода,
ведет коня слепого под уздцы.*

.....
*И слышу: танки валки гремят
по старой Пресне — точно по Берлину!..
Нас гнут в дугу. А мы расправим спину.
Священным гневом горизонт объят.*

Можно ли было в послевоенном Киеве, под золотыми куполами Софии, вообразить такое: *наши* танки, огнем святой Победы гремевшие по Берлину, палят по *нашей* Пресне?! Трагедия воспринимается как перелом русской истории, русского сознания, окончательное прощание с СССР. Со свойственной ей широтой взгляда Татьяна Глушкова обращается к мировой классике. В адском грохоте танков, противотанковыми снарядами стреляющих по Дому Советов, возникает образ прошедшего кругами ада бессмертного флорентийца Данта: «Но поутру, когда упал солдат // последний наш, и вроде — взятки гладки, // под окнами прошёл крылатый Дант // в пропахшей адским чадом плащ-палатке». Образ Данта вырывает из небытия, заставляет вместе с ним двигаться вверх по вечной спирали времени к его высшей точке — к святой Софии — Богу Слова Христу, к страстному Кресту Голгофы, которому вместе с первыми залпами танков уступил место торжествующий, исцеляющий, напоминающий о вере и надежде воздвиженный Крест: «Но если впрямь в начале было Слово, // то, подлинно, сиять ему в конце!.. // Молчи — и жди пришествия Христа // в Садовом огнедышащем кольце. // В кольце Бульварном... Позднею обедней // не вспугнут чёрный морок октября, // и над страной восходит день последний — // едва ль не Гефсиманская заря...»

Безудержная вера, которая всегда помогала устоять в самых трудных обстоятельствах, заставляет поэта подняться над трагедией, над которой, казалось бы, подняться нельзя. Татьяна Глушкова знает: убить, расстрелять, сровнять с землей пытались то, что **неубиваемо**. Так неубиваем дух. Так неубиваем Моцарт. Так неубиваема пронизывающая глубины бытия музыка. Так неубиваема Россия. Так неубиваем добровольно жертвующий своей жизнью человек. Так неубиваем Христос, смертью поправший на Кресте смерть. «Их души водворятся во благих!» — Слова реквиема звучат над расстрелянным Домом Советов молитвенным рефреном и призывным набатом: «Снег забинтует раненую Пресню. // Смот-

ри: кругом — бело, и ветер стих. // Большая совесть обмирает с песнью: // «Их души водворятся во благих!»

Поражения Татьяна Глушкова принять не могла. Ей нужны были Родина и Победа. Ведь не может быть побежден Бог. Не может быть побеждена Правда. Не может быть побежден свет золотых куполов непостижимым образом оказавшейся «за границей» Софии Киевской. Дальнейшая жизнь Татьяны Глушковой — моление о Родине и Победе. Я еще раз обращусь к статье Владимира Бондаренко, которому удалось понять в Татьяне Глушковой нечто очень важное: «Татьяна Глушкова не пожелала жить на «лоскуте державы». Она не стала пытаться переделать себя для иной России, чтобы обрести новое дыхание в поэзии третьего тысячелетия. Предпочла остаться в великом и трагическом XX веке. Все ее споры с бывшими друзьями были предельно искренними, ибо она и от них ждала той же «литературы последнего срока», тех же последних, завершающих слов, которые в последние годы жизни выговаривала, выкрикивала, ожидая апокалиптических видений, непримиримости к разрушителям Родины...»

Девятое мая становится для Татьяны Глушковой скорбной датой. В разные годы одно за другим она пишет стихи о парадах Победы. Они разнятся по настроению и смыслу, но, объединенные названиями, образуют большой, намеренно разрозненный, стержневой, пронизывающий и объединяющий цикл. «Осенний парад» (7 ноября 1990 года): «...Русское воинство! Родина наша // в голоде, в братской крови»; «К 9 Мая 1995 года»: «Парад Позора! Не моим глазам // глядеть, не моему склоняться слуху, // внимая, как Великую Разруху // кимвалы славят и пирует срам...» «Прощальный парад» (6 апреля 1995): «...Не плачьте, вы ни в чем не виноваты, // прошедшие священную войну! // Последний ваш парад... Такой закат, // как будто бы не солнце — угль чадающий // садится в хмарь над Родиной скорбящей... // Ей выел очи прах ее солдат». В те годы крылья Музы Татьяны Глушковой окрасились в красный — цвет победного флага над Берлином, цвет флага ушедшей в прошлое Родины, цвет пролитой на Пресне крови, цвет Пасхи Христовой и цвет крыльев Софии Премудрости Божьей, какой ее изображают на новгородских иконах.

Но земное воплощение Софии Премудрости Божьей — Церковь Христова. А первая мудрость, заповеданная Богом человеку — это покаяние. В трудные, тёмные годы, наступившие после октябрьских событий 1993-го, Татьяна Михайловна Глушкова делает самое главное в своей жизни — она приходит в церковь и приносит покаяние. Делает она это с той же максимальной самоотдачей и с тем же максималь-

ным духовным напряжением, с какими делала всё в своей жизни. Точнее: горение, напряжение и самоотдача доходят до высшей точки — ведь речь идет о главной человеческой ценности — о Христе. Она находит силы продолжать и свои обычные литературные занятия. В сгустившейся над страной тьме, как всегда, на помощь приходит русская классика. Живыми собеседниками поэта становятся Некрасов и Грибоедов, которым — неожиданно и впервые в русской поэзии — посвящены не циклы стихотворений, а две поэтических книги. Но главное, как всегда, — Пушкин. В 1995 году пишется редкий по глубине и точности мысли цикл «Русские границы», дающий ответы на главные русские вопросы — какова природа русской державности, русского подвига, русского тысячелетнего стояния в вере, русской тяги к безоглядным пространствам и шири. «Но Пушкин — нет, он не приветит вас: он не жил так — на лоскуте державы!» — дает Глушкова победный ответ расхитителям русских пространств. «Он слушал орудийную пальбу // близ Карса и бунтующей Варшавы // и проник, что Царграда главы // могли б венчать российскую судьбу...» Пушкин понимается поэтом как плод великого труда *всей* державы, всей русской истории, всего русского народа: «Он не зырянин, финн или лопарь, // он гордый сын раздольного славянства. // Величье духа требует пространства, // так повелел не Петр — Небесный Царь! // И надобны кавказские хребты, // охотские, арктические воды, // чтоб вызрел многоликий дух свободы, // восстав из колыбельной тесноты. // И надобен чухонский топкий брег // и высохший фонтан Бахчисарая, // чтоб эта Муза, смуглая, босая, // столетьями, широтами играя, // дичась, от любопытства ли сгорая, // ступила на псковской, уездный снег...» Какой чеканный, отточенный слог! Какая безупречная острота и стройность мысли! История и культура России понимаются Глушковой как живое всенародное восхождение к Христу, общий труд и общая молитва, стояние у Креста, а художник — как плод истории и народной жизни, отразившийся в земном слове голос Бога Слова — Премудрости Божьей. Великая культура — плод великой Державы, и обе они — плоды великой веры, без которой не может быть ничего. «Нам пишется на краешке стола? // Нам хватит дести жеваной бумаги? // Всё так! — доколе реют наши флаги, // мелькают веси, грады, буераки, // три океана дыбятся во мраке // и рекам, звездам, верстам — несть числа!»

И еще один раз выпала Татьяна Глушковой скорбная честь написать реквием. На этот раз — по русскому Моцарту Георгию Свиридову. Вместе с музыкой Свиридова в ее поэзию врывается пушкинская свиридовская метель, блоковская всеобъемлющая вьюга, заметающая русские дороги. Впере-

ди в метели — видимый и невидимый Христос. Вряд ли, зная, что писала Т. Глушкова об образе Христа в поэме «Двенадцать», можно сказать, что это блоковский Христос. Образ Христа в снежном вихре постоянно изменяется — это и Распятый Христос, и Пантократор киевской Софии, Христос русской государственности, держащий в Своей деснице все миры и дороги, все бураны и вьюги, и тютчевский крестьянский Царь Небесный, в рабском виде исходивший родную землю. «Ушел тот, кто казался последним высоким столпом русской культуры, гранитной ее опорой, последним бесспорным носителем Творческого Духа. Что ж теперь?.. — пишет она в предисловии к циклу «Музыка на святки». — ...Русский реквием по Свиридову да сверкнет крупицами света, да взлелеет зерно, из которого солнечным звуком прорастет мощный гимн воскрешенной России». Всё та же несокрушимая, безоглядная вера: Ведь Моцарт — неубиваем, как неубиваема Родина, как неубиваем дух, как непобедим Христос, идущий в русской метели. А значит, и реквием по русскому гению должен превратиться в гимн воскрешённой России. «И снова — музыка, и Пушкин, // и вскрик, и струнные лучи». Музыка Свиридова возвращает из разрушенного мира в пространство вечной России, в пространство родного: «Венчанье тайное... Побег.. // И эта сельская церквушка. — // Иисуса русского избушка... // О, как заплакана подушка! // И мечется метельный снег». Музыка пишется детально, вещно, непереводимое в слова Глушкова пытается передать образами «Руси уездной, снеговой, // той, что почти у Лукоморья...»: «Не станет книг, не будет слов, // но предреку — не обессудьте: // он сам соткнется на безлюдье, // склудится яблочком на блюде, // мотив пылающих снегов!» А лежащий в гробу Свиридов «...похож уже на Данта: // так важен, строг запавший рот, — // седой подругой музыканта // не вьюга ль русская слывет?..» Это Дант, идущий по кругам русской вьюги, русского бурана. Границы того и этого света в стихотворном цикле размыты, как размыты они в современной поэту России, устремившейся в наступившей тьме по ту сторону бытия, как размыты они в русской метели: «Да и воробы не кричат.. // Лишь древней колокольни звоны. // И не распев — набат, набат: // по всей России — похороны! // По всей Руси текут ручьи // живых, бредущих за гробами, // а мнится: черные грачи — // за боронами, боронами...» Невольно вспоминаются строки из стихотворения Татьяны Глушковой, посвященного Борису Примерову: «Друзья мои, друзья мои, друзья, — // кричал мой дух, — я тоже умираю!» Рядом со Свиридовым она себя упомянуть не посмела. Но таково мироощущение ее последних лет. Поэтому нетрудно предположить,

что реквием по Свиридову — это и личное прощание Татьяны Глушковой с Россией, с земной жизнью и со всем главным, что в ней было: с музыкой пушкинского стиха, мыслью Леонтьева, музыкой Свиридова, куполами киевской Софии, с великой русской культурой. Это уход в русскую метель, исчезание в бесконечной русской замяти, вьюге русского лихолетья, впереди которой всегда идет Христос. Ибо Татьяна Глушкова точно знает:

*Когда не стало Родины моей,
Тот, кто явился к нам из Назарета,
осиротел не менее поэта
последних сроков Родины моей.*

«Этот год и последующие годы, как продолжение 93-го, — вся ее оставшаяся жизнь — воспринимается как стояние у Креста Христова, — пишет протоиерей Александр Шаргунов в статье «Ее душа была истинно русской» («Русский дом», апрель 2005 г.). — ...За это стояние до конца у Креста Христова, а не потому, что она умерла на первой Пасхальной неделе нового тысячелетия, — внешнее здесь просто соединилось с внутренним — веруем: душа ее принята в светлые райские обители. Но и оттуда мы слышим ее голос любви к Отчизне... Но тот, кто стоял у Креста Христова, знает, что Христос всё победил, и смысл каждой человеческой жизни и всей истории заключается во вхождении крестным путем в Его победу». Победа все-таки была дарована Татьяне Глушковой. Причем — главная из всех возможных Побед. Вот это вхождение в Христову Победу и собрало в единую мозаику казавшиеся разрозненными куски смальты, свело воедино все разрозненные тропы, и перед нами открылся удивительный храм человеческой судьбы, задуманный Премудростью Божьей — судьбы, где нет ничего случайного и лишнего, но каждый кусок смальты ложится на предназначенное для него в мозаике место. Так устроившая всё София Премудрость Божья устроила жизнь вглядывавшейся в ее камни девочки Тани, Татьяны Михайловны Глушковой — выдающегося русского критика, поэта и публициста. Устроила жизнь, в которой было всё — творчество, любовь, слава, гонения, болезни, искания, прозрения, ошибки, грехи, покаяние и стояние у Креста. «Концы вселенная, и вся, яже на ней, и небо небесем Премудрость основа, Та бо всех нас созда, Тою цари царствуют, и сильнии держат землю, и мудрые пишут правду».

г. Смоленск

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 ГОД

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Сергей АМОСОВ. Очерк о красном директоре — 7-8
Юрий БОЛДЫРЕВ. Сдадим ли Курилы? — 4
Владимир БОЛЬШАКОВ. Противостояние цивилизаций — 3
Валерий ГАБРУСЕНКО. Кто развязал Вторую мировую? — 10
Сергей ГЛАЗЬЕВ. Оккупация — 9
Сергей ГЛАЗЬЕВ. Экономика канибализма — 10
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Украинская трагедия: урок XXI века — 11-12
Макс ЕЛЁВ. С кем мы воевали в Великой Отечественной войне — 9
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Своим чередом — 1-2
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Сознание и бытие — 10
Виктор ЗУЕВ. Когда началась Украина? — 7-8
Мария ИВАНОВА. Ельцин Центр: бомба замедленного действия — 1-2
Алексей ИЛБИН. Русофобия в информационном мире — 7-8
Игорь КАРПОВ. Без статуса Города-Героя — 5-6
Валентин КАТАСОНОВ. Закат экономики индустриализации — 9
Анатолий КЛИМОВ. Реабилитация истории и народов — 11-12
Лев КРИШТАПОВИЧ. Победа цивилизации, идеологии, человека — 5-6
Олег ЛУРЬЕ. Теракт, которого не было — 1-2
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. Вирус расчеловечивания — 1-2
Эмма МЕНЬШИКОВА. В Бессмертном полку — 9
Владимир МИКОЯН. Забег вокруг Курил — 5-6
Надежда МИРОШНИЧЕНКО. Керчь. Обновление любви — 3
Игорь МИШИН. Движение в тупик — 3
Мария МОНОМЕНОВА. Мое открытие Сирии — 4
Наталья НАРОЧНИЦКАЯ. Наша идеология — вечная Россия — 4
Анна РЕВЯКИНА. Дагестан Расула Гамзатова — 1-2
Игорь РОМАНОВ. Куда нас ведут политики? — 11-12
Валентин СЕМЁНОВ. Аморализм «элит» — 4
Николай СОМИН. Советский социализм: взлёт и падение — 5-6
Руслан УСТРАХАНОВ. Память, закатанная в асфальт — 10
Валерий ФИЛИМОНОВ. Рывок в «светлое будущее»... — 3
Валерий ХАТЮШИН. Выход из тупика — 4
Валерий ХАТЮШИН. В борьбе за русскую правду — 10
Алексей ШВЕЧИКОВ. Вперёд — к социализму — 9
Александр ШИНКАРЁВ. Размышления после Дня Победы — 9

ПРОЗА

- Николай БОРИСОВ. Выстрел. Рассказ — 9
Владимир ВЕЩУНОВ. Асператус. Рассказ — 10
Юрий ВИСЬКИН. Шило. Рассказ — 10
Татьяна ГРИБАНОВА. Серёга Кумов. Повесть — 11-12
Игорь ИЗБОРЦЕВ. Были и небыли завокзалья. Короткие рассказы — 11-12
Михаил ЗАРУБИН. Два рассказа — 3
Владимир КАЗМИН. Укол «Рапиры». Рассказ — 9
Евгений КАЛАЧЁВ. Тувинский заяц. Рассказ — 5-6
Наталья КОРОТКОВА. По долинам и по взгорьям. Повествование в рассказах — 3

Наталья КОРОТКОВА. Письмо в головной офис. Рассказ — 11-12
Павел КРЕНЁВ. Художник. Рассказ — 1-2
Анатолий КРИЩЕНКО. Ода Создателю. Рассказ — 7-8
Владимир КРУПИН. Исцеление. Рассказ — 4
Антон КУПРАЧ. Два рассказа — 10
Алексий ЛИСНЯК. Короткие рассказы — 1-2
Алексий ЛИСНЯК. Короткие рассказы — 9
Юрий МАНАКОВ. Два рассказа — 7-8
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Попутчики. Рассказ — 5-6
Андрей НЕКЛЮДОВ. Два рассказа — 5-6
Николай ОЛЬКОВ. Два рассказа — 9
Фёдор ОШЕВНЁВ. «Честное имя» генерала. Рассказ — 4
Юрий ПАХОМОВ. Ужин на двоих. Рассказ — 3
Юрий ПАХОМОВ. Рассказы — 9
Артём ПОПОВ. Избачиха. Рассказ — 11-12
Ирина ПРИЩЕПОВА. Байкал во льдах. Эссе — 3
Владимир ПРОНСКИЙ. Герань в распахнутом окне. Роман — 1-2, 3, 4, 5-6
Сергей ПЫЛЁВ. Два рассказа — 10
Михаил СМИРНОВ. Рассказы — 10
Александр ТИТОВ. Комсомолка. Повесть — 7-8
Виктор ТРЫНКИН. Лёнька. Рассказ — 4
Алексей ХЛУДЕНЁВ. Видит ли небо землю? Рассказ — 7-8

ПОЭЗИЯ

Валерий АВДЕЕВ. Вышний свет. Стихи — 5-6
Анатолий АВРУТИН. Русские цветы. Стихи — 5-6
Николай АЛЕШКОВ. Ковчег. Поэма — 1-2
Хизри АСАДУЛАЕВ. Река времён. Стихи — 9
Александр АФАНАСЬЕВ. Любовь прощальная. Стихи — 3
Марина АХМЕДОВА. Дым Отечества. Стихи — 4
Дмитрий БАЛАШОВ. Предтеча зари. Стихи — 4
Татьяна ВЕТРОВА. Безусловно, люблю. Стихи. — 7-8
Алексей ГУШАН. Откровение Родины. Стихи — 3
Олег ИГНАТЬЕВ. На сквозняке земных суев. Стихи — 5-6
Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА. Птица Сирий. Стихи — 11-12
Виктор КАРПУШИН. У светлой реки. Стихи — 4
Ирина КАТЧЕНКОВА. Эта горькая память... Стихи — 11-12
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. За лесами сизыми. Стихи — 5-6
Зоя КОЛЕСНИКОВА. Провинциальная луна. Стихи
Николай КОНОВСКОЙ. Свыше рожденное слово. Стихи — 3
Николай КОНОВСКОЙ. Свет, раздвигающий тьму. Стихи — 10
Елена КУЗЬМИНА. Почерк пушкинской метели. Стихи — 3
Александр ЛАЙКОВ. На кручёном яру. Стихи — 11-12
Светлана ЛЕОНТЬЕВА. Моя Атлантида. Стихи — 4
Алла ЛИНЁВА. В ожидании тишины. Стихи — 10
Эмма МЕНЬШИКОВА. На расстоянии сердца. Стихи — 10
Валерий МИХАЙЛОВ. От края судьбы и до края. Стихи — 7-8
Молодые поэты Оренбурга — 3
Татьяна ПАРСАНОВА. Боль невозврата. Стихи — 7-8
Наталья РАДОСТЕВА. Без края и меры. Стихи — 5-6
Евгений СЕМИЧЕВ. В Господней Вселенной. Стихи — 1-2
Владимир СИЛКИН. Живу и надеюсь. Стихи — 10

Светлана СУПРУНОВА. Поэтические пародии — 5-6
Светлана СУПРУНОВА. Россыпь яблок на снегу. Стихи — 7-8
Анастасия УСТИНОВА. Волшебная юдоль. Стихи — 1-2
Юрий ФАТНЕВ. Розовеют здесь флоксы... Стихи — 9
Дмитрий ХАНИН. Ощущение временности судеб... Стихи — 11-12
Валерий ХАТЮШИН. Третий снег. Стихи — 10
Владимир ХОМЯКОВ. О чём ты, Родина, поешь? Стихи — 11-12
Сергей ЧУХИН. Время разлуки. Стихи — 9
Татьяна ШОРОХОВА. Путь без конца. Стихи — 9
Стихи поэтов Дагестана — 4
Стихи мурманских поэтов — 10
Стихи поэтов Крыма — 1-2
Стихи поэтов Ульяновска — 11-12
Стихи участников Всероссийского совещания молодых авторов — 9
Стихи ярославских поэтов — 7-8

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Иван ВЕНЕВЦЕВ. Урал — быстра река. Фрагменты романа — 7-8
Сергей КЛЫЧКОВ. Дубенская девка. Глава из романа — 11-12
Эмма МЕНЬШИКОВА. Вольный проезд Марины Цветаевой — 1-2
Николай ТРЯПКИН. Стихи — 4
Валерий ХАТЮШИН. Моя Пушкиниана. Стихи — 5-6
Алексей ШОРОХОВ. Птицы небесные Ивана Веневцева — 7-8
Алексей ШОРОХОВ. Крестьянская Русь: между иконой и дубиной — 11-12

СИМВОЛ ВЕРЫ

Николай БУЛГАКОВ. «Душа слышит свет...» — 9
Павел ВАСИЛЬЕВ-ЕФРЕМОВ. Вокзал для двоих — 1-2
Владимир ОСИПОВ. Томос предателя — 4
Ольга СОКУРОВА. Воспоминания об Иоанне Крестьянке — 5-6
Сергей ЧЕЧАНИЧЕВ. Народность или дух и вера? — 5-6
Сергей ЧЕЧАНИЧЕВ. «Отречение» Государя и наша совесть — 11-12

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай АНДРЕЕВ. Маркс и Россия — 11-12
Валерий ГАБРУСЕНКО. Черносотенцы. За чей счет праздник? Сталинофобия — 3
Валерий ГАБРУСЕНКО. Три крымские истории — 7-8
Филипп ЛЕБЕДЬ. История границы с Китаем — 4
О мемуарах Скоропадского — 4
Леонид ПОЛЯКОВ. Битва при Молодях — 10
Игорь ХОДАКОВ. Возможно ли мирное сосуществование? — 7-8
Сергей ХОЛОДОВ. О жалких потугах либерального ума — 10
Сергей ХОЛОДОВ. Момент истины в августе 39-го — 11-12

ЛАРЕЦ

Г.Р. ДЕРЖАВИН. Бог (Ода) — 7-8
И.С. ТРГЕНЕВ. Бурмистр. Рассказ — 1-2
Василий ШУКШИН. Упорный. Рассказ — 9

ДОСЬЕ «МГ»

- Владимир БОЛЬШАКОВ. Кто нас учит Родину любить? — 4
Владимир БОЛЬШАКОВ. Осторожно: пятая колонна — 9
Владимир БОЛЬШАКОВ. Пятая колонна на вражеском довольствии — 10
Владимир БОЛЬШАКОВ. Осторожно: ток-шоу — 11-12
Валерий ГАБРУСЕНКО. В чёрно-белом обрамлении — 1-2
Елена СЕМЁНОВА. Неоязычество как проект разрушения русской идентичности — 11-12
Сергей ХОЛОДОВ. «Человек, похожий на Генерального прокурора» — 7-8

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

- Валерий ГАБРУСЕНКО. Отрывки из прошлого — 5-6
Владимир ПЕТРОВ. «И был увенчан я...» — 4

ПОДВИЖНИКИ

- Михаил ЛЕМЕШЕВ. Об истоках мудрости и таланта — 3
Владимир НИКОЛАЕВ. Открывший «внутреннего врага» — 10

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Анатолий БАЙБОРОДИН. Слово о русском слове — 4
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Отступать некуда! — 3
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Честь слова и слово чести — 9

РУССКИЙ ВОПРОС

- Валерий ГАБРУСЕНКО. Технология денационализации русского народа — 10
Владимир ЛИНДЕРМАН. Государственная русофобия в Латвии — 10

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

- Владимир БОЛЬШАКОВ. Дефекты нерусского ума — 1-2
Клим БУРОВ. Атеист Невзоров — 11-12

ИСТОКИ

- Людмила ГРИЦАЙ. «Прощание славянки» — 7-8
Людмила ТУРОВСКАЯ. История создания песни — 5-6
Людмила ТУРОВСКАЯ. «Подмосковные вечера» — 7-8

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

- Нина БОЙКО. Тоска небывалой весны (М.Ю. Лермонтов). Продолжение — 1-2, 3

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Владимир АНИЩЕНКОВ. Первый украинский фронт — 4
Виктор БАРАКОВ. Год капитуляций — 4

Владимир БОЛЬШАКОВ. Вызов века — национальный вопрос — 5-6
Юрий ГИЛЕВ. Европейский геноцид в русских областях — 5-6
Павел ГУБАРЕВ. Путь Донбасса — 7-8
Павел ЗАДОРОЖНЫЙ. Избавимся от имен террористов! — 5-6
Роман ИЛЮЩЕНКО. Расшнурованная «культура» — 7-8
Сергий КАРАМЫШЕВ. Апология мата на российском ТВ — 3
Сергей КАРАМЫШЕВ. В чём польза укронацистского режима? — 4
Владимир КРУПИН. Насилие над детьми — 9
Владимир ЛАКТЮШИН. «Нам надо захватить Москву!» — 10
Николай ЛОБАСТОВ. Плоды гнилого дерева — 3
Руслан ЛЯПИН. От русской весны к русской осени — 5-6
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. «Перезагрузка» — 3
Владимир ОСИПОВ. Инструменты глобализации — 3
Владимир ОСИПОВ. Кто виноват в жертвах Отечественной войны? — 10
Фёдор ПАПАЯНИ. Идеология политической нации — 4
Никита ПОЗДНЯКОВ. Либеральные мантры — 9
Василий ПУШКИН. Сибирские пожары — 11-12
Андрей САМАРЕЦ. Мошенничество как система — 11-12
Андрей СОШЕНКО. На фоне золотых слитков — 5-6
Фёдор ПАПАЯНИ. Либералы пожирают Россию — 7-8
Игорь РОМАНОВ. Мигранты и Россия — 9
Игорь РОМАНОВ. Миграционная политика или тихая оккупация — 10
Василий СМИРНОВ. Либеральные плоды — 10
Валерий ФИЛИМОНОВ. Как и сказано в Откровении — 7-8
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Опасная игра — 10
Алексей ЧИЧКИН. Планы разрушения без срока давности — 4

ЗЕМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Заколдованное место — 9
Ёлка НЯГОЛОВА. Дать шанс нашим душам — 9
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспомина-
ния — 1-2, 3, 4, 5-6, 7-8, 9, 10, 11-12

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Михаил АНТОНОВ. Пушкин и ныне — наше всё — 4
Михаил АНТОНОВ. Пушкин и ныне — наше всё. Окончание — 5-6
Валентина БЕЛЯЕВА. «Мальчик или девочка?» Нечаянные впечат-
ления от спектакля «Серёжа» в МХТ им. А.П. Чехова — 7-8
Наталья ЕГОРОВА. Ангел с красными крыльями — 11-12
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. «Духовной жаждой томим...» — 7-8
Владимир ЮДИН. Грустит Катунь... К 90-летию со дня рождения
В.М. Шукшина — 5-6

Дорогие читатели «Молодой гвардии», у вас есть возможность получить в подарок Собрание сочинений в 6 томах главного редактора журнала Валерия Хатюшина. Для этого необходимо приехать в редакцию или оплатить почтовую доставку в сумме 600 руб. Деньги нужно перевести на банковскую карту Сбербанка № 2202 2005 6546 0175, указав в сопроводительном письме свой полный почтовый адрес.

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2020 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же, со своей стороны, обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Вышла в свет книга нашего постоянного автора, новосибирского ученого Валерия Габрусенко «**200 русских гениев**» — биографии гениальных русских изобретателей, конструкторов, открывателей и выдающихся личностей в области науки, техники и медицины. Биографические очерки снабжены фотографиями их героев. Книгу можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия». Цена почтовой доставки заказной бандеролью 400 руб. Номер карты Сбербанка: 2202 2005 6546 0175. Свой почтовый адрес можете сообщить по телефону: 8 916 718 25 52 или по эл. почте: mg0002015@yandex.ru